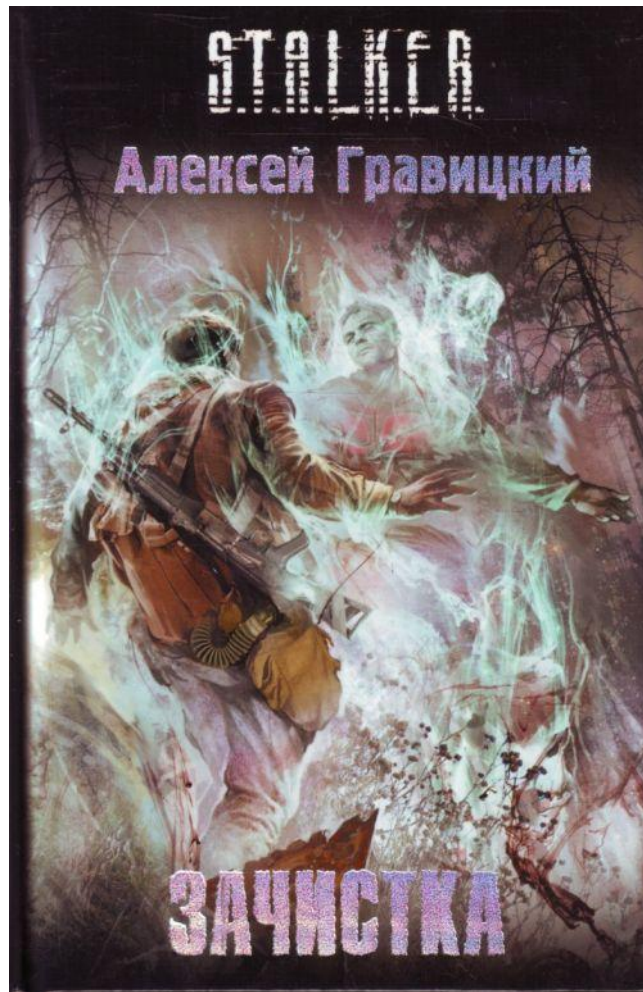

Алексей Гравицкий Зачистка

S.T.A.L.K.E.R. – 46

Аннотация:

Принято считать, что Зона нестабильна, но даже в этом непостоянстве есть сложившиеся устои. Так, например, всем известно, чего ожидать от кордонов и контролирующих периметр военных. Генерал Хворостин принимает под свое командование часть периметра. Новая метла по-новому метет. Хворостин уверен - он знает, что и как должно быть организовано в Зоне отчуждения. На свой страх и риск генерал наичнает свою игру. И амбиции его гораздо шире, чем единоличный контроль над периметром. На кону контроль над всей Зоной.

Алексей Гравицкий Зачистка

Сталкеру Мунлайту, сталкеру Снейку и другим «ушедшим в Зону»...

Пролог

Я помню его. Помню очень хорошо.

Хуже припоминаются детали окружающего пространства. Что-то не запомнилось вовсе, что-то размылось со временем. А он... о нем я всегда вспоминаю так, словно видел его только вчера. До боли яркий образ.

Да, с некоторых пор я знаю, что такое боль. Он научил меня. Или правильнее сказать, дал почувствовать? Я не знаю. Но в тот момент, когда его не стало, я понял как это, когда бывает больно.

Больно терять отца. А он в каком-то смысле был мне отцом. Во всяком случае я всегда считал его таковым. Возможно, он думал об этом иначе. Не важно. В конечном счете, не так важно, как относится к тебе человек. Важно, как ты к нему относишься. А я считал его своим отцом.

Я помню его с момента своего рождения и до его последнего вздоха.

Помню его страх.

Помню его боль.

Помню его усталость, которой он никогда и никому не показывал. Этого никто не видел, все привыкли считать его шутником. Эдаким весельчаком, смеющимся над страхом, не думающим о боли, не чувствующим усталости. С такими людьми очень удобно. От них не ждешь жалоб, но им можно пожаловаться. А еще с ними весело.

Но на самом деле все не так. Я не могу этого объяснить. Плохо понимаю человеческую натуру. Но я чувствую. И тогда я чувствовал не то, что он показывал окружающим.

Я помню его улыбку. Он часто зубоскалил, но я помню другое. Именно улыбку. Искреннюю, теплую, светлую. Так человек улыбается только один раз в жизни, когда знает, что сделал в этой жизни что-то достойное.

С ним рядом всегда находились какие-то люди, но для большинства из них он казался не тем, кем был на самом деле. Иногда мне думается, возможно лишь я один понимал его. Хотелось бы, что бы это было не так. Печально думать, что человек может быть настолько не понят.

Не знаю, кем был для него я, но жалею, что так и не рассказал ему, кем был для меня он. Мы ведь толком и не говорили. Как-то не сложилось.

Да и долго бы нам пришлось понимать друг друга. Мне учиться говорить, ему учиться слушать.

И тем не менее, я буду помнить его всегда. Слишком много он для меня значил. Вот только понял я это слишком поздно, когда в прошлом у нас осталось больше, чем я думал, а впереди — меньше, чем мне бы того хотелось.

Часть первая. Бегство

1

Дорога окончательно вымотала Хворостина, довела до крайней степени раздражения. Сперва кончился нормальный асфальт, вместо него пошло нечто раздолбанное, нещадно бьющее по подвеске, а следом и по генеральскому задку.

Хворостин матерился про себя, его водитель бурчал нечто нецензурное себе под нос, чем действовал генералу на нервы чуть ли не больше раздолбанной дороги. Потом была первая цепь заграждения. Шлагбаум и пара идиотов срочников, не признавших начальство с первого взгляда.

Злость росла, а путь продолжался. Останки асфальта превратились в полное бездорожье. Машину трясло, пассажиров подбрасывало так, будто в детстве на аттракционах. Только если маленький Хворостин приходил от американских горок в восторг, то сейчас они были явно не к месту и окончательно испортили настроение.

Внедорожник швырнуло в сторону. Генерал едва не прикусил язык. Водила снова едва различимо ругнулся. И хотя витиеватого заклинания на исконно-русском Хворостин не разобрал, то, что наглец за баранкой материться сомнений не вызывало.

— Далеко еще? — сердито буркнул генерал.

— До кордона? Километр по прямой, не больше, товарищ генерал, — отозвался водитель.

— Останови!

Водила покосился на начальство с сомнением, но спорить не осмелился. Внедорожник сбросил скорость и сместился к кустам. Хворостин дождался, когда машина остановится и распахнул дверцу. Водитель наблюдал за ним со все возрастающим интересом.

— Я пешком пройду, — пояснил генерал, — а ты покури, оправься и подъезжай.

— Разрешите обратиться, — засуетился водитель. — Здесь небезопасно, товарищ генерал.

— Мне казалось, что Зона там, за кордоном, — пожал плечами Хворостин и испытующе поглядел на водителя. — Или не так?

— Так, — водила съехал под начальственным взглядом. — Только здесь тоже всякое встречается. Торгаши, сталкерня, мелкие аномалии. Собаки опять же.

— Собаки, — фыркнул Хворостин и вылез из машины.

Когда обернулся, водитель уже стоял снаружи и с опаской таращился на него. Эта материнская забота от подчиненного действовала на и без того истрепанные нервы.

— Мне осталось пройти паршивых шестьсот метров.

— Целых шестьсот.

— Всего шестьсот, — отрезал генерал. — Подъедешь через полчаса.

— Слушаюсь, — отчеканил тот.

Хворостин резко развернулся и зашагал вперед. Через полсотни шагов машина и водитель скрылись за деревьями, а еще через несколько десятков стало совсем тихо.

Лес был нехороший. Мертвый. Дыхания у него не было. Всех звуков — только шуршание листьев под ногами. Ни птиц, ни насекомых, ни хоть какой-то заваливающей полевки. И пахло чем-то гнилым.

Генерал поежился. Пресловутые шестьсот метров стали казаться вдруг чем-то осязаемым. Рука метнулась к кобуре, пальцы стиснулись на рукояти пистолета. Теплый, нагретый от близости человеческого тела металл казался сейчас живее природы вокруг. С пистолетом в руке почувствовал себя спокойнее.

Деревья расступились. Перед Хворостиным раскинулась широкая поляна, засыпанная разноцветной листвой. По ту сторону поляны деревья росли уже не так густо. За ними проступали остовы домишек и сараев, серели сгнившие, завалившиеся ограды. Один заборчик привалился к ржавому кузову УАЗика «Буханки».

Среди всей этой разрухи чем-то более-менее целым выделялся двухэтажный кирпичный домик. Во всяком случае он не превратился в разваленную грудку гнилья, повисшего на стропилах.

Генерал перемахнул поляну и устремился мимо деревенских руин к двухэтажке.

При ближайшем рассмотрении дом смотрелся весьма плачевно. Когда-то белая краска, которой были выкрашены стены, пучилась и осыпалась лохматыми ошметками, покрывая землю ничуть не хуже жухлой листвы. На одной из стен с трудом читалась выцветшая надпись: «Прости и прощай мой дом!». Интересно, когда и кто оставил здесь это граффити?

Крыша дома провисла, норовя провалиться внутрь. Ступеньки крыльца стесались. Перила испарились. Об их присутствии здесь напоминали лишь два гнутых железных прута, торчащих посреди левого края короткой лестницы. Однако дверь висела на своем месте. И стекла в окнах были.

— Стоять, — приказали из-за спины тихо. — Ствол на землю, или стреляю.

Хворостин дернулся от неожиданности. Эта мгновенная слабость вывела из равновесия окончательно.

— Вы что здесь охренели все? — утробно прорычал он, медленно оборачиваясь.

Солдатик с АКМом, что стоял с ним теперь нос к носу, попятился, понимая, что облажался.

— Простите, товарищ генерал.

— Старший кто?

— Капитан Берденко, — солдатик кивнул на двухэтажный обшарпанный дом, давая понять, где искать капитана.

— Свободен, — бросил на ходу Хворостин и направился к лестнице с оторванными перилами.

Дверь на удивление открылась без скрипа. Внутри пахло пылью и сыростью. На право и налево от входа разбегались коридоры. В конце левого устроилась лестница на второй этаж. В середине правого находилась приоткрытая дверь, из-за которой доносились голоса.

Хворостин любил заявляться вот так, без предупреждения, не давая времени на подготовку к его визиту, чтобы видеть все как есть. Но то, что видел сейчас, ему не нравилось. Еще меньше понравилось то, что услышал.

— ...думаешь нас это не коснется?

— С чего бы?

— Ну знаешь как говорят, Андрей, новая метла по-новому метет.

— Да плевать. Пусть они там себе метут чего хотят. Ты вот сколько здесь? Пол года? Ты за это время прошлое начальство хоть раз здесь видел?

Хворостин неслышно добрался до двери, остановился и прислушался. В помещении что-то булькнуло, зажурчало, грекнуло.

— Одного штабного махнули на другого, — продолжил невидимый Андрей, — нам-то что? Наше дело маленькое. Приказано охранять кордон, охраняем. Прикажут свалить с кордона, свалим. Только не прикажут, там наверху всем наплевать. Главное, Серега, чтобы кордон стоял и шибко заметного движения через него не было.

— Хорошее у нас начальство.

— Начальство, как родители. Его не выбирают.

— Думаешь у хохлов и ооновцев то же самое?

— У ООН пес его знает, а у братьев украинцев все так же. К гадалке не ходи. Братские народы, фиг ли. Традиции одни, а по традиции начальство само по себе, а все что ниже как-нибудь само.

Дальше слушать Хворостин не стал. Толкнул дверь и вошел внутрь. Комнатенка оказалась небольшой. В ней стоял побитый жизнью стол, пара лавок и тумбочка без ящика и дверцы. На тумбочке пылел клубами пара замызганный электрический чайник и несколько стаканов. Еще пара стаканов стояли на столе. В одном из них капитан Андрей Берденко отмачивал чайный пакетик. Именно за этим занятием и застал его генерал.

Второй, тот самый Серега с погонами старшего лейтенанта, сидел на лавке против Берденко. Генерала он увидел первым. И среагировал первым, поспешно подскочив с лавочки.

Хворостин одарил его пренебрежительным взглядом и повернулся к капитану. Тот к этому времени тоже узрел генерала. И судя по утопленному чайному пакету, неожиданный гость произвел на него впечатление.

— Старлей, — не поворачиваясь, сладко протянул Хворостин, — выйди вон. А вы, товарищ капитан, потрудитесь объяснить, какого рожна вы обсуждаете вышестоящее руководство с младшим по званию. Что за бардак у вас здесь происходит?

Тихо стукнула закрывшаяся дверь. Генерал прошел к столу, опустился на лавочку и огляделся. Все это от кордона до командующего здесь капитана поступило в его распоряжение, и как распорядиться этим Хворостин пока не знал. Но то, что во всех этих черныбыльских красотах придется наводить порядок, видно было невооруженным глазом.

— Я жду, капитан, — поторопил он потерявшегося Берденко.

2

Холодно было совсем недолго. Всего какую-то вечность. Сперва оледенели ноги, затем постепенно холод сковал все тело, словно кто-то или что-то высосало из него все тепло.

Сдохнуть с песенкой на устах не получилось. Губы и язык перестали слушаться, как и все остальные мышцы, а потом и вовсе застыли. Оставалось только торчать посреди тумана, не имея возможности пошевелить хоть пальцем, и ни черта не чувствуя.

«А смерть оказывается не такая быстрая, как хотелось бы», — колыхнулась вялая мысль. — «Интересно, сколько еще?»

Ответа не было. Вообще ничего не было. Бесконечный, простирающийся до мозга костей, холод добрался-таки до критической точки, за которой не осталось вообще никаких ощущений. Чувства атрофировались. Он не смог бы теперь сказать с уверенностью стоит он, лежит или висит в воздухе.

Слух если и сохранился, то был абсолютно бесполезен. Слушать было нечего. Кругом стояла ватная тишина. И плыл густой, как молоко, туман.

«Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу», — трепыхнулась в сознании попытка превратить конец в шутку. Но озвучить ее он не мог, да и слушателей не было.

Наверное так чувствует себя эмбрион. Хотя у зародыша есть связь с реальной действительностью, а у него такой связи не осталось. Лишь зависшее в нигде сознание, плывущее по течению из ниоткуда в никуда.

А может он все-таки умер? И это конец. То самое посмертие, которое пытаются нарисовать в виде коридора, в конце которого свет и толпа оживших покойников, встречающих тебя со счастливыми улыбками. Вот только тоннеля нет. Темноты нет, света нет. И родных и близких тоже не видно.

Ощущение времени потерялось следом за ощущением пространства. Бесконечный холод сменился новой бесконечностью, определения которой не нашлось. Как определить состояние, при котором мир теряет верх, низ, право и лево, становится неощутимым, без вкуса, цвета, запаха, без звуков? Когда ничего не видно кроме мутной белизны? Когда не ощущаешь даже собственного тела? Когда все что есть — это твоя память и неугасающее отчего-то сознание?

Через какое-то время возникло желание сойти с ума. Зародилась мысль, что сумасшествие в данном случае могло бы быть переходом сознания на новый уровень. И с этим новым пришло бы понимание происходящего и осознание того, как в нем существовать. Но сознание цеплялось за память о реальности и не желало делать качественный скачок.

Первым вернулось зрение, если конечно считать, что оно пропадало. В молочно-белом тумане стали возникать едва заметные парующиеся струйки. Что это? Откуда?

Понимание этого пришло не сразу, а когда оно возникло, оформилось и окрепло, снова захотелось сойти с ума. Источником клубящихся дымок оказалось его тело. Будто он был вырезан из льда, и это ледяное изваяние стояло теперь на железном листе и жарилось на солнце.

Вопреки законам физики, которые перестали существовать, кажется, вместе с тактильными ощущениями, дымка не развеивалась, а сгущалась, словно внутри нее была какая-то притягивающая сила.

«Я испаряюсь?» — екнуло в груди. И это стало первым вновь возникшим ощущением.

Дымок клубился, густел. Дымные сгустки стали отдаляться от него, приобретая форму, принимая некие очертания. Сероватые, полупрозрачные клубы оформились в человеческую фигуру. Мужскую, довольно крепкую, хоть и бесплотную, и до боли знакомую.

И это одновременно завораживающее и ужасающее зрелище тоже длилось какое-то время, растянувшееся в очередную бесконечность, счет которым он уже потерял. А потом сотканная из тумана, выпаренная из его тела фигура отстранилась и застыла на расстоянии протянутой руки.

Если бы он мог, то, наверное, развернулся бы сейчас и побежал прочь. Из всех сил. Не разбирая дороги. И плевать, что это смертельно опасно. Если бы... Но тело по-прежнему не ощущалось. Потому оставалось только наблюдать за клубящейся фигурой — точной копией

его самого. А парующийся воздушный двойник стоял не двигаясь и смотрел на него изучающе.

Смотрел! В этом он готов был теперь поклясться. Облако дыма, видение, мираж, бесплотный дух. Существо склонило на бок прозрачную клубящуюся голову и словно бы улыбнулось теплой грустной улыбкой уходящего лета.

И от этой «улыбки» внутри у него все сжалось, словно выдернули кусок души. Будто что-то незаметное, неиспользуемое, недооцененное, но невероятно нужное вырвали из него, давая понять, что оно было прежде, но никогда не будет впредь.

Прозрачный, как привидение из детского мультика, двойник отвернулся и зашагал прочь. Он не развеялся, не растаял. Он просто уходил, терялся в тумане. И это в отличие от всего, что было прежде, длилось не бесконечность, а считанные секунды.

Раз! И воздушного двойника не стало, словно никогда не было. Но почему-то осталась уверенность, что он не пропал. Только ушел куда-то на время, а может и навсегда, но ушел недалеко. Затаился где-то неподалеку и будет теперь здесь всегда.

Как будто Зона сняла с него посмертную маску. Слепок. Кальку. Или что-то большее?

Мысли зашевелились быстрее. Он почувствовал тепло, но осознание того, что опять может чувствовать, появилось не сразу. Разум отказывался моментально принимать такой объем несуразности, разрушающий представления о мире.

Когда снова осознал себя в реальности, он сидел на земле. Вокруг стоял все тот же, набивший оскомину, непроглядный туман. Было сыро и пахло прелой травой. Осенний день неумолимо клонился к вечеру. Все тот же день? Сколько прошло времени?

Он попытался подняться и понял, что придется заново учиться ходить. Ноги не казались замерзшими, будто и не было того жуткого аномального холода, зато перестали слушаться.

Что это было? Он умер? Родился заново? Это дар или наказание? Что это?

— Поцелуй Зоны, — губы разлепились с трудом, но фраза, хоть и хрипящая, прозвучала четко.

Он сделал шаг, другой. Ноги двигались так, словно он сильно отлежал их, и хотя кровь уже вновь бежала по сосудам, разойтись по затекшим конечностям она еще не успела.

Шатаясь, словно пьяный он зашагал сквозь туман, плохо соображая, куда и зачем идет. Да и неважно сейчас это было. Главное — он жив! Неизвестно как, непонятно почему, но жив. Бултыхающаяся, как марионетка в руке нетрезвого кукловода, фигура начала теряться в тумане. А через минуту из непроглядной молочной пелены донесся хриплый голос, напевающий казалось бы совсем неуместного здесь, давно позабытого Криса де Бурга.

Espionage is a serious business,
Well I've had enough of this serious business,
That dancing girl is making eyes at me,
I'm sure she's working for the K.G.B.
Moonlight and vodka, takes me away,
Midnight in Moscow is lunchtime in L.A.¹

Сталкер Мунлайт возвращался к жизни.

3

¹ Шпионаж — дело серьезное,
Что ж, хватит с меня этого бизнеса.
Танцующая девушка строит мне глазки,
Я уверен, она работает на КГБ.
Лунный свет и водка уносят меня прочь.
В Москве полночь, а в Лос-Анжелесе время завтрака (англ.)
Автор песни Крис де Бург.

— Кто здесь?

Голос прозвучал совсем тихо, но Мун услышал и замер, не торопясь двигаться дальше. Говорившего в тумане различить было невозможно, даже силуэт не читался, а значит и ему Мунлайта не видать. Получается, этот незнакомый человек на звук среагировал. Если конечно это вообще человек.

— Кабан, — позвал невидимка чуть громче, — если это ты, откликнись. Иначе стреляю.

Теперь голос был узнаваем и Мун позволил себе немного расслабиться.

— А если я откликнусь, но я не Кабан, тогда что? — ехидно поинтересовался он у тумана и зашагал вперед.

Фигура говорившего вырисовалась массивным смазанным пятном. Еще пара шагов и четко вырисовались очертания силуэта мужчины. Он сидел на земле возле поваленного ствола дерева, подложив под спину рюкзак и вытянув вперед правую ногу. Вторая нога была подогнута. На коленях лежал автомат. Рядом валялся знакомый Муну «Вал». В паре шагов потрескивал чахлый, полупотухший костерок.

— Снейк, скотина, — улыбнулся Мунлайт. — Как же я рад тебя видеть.

На бледном бородатом, как у Санта Клауса лице промелькнуло радостное узнавание.

— Сколько раз я просил тебя не называть меня Снейком.

— И как вас величать прикажете, батюшко «неСнейк»?

— Зови Змеем. Или русский язык забыл? Хаосит несчастный.

— Само такое, — беззлобно отмахнулся Мун и подошел ближе.

Снейк выглядел больным, уставшим и замученным. Бородища торчала ключьями. Выставленная вперед правая нога была перевязана выше колена. Бинт казался единственной чистой тряпкой на его теле. И тот темнел проступающим кровавым пятном. Не слишком большим.

Мунлайт уселся на бревно рядом.

— Это все? — кивнул на повязку.

— А тебе мало? — удивленно вылупиллся бородатый. — Хотя понятно дело, нога-то не твоя.

— Дурак ты, Снейк. Видать Угрюмый в самом деле сильно нервничал, когда на спуск давил. А то лежать бы тебе здесь совсем без ног. Чего там?

— Бедро навyleт, — сердито пробурчал бородатый. — Кость не задело, жилы вроде тоже целы.

Мунлайт покосился на раненого со странным выражением. Больше везения перепало только ему, вылезшему без ощутимого вреда для здоровья из аномалии.

— Ты в рубашке родился. А бинтовал кто?

— Кто-кто? Ты тут много народа видишь? Сам и бинтовал. Жгутом перетянул, промыл, перебинтовал. Ну и вколол, чего под рукой было. Барахла вы здесь много побросали. Оружие похватали только. А жратвы, медикаментов и прочей ерунды — жопой жуй. Могу магазин открывать.

Мун встал с бревна и поднял с земли автомат. Этот самый «Вал» он держал в руках еще утром, а кажется, будто с тех пор целая жизнь прошла.

— Патронов нет, — хмуро предупредил Снейк. — Тут какая-то дрянь в тумане шлендрала, я и разрядил все до железки. Так что один «калахан» на двоих. И пара пистолетов припрятана.

Мун кивнул и отложил в сторону бесполезный «Вал». От автомата, хоть он трижды специальный, без боекомплекта толку ноль. Психологическим оружием здесь никого не пугаешь. Хочешь чего добиться — стреляй. А таскать на себе лишнее железо охоты нет, хотя и выбрасывать редкий ствол глупо.

Костер уже не горел, а тлел понемногу. Дымились жидкими струйками обугленные головешки. Запаса дров, кроме гнилого бревна, возле которого устроился Снейк, не нашлось.

— Я пойду хвороста наберу, — решил Мун. — Ты посиди пока.

— Не волнуйся, не уйду, — фыркнул бородач.

Пока он блуждал в тумане в поисках чего-то, что горит, почти совсем стемнело. Ночевать в Зоне, да еще в этом тумане, от которого сам черт не знает чего ждать, не хотелось смертельно. Вот только вариантов не было. Идти сквозь Зону и туман ночью и вовсе было самоубийством. Тем более с раненым на шее.

Ладно, ночь переживем, а там поглядим. Главное, чтобы у Снейка заражения не пошло. А то ночевка может стоить ноги. А без ноги мужику в Зоне не жизнь. Да и не в Зоне тоже.

Стараясь думать не о прошлом, будущем и прочих категориях, толкающих на ненужные фантазии, Мун принялся реанимировать костер. Прошлое копать глупо. Будущее прогнозировать наивно. А вот позаботиться о насущном — самое оно. И руки при деле, и ерунда всякая в голову не лезет, и дело опять же полезное.

Снейк все так же сидел у бревна и мучился. Не то от бездействия, не то от боли в простреленном бедре. Как, интересно, он вообще сюда дополз, если его, как он говорит, все бросили? Хотя, с другой стороны, можно и стометровку на сломанных ногах пробежать и на дерево со сломанным позвоночником влезть. Болевой шок штука такая.

Костер тихо потрескивал в темноте. С краю притулились две вскрытые жестяные банки с какой-то консервированной ерундой. На банке было написано «голубцы», но содержимое на голубцы походило мало. Впрочем, консервы — они и в Африке консервы. И похожи они на консервы, а не на то, что на них написано.

Пока Мун возился с костром и консервами, Снейк вкатил себе в ляжку новую дозу какого-то анальгетика и теперь ловил кайф от жизни. Боль видимо немного поутихла, и бородатый принялся приставать с расспросами.

Мунлайт отвечал нехотя. Чего рассказывать, если он и сам половины не знал. Да и то, что знает, не слишком приятно.

— Значит, Карася больше нет, — задумчиво произнес бородатый.

— Снейк, я ему горло вот этой рукой перерезал, — продемонстрировал Мун свою левую. — Думаешь, с этим живут?

— Не знаю, тебе виднее. Тебе с этим жить.

— Я не про себя, — огрызнулся Мун. — Я про Карася. И не хрен мне на совесть давить. Когда меня хотят убить и вопрос стоит о выживании, совесть не котируется.

— Жаль его, — задумчиво пробормотал Снейк. — Говнюк конечно тот еще был, но анекдоты травил весело.

— Анекдоты у него были бородатые и человек он был дрянной, — отрезал Мун. — И вообще, с какого перепуга ты вдруг начал шестерок Васькиных жалеть?

Услыхав про Ваську Кабана, Снейк встрепенулся.

— А этот где?

— Там же, где и его шестерки, — пробурчал Мунлайт.

Ковыряться в воспоминаниях ему не хотелось совершенно. День выдался суетный и стыдный. Ничего светлого в нем не было, гниль одна.

— Его тоже ты? — не отставал бородатый.

Мун мотнул головой и принялся выуживать из костра согревшиеся консервы.

— А Угрюмый с мальчишкой со своим что же?

— Ушли... Ё-мое!

Мун отдернул руку и принялся зло трясти обожженными пальцами.

— Когда я видел их последний раз, они живые и здоровые возвращались обратно. Так что, если приключений на задницу не нарыли, то сейчас приняли по двести пятьдесят на рыло и дрыхнут в каморке у Угрюмого.

Он осторожно перехватил банку и протянул Снейку. Вторую взял себе, на «голубцы» посмотрел с тоской. Есть не хотелось, но не сидеть же голодным всю ночь напролет. Осень всеж-таки снаружи не греет, так хоть брюхо набить.

— Они же вроде к четвертому энергоблоку шли, — продолжал любопытничать Снейк.

— Слушай, — разозлился Мун. — Ты бы пошел туда после всего, что сегодня было, практически без оружия?

— Я б туда вообще не пошел, — отмахнулся Снейк.

— А Угрюмый, что думаешь, совсем без мозгов? Назад он пошел. К «Долгу».

«А может и не назад», — мелькнуло в голове. — «Кто его знает, что Угрюмому в башку вступит? Чужая душа — потемки».

Но думать об этом не хотелось. Снейк все так же сидел на земле у бревна, только «пенку» под задницу подсунил. Содержимое банки ковырял ножом, отправлял в рот и, кажется, получал от этого удовольствие.

— Выходит, — подытожил бородатый, облизывая нож, — четверо отправились на тот свет, двое домой. А мы с тобой...

Он замолчал и хмыкнул, словно совершил открытие.

— Хорошая прогулочка получилась. Нас оставалось только двое из восемнадцати ребят, — пропел бородатый.

— Не-а, не так, — покачал головой Мунлайт.

Он поводил носом по сторонам, словно искал что-то, сам не зная, что ищет. Наконец, за неимением лучшего, перехватил консервную банку и принялся настучивать по ней тупой стороной лезвия ножа. А потом запел:

Жаль подмога не пришла,
Подкрепление не прислали.
Нас осталось только два,
Нас с тобою напаяли.
Все братушки полегли
И с патронами напряжно,
Но мы держим рубежи,
Мы сражаемся отважно.

Снейк слушал с раскрытым ртом, безвольно опустив консервную банку. Мун прежде пел много и всегда задорно. Не важно что, но всегда в его песнях была пруха. Сейчас голос его звучал с какой-то мрачноватой обреченностью. И сам он выглядел как клоун за кулисами. Отработавший вечернюю программу. Парик еще не снят, грим еще не смыт, но человек уже другой, не тот, что паясничал на арене.

Пушка сдохла, все, гранец,
Больше нечем отбиваться.
Что ж, закурим, брат-боец,
Нам от смерти не смотреться.
Жаль подмога не пришла,
Подкрепление не прислали.
Что ж, обычные дела,
Нас с тобою напаяли.²

Мунлайт последний раз стукнул по банке, подкинул ножик и всадил его в землю по рукоять, как в детстве, когда играли в «ножички». Пустая банка по дуге отлетела в костер.

— Знаешь, Снейк, — удивительно серьезно произнес Мунлайт, — у меня такое впечатление, что мы сами себя нае... напаяли. Вот ты зачем с Кабаном пошел? Ты ж гопоту не перевариваешь.

Снейк поднял свою банку и бессмысленно заскреб по ее пустым внутренностям ножом. Мун молчал, словно ждал ответа. Бородатый поднял на него глаза и споткнулся о пристальный взгляд.

— Давай не будем об этом, — пробурчал он. — Дрянное дело вышло. Выхода у меня не было.

² Песня из репертуара группы «Х.З.». Позднее была перепета Борисом Гребенщиковым. В его исполнении стала более популярной, чем в авторской. Мунлайт исполняет свой, нецензурный вариант песни.

— Вот и у меня не было, — кивнул Мун. — Ладно, давай что ли автомат и спи. Я покараулю. Потом поменяемся.

4

Вышли с рассветом. Ночь прошла на удивление спокойно. Только костер к утру окончательно потух, и стало жутко холодно. Так что поспать еще, даже если б возникло такое желание, уже не получилось.

Перетряхивая содержимое рюкзаков и перекладывая самое необходимое в один, Мунлайт шурился спросонья и зябко ежился. Впрочем, согрелся он довольно быстро. Стоило только поднять Снейка и пройти с ним сотню метров.

Викингообразный бородач был не самой легкой ношей и хотя всячески старался помочь, нагрузка на плечи Муна свалилась нешуточная. Первый привал Мун устроил метров через двести. Молча усадил раненого на землю, вскрыл рюкзак и, оставив при себе только пистолеты с патронами и часть содержимого аптечки, безжалостно отшвырнул оставшееся.

— Сегодня не обедаем, — буднично заметил Снейк.

— У-тю-тю, какие мы оптимистичные. Ты еще доживи до обеда.

Мунлайт цыкнул сколотым зубом, дернул травинку и зажевал сочный кончик. К Снейку подошел с дежурно-ядовитой ухмылкой.

— Подъем, захребетник.

Без рюкзака двигаться стало немного легче, но не надолго. Бородатый отличался могучим телосложением. И если в другой ситуации Мунлайт этому порадовался бы, то сейчас оставалось только молчать в тряпочку и топать. Чем он и был занят.

Туман нависал плотной, молочно-белой пеленой. Тяжелый, сырой, непроглядный. Звуки в этой сырости разносились плохо, словно пробивались сквозь слой ваты. Видно было еще хуже, чем слышно. Разглядеть что-то дальше пятнадцати шагов казалось невозможно. Силуэты расплывались мутными неопределенными пятнами.

Мун пер, как трактор. Дыхание давно сбилось, вырывалось с хрипом. Перед глазами от напряжения мелькали темные пятна. Травинку свою он давно потерял и теперь только яростно закусывал губу.

Хотелось упасть на землю и больше не вставать. Но он знал, что если расслабиться, то заставить себя потом двигаться дальше будет еще труднее. Потому вгрызался зубами в губу и отсчитывал шаги.

Снейку все это давалось не легче, не смотря на то, что нашпиговал в бедро кучу анальгетиков. Сперва он старался хоть как-то ковылять, наступал на здоровую ногу, переносил центр тяжести и пытался хоть как-то облегчить приятелю жизнь. Но очень скоро эти попытки стали только мешать. Движения давались с трудом и болью.

Наконец он не выдержал:

— Слушай, оставь меня, — пробасил на ухо. — Не дотащишь. Иди сам. Доберешься до людей, найдешь кого-нибудь, потом вернешься.

— Ну ты нах, — хрипло отозвался Мун. — Где я тебе кого найду? И где я тебя потом искать буду?

— Порождение тьмы.

— Сам дурак.

Последняя фраза прозвучала совсем уже тяжело, и оба примолкли. Тихо шлепали шаги, что-то глухо брякало и звякало в тумане в такт этим шагам. Потом движение замерло и все смолкло. Слышалось только тяжелое усталое дыхание.

Мун помог бородатому усесться и сам плюхнулся рядом.

— Ща передохнем и двинем дальше, — объяснил он.

— Ты хоть знаешь, куда мы идем?

Мунлайт помялся. Признаться в том, что все ориентиры, если какие и были, давно потеряны, не хотелось даже себе.

— А у нас всего три выхода, — беспечно отозвался он. — Либо обратно к «долговцам» вернемся, либо к Припяти выйдем, либо к «Свободе». Тут один черт ничего больше нет. Рано или поздно куда-нибудь да придем.

— Или сдохнем, — философски заметил Снейк.

«Или дойдем и сдохнем», — подумалось Муну, но вслух он ничего не сказал. Лишь крикнул, поднимаясь на ноги.

— Отдохнул? Пошли.

— А наладонник что говорит? — пробасил бородатый. — Ты карту смотрел?

— Умный, да? Не работает здесь навигатор. Так что идем. Если долго идти в одном направлении...

Дыхание перехватило, когда взвалил на плечо бородатую тушу. Снейк зашипел от боли. Да, подъемы с трудом даются, хоть вообще не останавливайся.

Тело ныло и противилось. Не желало идти и тащить на себе такой вес. Требовало одуматься и избавиться от лишней ноши. Мун давно уже перестал считать шаги и надеялся только, что они идут по прямой, а не ходят по кругу. Только бы выйти из тумана. Не важно куда, лишь бы выбраться.

— Если долго идти в одном направлении, то можно не дойти и загнуться по дороге, — невесело пошутил Снейк, которому видимо не давала покоя последняя фраза.

Мунлайт остановился и сглотнул. Царапнуло горло.

— Снейк, — недовольно пробурчал он, — хорош нудеть, а? Достал.

* * *

И все-таки они шли по прямой. Когда ноги уже перестали двигаться, а тело требовало только одного, чтобы ему дали упасть и больше не трогали, туман как будто стал терять плотность.

Сначала он подумал, что это только кажется, но спустя несколько десятков невероятно тяжелых шагов он был в этом практически уверен. А еще немного погода пришло радостное осознание того, что самое страшное позади.

— Все, пришли, — остановился Мунлайт еще через полторы сотни метров.

Туман почти совсем растаял. Молочно-белая пелена осталась за спиной, а впереди пейзаж хоть и терял четкость, различался вполне сносно на сотни метров.

Пригорок, далекие начинающие облетать грязно-желтые кусты. Жухлая кое-где трава. Унылый осенний пейзаж радовал уже хотя бы тем, что он есть. Если сутки существовать в отсутствие хоть какого-то пейзажа, то возмущешься любому.

Чувствуя невероятное облегчение, он усадил, а вернее почти уронил Снейка и упал рядом сам. Еще бы ПДА включить, вдруг сеть ловит. По ощущениям левее Припять, а где-то впереди должна быть база «Свободы». Беспредельщики из «Свободы» не самая лучшая компания, но за неимением горничной можно и с дворником переспать.

Усталость будто бы поубавилась. В груди трепетало радостное возбуждение. Неизвестность позади. А впереди...

Он сел и дернул новую травинку.

Что бы ни произошло впереди, все уже привычно и объяснимо. Хоть бандиты, хоть псевдогиганты, хоть свободовцы, хоть армейские собаки, хоть слепые псы — с ними все ясно. От кого-то можно уйти, с кем-то договориться, кого-то пристрелить. Главное, все понятно и никакой мистики.

На этой мысли Мунлайт споткнулся и замер, как громом пораженный. Туман остался где-то позади, но завихрения на этом не закончились, и радость была преждевременной.

Травинка упала на землю, и Мун поспешно хлопнул челюстью, задним числом сообразив, что сидит с раззявленным ртом.

— Снейк, — тихо позвал он. — Ты его видишь?

— Кого? — не понял бородатый.

— Вперед смотри, на четверть третьего.

Снейк пошевелился, замер и выругался. Не иначе тоже увидел.

Впереди метрах в двухстах прямо по ходу и чуть правее по пригорку вдоль кустов топала щуплая фигурка. Человеческая, что было вполне допустимо, но детская. А вот это уже было невозможно.

Мальчишку впрочем невозможность собственного существования заботила мало. Он хоть и выглядел собранным, напряженным, но шел уверенно и спокойно, словно ходил этой тропкой каждый день уже много месяцев.

— Раз ты мне его показал, значит это не галлюцинация, — пробормотал Снейк. — Возникает вопрос, что это?

— Твои варианты?

— Либо какая-то тварь прикидывается и заманивает. Либо какая-то тварь залезла к нам в мозги, взяла на контроль и показывает веселые картинки.

Мунлайт неопределенно мотнул головой. Это была первая мысль, которая пришла к нему в голову, но он тут же поспешил ее откинуть. Во-первых, присутствие контролера он бы успел почувствовать. Наверное. А даже если б и нет, в любом случае оставалось «во-вторых».

А во-вторых, походка у мальчишки была не детская. Скорее сталкерская. Взвешенная, осторожная. Паренек топал достаточно быстро, видимо в самом деле знал дорогу, но при этом чувствовалась в его движениях напряженность и анализ всего, что происходит вокруг. И Мун сильно сомневался, что какой-нибудь контролер мог внушить двум сталкерам такой образ. Слишком сложная деталь. И уж на сто процентов был уверен в том, что никакая гадюка не перевоплотилась в мальчонку.

Если верить всему, что говорят бродяги у костра под градусом, разновидностей мутантов, способных изображать из себя то, чем они не являются, в Зоне много больше, чем сумели классифицировать ученые. Но обычно такие подделки были весьма грубы. Покупались на них, как правило, новички. Правда, случалось твари и бывалых сталкеров подлавливали, но редко и разве что в темных помещениях. При свете дня на подделку купился бы только очень доверчивый. А таких в Зоне не каждый день встретишь.

Мальчишка не быстро, но уверенно удалялся.

— Чего делать будем? — нарушил молчание Снейк. — Может засандалить в него пол обоймы на всякий случай?

Мун повел плечами. Предложение было дельным, но от мысли, что придется стрелять в ребенка, как-то покорило. Да и запас патронов был не велик.

— Расстрелялся, — буркнул он. — Есть что расстреливать что ли? Или думаешь попотрошить ему потом карманчики и нарыть там пару рожков для «калаша»?

— Твои предложения? — поддразнивая и копируя интонацию Муна поинтересовался бородач.

Мун поспешно глянул на мальчишку. Тот свернул с тропинки и юркнул в кусты.

— Посиди тут, я быстро, — принял решение он и прежде, чем Снейк успел что-то сообразить, подхватил автомат и подскочил на ноги.

— С ума спятил?! — возмутился бородач.

Но Мунлайт уже не слышал. Точнее делал вид, что не слышит. Резвым шагом он шел к кустам, за которыми скрылся мальчонка. Осторожничал Мун в меру. Бегать, конечно, не бегал, но всегда считал, что риск — дело благородное, а те, которые сильно осторожничают и не рискуют, шампанского не пьют, а уныло закидываются водкой. Ни унылостью, ни пристрастием к беленькой Мунлайт не отличался.

Склон пригорка оказался чистым. Ни аномалий, ни какой-либо еще дряни здесь не обнаружилось. Зато когда взобрался наверх и вышел на тропинку, по которой несколькими минутами раньше топала мальчишка, увидел заброшенную мертвую деревеньку. Вернее то, что от нее осталось.

Время было беспощадным к деянию рук человеческих. То, что строили здесь в конце прошлого века, разлагалось. Без людской поддержки и ухода постройки хирели и умирали. Дикая природа потихоньку отбирала себе брошенное человеком. Огороды заросли бурьяном

и молодыми деревцами. Избы покосились. Крыши провалились. Окна зияли чернотой, скалились осколками битых стекол. Изгороди изгнили, лишь кое-где торчали посеревшие от дождя деревянные и проржавевшие металлические останки оградок.

Единственной живой деталью мертвого пейзажа был мальчишка. Он обнаружился довольно быстро. Шел неторопливо, но уже подходил к ближним домам.

Заманивает? Неужели все-таки приманка? Или галлюцинация? Мун вскинул автомат и резко свистнул. Мальчишка заметно дернулся от неожиданного резкого звука. Нет, не может тупой мутант, пусть даже шибко развитый, воспроизвести такие нюансы. Никакой контролер, не говоря уже о псевдоплоти, не знает настолько хорошо человеческих повадок. Или знает? Час от часу не легче.

Мальчишка повернулся и посмотрел на Мунлайта серьезно и озадаченно, словно озаботился теми же мыслями, только в отношении сталкера. Здравый смысл подсказывал вскинуть «калаша» и нажать на спуск, высадив в мальчугана все до железки, но что-то останавливало. Вот еще не хватало набраться сентиментальности и размякнуть. Это там, за периметром в детей и женщин стрелять не хорошо. А здесь очень даже можно, потому что, если не считать придурков-туристов, что мотались сюда между первым и вторым взрывом, не было здесь детей и женщин с тысяча девятьсот восемьдесят шестого года. Не было, нет и быть не должно. Но что-то мешало нажать на спуск.

Мун чертыхнулся, опустил ствол, хоть на предохранитель не поставил и был готов вскинуть и шмальнуть в любой момент.

— Эй, пацан, — позвал негромко. — Ты как здесь?

Паренек смотрел недоверчиво и ничего не отвечал. Молчит! Не умеет говорить, метнулось в голове. Все-таки мутант, а не ребенок. Да и откуда бы здесь взяться ребенку?

Мунлайт вздернул автомат, готовясь уже давить на спуск, но мальчишка вместо того, чтобы броситься на него, как полагалось всякой твари, попятился, развернулся и заспешил к домам.

Так и не успевший выстрелить, сталкер снова матюгнулся, качнулся в нерешительности и пошел-таки следом. Мутант не стал бы убегать. У любого мутанта голод и агрессия превыше страха. Во всяком случае таких тварей, которые побежали бы от человека, за все те годы, что топтал Зону, он не видел ни разу.

Мальчишка двигался теперь быстрее и сократить расстояние не удавалось. Не бежать же в самом деле. Это было бы совсем глупо. Уже то, что он гоняется посреди Зоны за десятилетним ребенком, верх маразма, а бежать...

И без того ноющее от усталости тело напоминало о себе с каждым резким движением.

Щуплая фигурка исчезла за углом ближайшего дома.

Или все-таки заманивает? Твою мать, нерешительность хуже всего. Всегда. Везде. А здесь и вовсе хуже не придумаешь.

Он добрался до полусгнившей избенки и шагнул за угол.

Здесь стелился легкий туман. Самый обыкновенный, а не тот непроглядный и пугающий, из которого только-только выбрались. Вперед уходила заросшая тропка. О том, что тут когда-то пролежала улица, напоминали теперь только останки домов, располагающиеся ровными рядами по обе стороны от открытого пространства. Мальчишка отошел вперед по улице уже на пару домов и продолжал идти. Быстро. Почти бегом.

Значит, не боится. О чем это может говорить? Да о чем угодно. Мальчишка может здесь жить и знать, что тут нет ничего опасного. Либо знать опасные места и обходить их на раз. Мальчишка может быть вовсе не мальчишкой и все эти опасности ему по боку. Мальчишки может не быть вовсе, а то, что он видит — бред, порожденный в мозгу какой-нибудь тварью с психокинетическими способностями. Или просто аномальный бред. А что, один такой в тумане бабу увидал, заночевал у нее и чуть на ПМЖ не остался.

— Малой, — окликнул Мун, но парень не обернулся.

Детская спина мелькала над бурьяном в такт пружинистой походке. Скосить бы его вместе с травой. Паренек споткнулся и нырнул лицом в зелено-бурое, разросшееся выше пояса. Мунлайт, повинувшись инстинкту, поспешил на помощь, но помощь не требовалась.

Пацан вынырнул из увядающего осеннего бурьяна, обернулся и, увидав догоняющего его сталкера, метнулся в сторону к темной громаде дома. Мун не отставал. Вокруг было на удивление чисто. Не фонило даже, если верить дозиметру. Хотя случаются здесь места, где и себе верить нельзя, не то что аппаратуре, лишенной мозгов и интуиции.

Возле дома, к которому свернул мальчонка, тоже все заросло. Паренек ловко лавировал между молодой порослью. До другого конца потемневшей стены нежилой избы он домчался с такой скоростью, что Муна взяли завидки.

Там мальчишка оглянулся и проворно скрылся за углом. Когда Мун добрался до этого места, мальчонки уже не было видно. Только дверь в избу хлопнула, давая понять, что паренек схоронился внутри.

— Вот засранец, — пробормотал Мунлайт.

Возможно имело смысл развернуться и уйти отсюда пока не поздно. Но что-то тянуло его за мальчишкой, как магнитом. Не то любопытство, не то чужая воля. Ноги сами понесли ко входу.

Заскрипели ступеньки. Мун взялся за деревянную ручку, холодную и размокшую от влаги, и потянул на себя. Скрипнуло.

В сенях было девственно пусто, и он прошел в дом.

Внутри царил полумрак. Свет в комнату попадал только через окошки, часть которых прикрывали покореженные ставни. Признаков жизни тут не наблюдалось. Вернее жизнь здесь была, но очень давно. Сейчас осталось лишь запустение. Ошметки перевернутой мебели и горы мусора на полу.

Мун сделал осторожный шаг, другой. Оглядываясь по сторонам, прошел вперед к центру комнаты. Под ногой что-то хрустнуло. Взгляд молниеносно метнулся вниз, вылавливая источник противного звука. Там припорошенная мелким мусором валялась дверца старого платяного шкафа с прикрепленным с внутренней стороны зеркалом.

Стекло помутнело и покрылось слоем грязи. От каблука тяжелого ботинка Мунлайта по нему пошли длинные корявые трещины. Но что-то странное было в пробивающемся сквозь кучу грязи и хлама отражении. Сталкер присел на колени и разгреб руками мусор. Зашуршало, звякнул откатившийся в сторону чайник с проржавевшим днищем. Еще не понимая причину беспокойства, он провел рукавом по зеркальной поверхности, стирая грязь, давая отражению показаться во всей красе.

Рука дрогнула. Мун замер. Из помутневшего зеркала на него смотрел молодой крепкий мужик с цепким взглядом и совсем не веселой рожей. Впрочем веселость, когда рядом никого нет, ему была и не нужна. Убивало другое. Аккуратно стриженная бородка подковкой стала абсолютно белой. Седой, как лунь. А еще вчера была темнее ночи. Пальцы, предательски подрагивая, коснулись подбородка. Рука нервно дернулась вверх, сорвала бандану. Из-под защитного цвета тряпки выбились растрепанные вихры. Белоснежные, как цветущая вишня.

Мун медленно отстранился и поднялся на ноги. Оказывается общение с неведомой аномалией не прошло даром. Эта дрянь оставила-таки след. Седые вихры смотрелись как напоминание. И одному богу было известно, что еще произошло с его организмом после того как...

Пальцы впились в виски, помассировали с ожесточением. Он принялся было насвистывать «moonlight and vodka», но сам оборвал себя. Отражение, хоть Мун и не видел его больше, неотступно стояло перед глазами. А потом вспомнилось то вчерашнее ощущение полной потери чувств и беспомощное путешествие сознания в пустоте, не имеющей никаких характеристик и мер, кроме его памяти и мыслей. И еще прозрачный, словно сотканный из дыма, двойник. В груди дернулось что-то, обожгло страхом.

Чем он занят? Он вернулся с того света. Судьба дала ему такой шанс, который выпадает раз в жизни, да и то не каждому. Зона оставила жизнь, которую уже практически отобрала. А он вместо того, чтобы подумать о ценности подарка, тут же побежал его профукивать. Балбес.

Мун со всей дури пнул валяющуюся рядом железяку. Чайник с грохотом вылетел из-под ноги, откатился в сторону.

— Твою бога душу, — начал он, проследив за железкой, и замолчал.

Там в углу, куда откатилась ржавая посуда, прижавшись спиной к стене, стоял давешний пацан. Глаза у мальчонки были испуганными. Взгляд сверлил сталкера.

Нет, это был не мутант. И не галлюцинация, напущенная другим мутантом. Вот только что это было?

Мунлайт сделал осторожный шаг вперед. Мальчишка еще плотнее вжался спиной в стену.

— Спасите, — пролепетал он еле слышно, и взгляд его устремился за спину сталкера.

От кого он должен спасти мальчика, Мун сообразить не успел. Он даже не успел обернуться. Что-то тяжело ударило по затылку. Черепную коробку пронзило болью, будто внутри что-то взорвалось. В ушах повис затянувшийся на одной ноте колокольный звон. А потом в комнате стало совсем темно и он повалился на пол.

5

Как там... Вначале было слово? А вот и хрен по всей морде. Сначала была боль. Тупая, ноющая, монотонно-занудная. Она притаилась в затылке и не собиралась никуда уходить, обещая долгое и мучительное соседство. В тон ей поднывало все тело.

Мунлайт не сдержался и застонал, не открывая глаз. Вот после этого возникло слово. И слово было произнесено знакомым басом:

— Оклемался, адепт хаоса?

— Само такое, — голос слушался плохо, но все же слушался.

Мун открыл глаза. Помещение, в котором они находились, было не тем, в котором он получил по башке. Окна здесь оказались плотно закрыты и заколочены. Дверь заперта. Свет, такой же скудный, попадал через обветшалую крышу возле входа. Впрочем, на полумраке сходство импровизированной тюрьмы с избушкой, где его вырубili, и заканчивалось.

Мусора здесь не было. Вообще ничего не было кроме двух металлических коек, на одной из которых лежал Снейк. Сам Мунлайт почему-то валялся на полу.

Бородатый приятель смотрел на него недовольно. Да и чего ему было радоваться? Правда на раненой ноге была свежая повязка, но этот признак проявления чьей-то заботы компенсировали наручники, которыми лежащий на койке бородач был пристегнут к спинке этой самой койки. Причем пристегнули Снейка таким макаром, чтобы поставить его в неудобную позу и сделать безопасным, даже если он ухитрится встать.

— Мы где? — Мун с трудом поднялся с пола, доплелся до свободной койки и рухнул на голую металлическую сетку. Доисторическая кровать скрипнула. Натужно задребезжала металлическая сетка. Хоть бы матрасик какой кинули.

— Взаперти, — философски заметил Снейк.

Мун перекатился на спину и прикрыл глаза. Голова болела и конца этой боли видно не было.

— И кто нас запер?

— А я почем знаю? — забасил бородатый. — Ты ушел. Они пришли. Пригласили в гости. Я хотел отказаться, но их человек восемь было, все при оружии. А я без ног и без патронов, пришлось принять приглашение. Потом и тебя притащили. Нашивки у них, вроде как у придурков из «Свободы».

— Почему придурки? — Мунлайт открыл глаза и с удивлением покосился на бородатого приятеля. — Чем тебе свободные не угодили?

— Настоящий сталкер должен быть один, — убежденно ответил тот. — А в тусовки только гопота собирается.

— Ну-ну, — ухмыльнулся Мун и опять откинулся на спину.

Боль снова дала о себе знать, заставляя поморщиться.

— Это за твою философию тебя к койке-то пристегнули?

Снейк засопел сердито, пообещал с обидой:

— По лбу дам.

— Руки короткие, — мрачно ухмыльнулся Мунлайт. — Расплодились, понимаешь, любители по башке стучать.

— А с головой чего?

— Двинули по затылку. Не то прикладом, не то еще чем потяжелее. Если по ощущениям судить, то бревном.

— Я не про затылок, — уточнил Снейк. — Ты в перекись нырлял что ли?

— Ах, это. Понервничал. Кто-то знаешь, с перепуга штаны пачкает, а у кого-то седина немного лезет. Кстати, с башкой то же самое, что и с бородой. А про бороду ты вчера ничего не спрашивал, или не заметил?

— А разве про такое спрашивают? — потупился бородатый.

— А разве нет? Вот сейчас ты чего делаешь?

— Да иди ты, — надулся бородач и отвернулся носом к стене.

На этот раз Снейк обиделся надолго. Во всяком случае, с разговорами больше не приставал, и это было хорошо, благо голова болела нещадно.

В молчании прошло не меньше часа. Мунлайт почти ухитрился задремать, теша себя мыслью, что когда проснется, голова уж точно должна пройти. Из полудремотного состояния его выдернул противный металлический скрежет.

Мун открыл глаза и приподнялся на локте. Звук доносился от двери, снаружи кто-то явно ковырял старый, врезанный еще при царе Горохе, замок.

— Это чего? — подал голос Снейк.

— Мыши тут, дядя, здоровые бегают, — гнусно ухмыляясь, процитировал Мунлайт.

Снейк засопел. Ну и пусть с ним. В конце концов, на еврейские вопросы армянское радио не отвечает.

Замок щелкнул финальным оборотом, и дверь распахнулась от хорошего пинка, в который была вложена вся злость на заевший запорный механизм. Створка резко шарахнула о стену. Сверху посыпалась пыль и какой-то странный застарелый мусор, о составе которого Мун не хотел даже думать.

На пороге стоял молодой, лет двадцати, конопатый парень с суровым, как ему самому видимо казалось, лицом и двумя мисками в руках.

Мунлайт сел на кровати и посмотрел на парня, стараясь ухватить то, что происходит у него за спиной. Снаружи, судя по теням, осталось еще два молодчика, потому идея дать рыжему в рог и смыться отпала, еще не возникнув. Да и куда он смоеся с бородатым балластом на шее. А оставлять Снейка здесь было как-то не по-сталкерски.

— Здравствуй, хозяйюшка, — бодро приветствовал Мун рыжего. — Чем угощать будешь?

Парень поморщился, видимо борясь с желанием ответить, но смолчал. Не произнес ни слова, прошел вперед и пихнул Мунлайту миску. Тот кивнул с благодарностью. Но рыжий уже повернулся к бородатому. Вторую миску поставил на койку рядом со Снейком и, выудив откуда-то ключик, отстегивал наручник.

К Мунлайту он стоял теперь спиной. То ли страх потерял, то ли чувствовал себя в безопасности, то ли совсем дурак.

Отстегнув Снейка от кровати, веснушчатый парень забрал наручники и вышел, оставив двух сталкеров наедине с мисками. У выхода обернулся и бросил небрежно:

— Похаваετε, позовешь.

— Ой, — восхитился Мун, — ты посмотри, он говорящий!

Рыжий, не сказав больше ни слова, вышел. Хлопнула дверь. Снова заскрежетал полусгнивший замок.

Мунлайт подхватил миску и понюхал идущий от нее пар.

— Картошка, — поделился он. — С каким-то намеком на мясо.

— Тушенка?

— Фарш, — проговорил Мун, наворачивая за обе щеки.

Чувство голода, которого вроде бы и не было до того, навалилось с убийственной силой. Бородатый недоверчиво поглядел на Мунлайта, на миску в его руках.

— Ждешь, когда полчаса пройдет, чтоб посмотреть, не сдохну ли я? — полюбопытствовал тот. — Это правильно. Давай мне и свою порцию.

— Зачем? — не понял Снейк.

— Как зачем? — фыркнул Мун, у которого в миске осталось уже меньше половины. — Хоть наемся перед смертью.

Бородач подхватил ложку и зачерпнул картофельную размазню.

— Надеюсь, они ее не здесь выращивали, — тихо пробурчал под нос и принялся за еду.

— Ты лучше надейся, что фарш они не из пленников типа нас крутят, — тихо бросил Мун, становясь серьезным. — Ты нашивки видел?

Снейк кивнул.

— Чего мыслишь?

— На «Свободу» похоже.

— Именно, что похоже. У «Свободы» там морда волчья и «ВОЛЯ». А тут...

— И тут морда, — пожал плечами бородач. — Хотя надписи нет. Прав. А я все думал, чего не хватает. Ну, может они новую партию нашивок по дешевке заказали.

— Я, конечно, готов поверить в то, что у «Свободы» не нашлось денег на нашивки, — Мун говорил задумчиво, и непонятно было шутит он или серьезен. — Я даже готов поверить, что им эти нашивки делали трудолюбивые китайцы на подпольной текстильной фабрике. И что эти китайцы не умеют написать четыре буквы русского алфавита, и никогда не видели волков, и интерпретировали образ хищника в помесь свиньи с крокодилом. Но что-то думается мне, что это все же не «Свобода». Не могли мы так быстро до базы «Свободы» дойти. Ты поел?

Снейк поспешно облизал ложку и кивнул.

— Эй, хозяйшюка! — громко позвал Мун. — Мы пожрали!

В замке снова завожилось с металлическим звуком. Терпения у рыжего на замок явно уже не хватало, потому скрежет с каждым разом продолжался все дольше и звучал резче, нервнее.

Зачем запирали, если их там как минимум трое и он все равно ни черта не боится?

— Подыграй, — тихо бросил Мунлайт прежде, чем дверь открылась.

Створка на этот раз распахнулась спокойнее, без хлопков. Конопатый парень прошел в комнатку с той же размеренной неторопливостью, что и прежде. Забрал миску у Муна и снова повернулся к Снейку, подставив спину.

Тот уже вытянулся на койке и тоскливо смотрел на рыжего тюремщика.

— Опять пристегнешь?

— Могу не пристегивать, — второй раз за все время подал голос парень. — Только обещай, что руками махать больше не станешь.

— А он махал? — оживился Мун. — Он больше не станет.

Рыжий отстранился. Видимо решил все же обойтись без наручников.

— Слушай, свободный человек, — продолжал между тем Мунлайт. — А что у вашей «Свободы» деньги на нашивки кончились? Или вам их теперь абстракционисты делают?

— Я тебе говорил, это китайцы, — со значением поддержал тему Снейк.

Парень забрал миски, отошел в сторону и с сомнением поглядел на обоих, но так ничего больше и не сказал.

— Да, я всегда знал, что у китайцев руки не оттуда растут, но нарисовать волка в виде свиньи, это...

Закончить Мун не успел. Парень молча вышел и хлопнул дверью. Да так, что предыдущие хлопки показались легкими похлопываниями.

— Зря ты так, — пожурил Снейк. — Он ведь мог и обидеться.

Генерал Хворостин появился снова через неделю. Пришел, как к себе домой. Свалился, как снег на голову. Впрочем, на этот раз Берденко был готов к внеплановому явлению начальства, так что неожиданностью оно не стало. Генерала встретили и приветствовали, как полагается.

Хворостин расстроился, что не смог застать врасплох, но не слишком. Порадовался расторопности капитана, но виду не показал. Капитан Андрей Берденко вызывал у Хворостина чувства спорные. Задницу он не лизал, восторгов по поводу генеральских погон, мелькающих перед носом, не выдавал. Выслуживаться карьеры ради Андрей тоже не лез, но и претензий вместе с тем у генерала к нему не было.

Берденко четко выполнял все свои обязанности. Не пытался прыгнуть выше головы, не выказывал рвения и не всегда был доволен приказами. Но приказы эти не обсуждал и исполнял четко.

С одной стороны все это нравилось Хворостину, с другой отчего-то злило. Капитан был слишком правильный. Не паинька, вспомнить хоть, как обсуждал здесь его, Хворостина, неделю назад с младшим по званию, но честный и открытый. Во всем и всегда Берденко, жил опираясь на долг, честь, совесть и другие категории того же порядка, от которых умный человек порой отказывается.

Капитан не казался дураком, но и умным не был. Он был честным. Даже там, где это шло ему в ущерб. Генерал привык к другому поведению подчиненных, потому капитана ему хотелось выслать куда подальше, чтоб никогда больше не возвращался. Иметь честного дурака у себя под боком генералу было не с руки, а перевоспитывать молодца бесполезно.

Хотя не много-то и нужно было капитану Андрюше, чтобы подрасти в глазах Хворостина. Хитрости ему не доставало, а прямоотой и честностью еще ни одну войну не выиграли.

Придя к такому выводу, генерал чуть успокоился. Жить с чем-то объясненным и осмысленным было проще, чем в неведении. Даже если объяснение ничего толком не меняло.

— Товарищ генерал? — вклинился в мысли голос Берденко.

Хворостин вздрогнул и посмотрел на капитана. Тот стоял возле карты Зоны и занял выжидательную позицию. Бубнить Андрюша уже закончил, и хотя половина его объяснений прошла за мыслями мимо ушей, генерал был твердо уверен, что ничего полезного, того, что ему нужно было услышать, Берденко не сказал.

— Хорошо, капитан, — кивнул Хворостин. — Скажи-ка мне вот что, сколько несанкционированных проникновений в зону происходит в среднем... ну, скажем, в неделю?

— Не совсем понял вопрос, товарищ генерал, — стушевался Берденко.

— Сколько сталкеров... Так вы их называете? Сколько их прет через твои кордоны?

— Через кордоны никто не проходит, товарищ генерал, — гордо отрапортовал Андрей. — Хотя лазейки за периметр находят.

Генерал смерил подчиненного небрежным взглядом, Андрей смотрел честно и открыто. Хотя против истины погрешил. Было дело, несколько раз ловил за руку солдатиков, что за взятку тихой сапой пропускали в Зону посторонних. На памяти Берденко таких ситуаций было по пальцам перечесть, но капитан был уверен, что случаи это не единичные. Хотя не пойман — не вор.

— Кроме того, — продолжил он, — мы контролируем не весь периметр. Есть еще украинская сторона, миссия ООН.

— Хорошо, — Хворостин поиграл желваками, — спрошу иначе. Сколько этого отребья находится за периметром? Сколько посторонних в Зоне отчуждения сейчас?

Капитан искренне пожал плечами, спохватился и вытянулся во фронт.

— Не знаю, товарищ генерал. У нас нет таких данных. Смею предположить, что несколько сотен. Но есть те, которые ходят туда постоянно, хоть там и не задерживаются надолго. Возможно таких ходоков тысяча, возможно три. Потом все динамично. Специфика местности накладывает отпечаток. Оттуда далеко не все возвращаются, многие погибают. На их место приходят новички.

Генерал нахмурился и подошел к карте. Территория до кардона была прорисована довольно детально, основное пространство карты занимали довольно схематичные пятна. Кое-где фигурировали объекты, сохранившиеся со времен первого взрыва. Ничего принципиально нового за периметром Хворостин не обнаружил.

— Хорошо, у вас есть данные по тому, что происходит внутри Зоны отчуждения?

— Мы работаем с этим, — отозвался Берденко. — У нас есть осведомители, и кое-какая информация от них приходит.

— Уже что-то. Тогда давайте посмотрим, что нам известно на текущий момент. Маршруты сталкеров?

— Зона не статична, товарищ генерал, — нахмурился Андрей, направление разговора ему не нравилось.

— То есть маршруты вам не известны.

— Боюсь, что таковых просто не существует. Составить подобный маршрут в Зоне невозможно.

Генерал стиснул челюсти так, что скрипнули зубы. Глаза его сузились, вспыхнули яростью.

— Никогда, — произнес ледяным тоном, — никогда не говорите мне, что что-то невозможно. Возможно все. А если что-то не сделано, то это вопрос лени, халатности и некомпетентности.

— Прошу прощения, товарищ генерал... — начал заводится Андрей.

Но Хворостин не дал закончить.

— Иными словами маршруты сталкеров вам неизвестны.

— Так точно, товарищ генерал.

— Хорошо. Если кто-то из них существует там постоянно, значит есть какие-то базы. Хотя бы о них вы что-то знаете?

Андрей, отчаявшийся уже найти общий язык с начальством, оживился, подхватил со стола карандаш.

— Здесь, — рука капитана очертила на карте круг неотточенным концом карандаша, — находится база группировки «Долг». Группировка состоит по большей части из бывших военных. Вот здесь, — карандаш метнулся в сторону.

— Капитан, — устало перебил Хворостин, — я так похож на идиота? То, что ты мне рассказываешь, я знаю и без тебя. Ты здесь находишься... Сколько?

— Полтора года, товарищ генерал.

— Полтора года, — передразнил Хворостин. — Можешь рассказать что-то, чего я не знаю из отчетов?

— Боюсь, что нет, — покачал головой Берденко, готовясь к новой вспышке генеральского гнева.

Но Хворостин вдруг стал удивительно спокоен.

— Плохо. Идет война, а мы ничего не знаем о противнике.

— Война? — опешил Берденко.

— А что же? У тебя боевая задача — охрана объекта. А на объекте черт знает кто шляется. И если б единичный случай. Так ведь ты мне сам заливаешь про сотни и тысячи.

— Но я же не могу без предупреждения стрелять на поражение в каждого, кто приблизится к Зоне с внешней стороны кордона.

— Почему? — искренне удивился генерал.

Андрей почувствовал, как прилипает к спине намокшая от пота ткань.

— Потому что мне никто не давал таких полномочий.

— А в тех, кто с внутренней стороны? — как-то игриво поинтересовался генерал и подмигнул. — Не бойсь, капитан, будет тебе и приказ, и полномочия. Пора кончать с этим гадючником.

— Прошу прощения, товарищ генерал?

От догадки, в которую не хотелось верить, похолодело внутри.

— Я планирую операцию по зачистке Зоны отчуждения от посторонних субъектов. Контроль периметра не дает результатов. Контролируя часть периметра, мы не контролируем объект, значит не справляемся с поставленной задачей.

— Но украинская сторона...

— Это моя забота, — отрезал генерал. — Так же, как и миссия ООН. А ты найди человека, который будет знать о том, что происходит внутри объекта и сможет скоординировать наши действия.

— Никто из военных не углублялся в Зону отчуждения настолько...

— Значит найди среди не военных. Ищи среди сталкеров. И не говори, что это невозможно. Предложи денег. Они за деньги на смерть идут, а здесь работа не пыльная. Я готов выделить на это шестизначную сумму. Времени тебе на поиск человека месяц. Об остальном поговорим позже.

— Слушаюсь, товарищ генерал, — вяло отозвался Андрей.

Хворостин развернулся и пошел на выход, оставив Берденко в полной растерянности. В дверях обернулся и смерил офицера тяжелым взглядом.

— Действуйте, товарищ капитан. Время идет.

И генерал пошел по коридору, наслаждаясь произведенным эффектом. Сзади зашелестели шаги, донеслось: «старшего лейтенанта Карташова ко мне».

Хворостин вышел на свежий воздух и вдохнул влажную осень полной грудью. Генерал не терпел бездействия и бардака. Все, что попадало под его юрисдикцию, должно было работать, как часы. Кроме того, генерал имел некоторые весьма полезные связи. Потому, говоря о шестизначных цифрах, он нисколько не лукавил. Проект по приведению Зоны отчуждения в соответствие статусу закрытого объекта и очистке объекта от полупреступных элементов уже был показан кому нужно. И этот «кто нужно» уже выбил под этот проект бюджет, в разы превосходящий шесть знаков. Теперь бюджет этот требовал освоения.

Впрочем, генерала волновал не только распил государственных финансов, но и порядок на вверенном объекте. И хотя полный карт-бланш в выборе средств для достижения цели ему никто не давал, Хворостин не сомневался в том, что победителей не судят. А проигрывать было не в характере генерала.

Хворостин спустился с крылечка и направился к домику, который выделили ему под личные апартаменты. Под ногами шуршали опавшие листья. Пахло прелостью и чем-то горьковатым. Вот только что горчило, понять Хворостин не мог.

Сзади забухали тяжелые шаги. Генерал обернулся. К нему резво бежал белобрысый старлей, которого неделю назад выставил вон. Сергей что ли? Офицер резко остановился и вытянулся по стойке смирно.

— Старший лейтенант Карташов, — отчеканил он. — Товарищ генерал, разрешите обратиться.

— Валяй, — милостиво махнул рукой Хворостин.

— У меня есть соображения по поводу поиска человека, способного выступить в качестве проводника по Зоне отчуждения.

— Поделитесь своими соображениями с капитаном Берденко.

— Прошу прощения, товарищ генерал, — голос старлея стал приторным, как засахарившийся мед, — мне кажется товарищ капитан не совсем верно оценивает ситуацию и не примет моих предложений, в то время как, я уверен, они могли бы показаться вам небезынтересными и послужить общему делу.

Хворостин посмотрел на белобрысого лейтенанта. Тот стоял перед ним, вытянувшись во фрунт, с преданностью на физиономии, достойной кокер спаниеля.

— Играешь, старлей? — фыркнул генерал. — Ну-ну, игрун.

— Прошу прощения, товарищ генерал. Не игрун. Игрок.

— Идем, — кивнул Хворостин и пошел прочь.

Карташов послушно топал сзади. А старлей-то не прост. Вон оно как выходит.

И генерал украдкой ухмыльнулся собственным мыслям.

Дверь в их импровизированную тюрьму открылась, как обычно, не с первого раза, но на пороге вместо рыжего парня появился мальчонка. Тот самый, благодаря которому они здесь и оказались.

Мун приподнялся на локте, покосился на Снейка. Бородатый лежал к нему спиной и на открывшуюся дверь не отреагировал. Спал что ли?

— Ну, здорова, малец, — Мунлайт озорно подмигнул пареньку. — Что, теперь ты нам харчи таскать станешь?

Мальчишка не ответил, только быстро захлопнул за собой дверь и молча бросился вглубь комнаты. В том, что мальчуган настоящий, сомнений теперь не было, но вел он себя по-прежнему странно. Может с головой проблемы?

Мун спустил ноги с койки и уселся поудобнее. Мальчишка метнулся от дверей вглубь комнаты, проскочил между коек к стене, обернулся и застыл. Глаза были испуганными, лицо бледное. Парнишка отступил на шаг, вжимаясь спиной в стену.

— Ты чего? — наклонился к нему Мунлайт.

Мальчишка все так же молчал. Только смотрел теперь мимо него.

— Чего?

Паренек медленно поднял руку и указал ему на что-то, находящееся за спиной.

В груди екнуло. Мун приготовился уже снова получить тяжелым по затылку и начал медленно поворачивать голову.

Удара не последовало, но дыхание от увиденного перехватило не хуже, чем от хорошего хука. В шаге от Муна стояла и покачивалась точная его копия, только прозрачная, как призрак из мультфильма про Каспера.

Внутри похолодело.

— Твою три бога... — не соображая, что говорит начал он...

— ...душу мать!

Мун подпрыгнул на койке от собственного голоса. В комнатенке стоял полумрак. На соседней койке спал Снейк. Бородатый лежал на спине. Борода торчала нечесаной лопатой. Грудь высоко вздымалась от богатырского дыхания.

Расслабился, зараза. Страх потерял. Спит, хоть из пушки стреляй. А ведь он в голос орал, а этот даже не проснулся. Хотя оно и лучше. А то объясняй этой помеси викинга с Санта Клаусом, чего это он кричит во сне.

Мунлайт осторожно вытянулся на койке. Тихо звякнула сетка. Снейк засопел и перевернулся на бок, спиной к Муну. Теперь еще не хватало, чтоб мальчик появился, и будет полный сюр.

Но никакого мальчика и прозрачного дубликата не было.

Снова завертелся Снейк. Правда на этот раз не перевернулся, зато начал похрапывать. Мун тяжело вздохнул и прикрыл глаза. Если бородатый захрапел, спать уже не придется. Это он за дни, проведенные в одной комнате со Снейком, уяснил на зубок.

Впрочем, спать особенно не хотелось. Неделя ничегонеделания дала и отоспаться, и отожраться, и отдохнуть.

Рыжий парень появлялся три раза в день. Причем делал это настолько четко, что по нему можно было часы сверять. Кормили сносно и на удивление разнообразно. Будто находились не посреди Зоны, а на задворках придорожного кафе.

Мунлайт предположил как-то, что кормят их хорошо только для того, чтоб самих потом сожрать, но рыжий на подначку не отреагировал. Пропускал он мимо ушей и издевки по поводу нашивки, которая не давала Муну покоя.

Молча принимал его глумление и второй посетитель. Этот был старше и серьезнее. Судя по седине в коротко стриженных под машинку волосах, лет ему было за сорок. И если рыжий хоть иногда открывал рот, поддаваясь на провокации, то мужика с седым ежиком поддеть не получалось.

Он приходил дважды в сутки. Менял Снейку повязку, вкалывал ему какую-то дрянь и удалялся, не проронив ни слова.

Эта игра в молчанку угнетала. Если б не горячность рыжего, Мунлайт наверное предположил, что они попали в плен к секте глухонемых. Однако слышали тюремщики все прекрасно, и говорить тоже могли, в этом он не сомневался, вот только не хотели.

Привычно заскрежетал замок. За неделю рыжий так и не научился с ним справляться. Завозился Снейк. Впрочем бородатый приятель был сейчас Муну не столь интересен. Он видел другую жертву.

— Здравствуй, кормилец, — приветствовал Мун.

Рыжий привычно прошел вперед и пихнул ему миску. Мунлайт молча поставил миску на койку и встал, чего прежде при чужаках себе не позволял. Рыжий тем временем развернулся к нему спиной и тормозил не проснувшегося Снейка.

Мун неслышно встал за спиной рыжего, осторожно наклонился и нежно шепнул на ухо:

— «Свобода», разреши спор, а?

Рыжий парень от неожиданности подпрыгнул, чуть не уронив миску. Мунлайт вовремя отшатнулся. Когда кормилец обернулся, он уже стоял в стороне с мерзопакостной лыбой и выставленными вперед ладонями, мол, спокойно, брат, я и не сделал ничего, спросил только.

Парень посмотрел на него так, как последний раз смотрела в далеком детстве воспитательница в детском саду. На лице рыжего читалось явное желание нахлобучить на седую муновую голову миску со всем содержимым и постучать сверху, но сдержался.

— Доброе утро, — пробасил пробудившийся наконец Снейк.

— Утро добрым не бывает, — весело отозвался Мунлайт.

Рыжий снова повернулся спиной и протянул миску бородатому.

— Нет, ну ты ответь, «Свобода», чего это у тебя? — дождавшись, когда парень избавится от своей ноши, подцепил его за рукав Мун. — Я вот говорю свинья, а дядя Снейк, дай бог ему и его ноге здоровья, целый день талдычит: «крокодил-крокодил».

Рыжий скрежетнул зубами и резко дернул рукой. Рукав с нашивкой неприятно шкрябнул Муну по подушечкам пальцев. А потом все произошло молниеносно. Парень обернулся и с силой ударил в корпус. Не ожидавший от него такой прыти Мунлайт отлетел назад. Металлический край койки ударил под колени, и Мун завалился на спину. Напряженно зазвенела металлическая сетка.

Парень навалился сверху. Рука рыжего сгребла в кулак мунлайтов ворот и ощутимо придушила.

— Мы не «Свобода», — сквозь зубы процедил рыжий, — понял? Мы группа Резаного, понял? А это медведь.

Парень бросил ворот и отпихнул Муна, снова взяв себя в руки.

Тот сел и изящным движением поправил воротник. На роже, окаймленная седой подковой играла злорадная улыбка.

— Что и требовалось доказать, — спокойно сообщил Мун. — А Резаный, он кто? Любитель пива?

Парень вышел вон и ощутимо шендарахнул дверью. Загрюкал ключ в замке. Мунлайт откашлялся, потер шею, поморщился:

— Не слабо.

— Я ж говорил, что он обидится, — добродушно резюмировал Снейк, с интересом наблюдавший всю сцену.

— Зато мы теперь знаем, что это не «Свобода».

— Это неволя, — философски заметил бородатый. — Но кормят они хорошо.

И он с расстановкой принялся за еду. Мунлайт взял в руки миску. Та чудом не перевернулась, но потасовка не обделила ее вниманием. Половина баланды расплескалась. Под койкой образовалась жирная лужа. С сетки свешивались капустные сопли.

— О, супчик! — бодро отметил Мун. — Какой балбес у них супчик на завтрак варит?

— Уймись, хаосит, — поморщился Снейк. — Нас кормят, лечат. Скажи спасибо. Нет, нарываётся.

— Это тебя лечат. А меня калечат. Знаешь, как по башке шарахнули? И я сам себя покормить способен, если меня выпустят.

— Настроение плохое?

— Нормальное.

Снейк первым отложил пустую миску.

— Знаешь, с тех пор как ты поседел, у тебя окончательно испортился характер. Ты стал еще вреднее, зануднее и твои приступы апатии уже надоели.

Мун растекся в натянутой улыбке и развел руками.

— Старею.

День выдался оживленным и богатым на неожиданности. На крик, что они пожрали, рыжий не явился. Он пришел по собственному почину через полчаса. Забрал пустую тару, бросил на Муна победоносный взгляд, мол отольются кошке мышкены слезки, погоди, недолго осталось, и гордо удалился.

Не успела закрыться дверь, как на пороге появился эскулап с седеющим ежиком на голове. Этот был как всегда молчалив и уравновешен. Мун, честно говоря, поражался его спокойствию.

Снейк глядел, как снимают старые бинты, делают перевязку. Потом повернулся, подставляя под инъекцию мягкое место. Когда дверь распахнулась, впуская очередную порцию гостей, бородатый как раз возлежал с голой задницей.

На этот раз рыжий парень пришел не один. С ним явился сухощавый невысокий мужичек с замашками хозяина. Без барства, но с уверенностью, что он дома и здесь, в его доме, все будет так, как он скажет.

Новый гость был не стар, но видимо имел богатую мимику. Жесткое лицо его было изрезано глубокими морщинами, что придавало ему гротеск и выпуклость деревянной маски. Оно выглядело не красивым, но обаятельным. А еще у мужичка был очень выразительный взгляд, напроочь отбивающий желание шутить. Только одна деталь портила общее впечатление: от левого уголка рта до виска тянулся кривой уродливый шрам.

Вышедший было веснушчатый тюремщик появился снова со старым табуретом. Поставил его между коек и, злорадно поглядев на Муна, удалился.

Мунлайт проводил парня взглядом, скосил глаза на шрам мужичка. Не иначе сам Резаный почтил присутствием. Судя по поведению рыжего, мужичек — человек уважаемый. Судя по поведению мужичка — хозяин. И судя по вспоротой щеке, имя он себе не любовью к пиву заработал.

Молчаливый эскулап всадил Снейку шприц в бедро и также беззвучно принялся собираться. Бородатый подтянул штаны.

Мужичок со шрамом на щеке сел на притащенную веснушчатым табуретку. Поглядел на изучающего его Муна. Мужчины сцепились взглядами и несколько секунд пристально смотрели друг на друга. Затем дядька со шрамом перевел взгляд на Снейка. Не отвел глаза в сторону, а словно отпустил Муна взглядом на время, мол потом продолжим.

— Меня зовут Резаный, — наблюдая за доктором сообщил мужичек со шрамом.

— Я догадался, — без тени иронии кивнул Мун.

Доктор с седым ежиком собрал инструмент и наклонился за бинтами. Резаный следил за ним с неудовольствием.

— Айболит, подожди за дверью, — попросил он наконец.

Эскулап суетливо подхватился и послушно вышел. Дверь прикрыл осторожно, без скрипа и хлопка.

— Айболит? — усмехнулся Мун, глядя на оставшуюся незапертой дверь. — Добрый доктор?

— Вообще-то он ветеринар.

— Хочешь сказать, — вклинился Снейк, — меня все это время ветеринар лечил?

— А тебя что-то смущает? — приподнял бровь Резаный.

— Ничего его не смущает, — гнусно ухмыльнулся Мунлайт. — Он у нас теперь Змей, так что ветеринар ему в самый раз.

Снейк насупился, пробурчал что-то невнятное и отвернулся. Резаный поглядел на него со странным оскалом, который должно быть означал улыбку, потом повернулся к Муну.

— Змей, значит. Хорошо. А ты что за зверь такой?

— Mister Moonlight³, — напевно протянул Мун.

— You came to me one summer night⁴, — отозвался Резаный и почесал шрам на щеке. — Наслышан.

— Да ты меломан? — не удержался Мун, хотя еще несколько минут назад твердо решил, что этого он подначивать не станет.

— Я не о ливерпульской четверке наслышан, хотя я тебя постарше буду. Я о тебе наслышан.

Резаный говорил очень тихо и вкрадчиво. Таким голосом детей убаюкивать. Мунлайту эта вкрадчивость не нравилась. Ему в жизни доводилось встречать разных людей, опасных в том числе, и он знал по опыту, какие люди наиболее опасны.

Тот, кто кричит, брызжет слюной и угрожает, опасен наименее. Люди делятся на тех, кто говорит, и тех, кто делает. Если человек в подробностях объясняет, как он тебя покалечит, можешь быть уверен — он никогда не сможет поднять на тебя руку.

Поопаснее будут психи, громкие, шумные. Такие не обещают показать кузькину мать, но способны схватить, что под руку попадется и зашвырнуть тебе в голову. Эти опасны своей непредсказуемостью.

Но опаснее всего тот, кто говорит с тобой тихо, мягко, вкрадчиво, как с больной глупой собакой. Он никогда не повысит голос, никогда не начнет угрожать, никогда не перейдет на личности. Но со спокойствием английского лорда сможет щелкнуть пальцами, с улыбкой пожать плечами: «так получилось» — и посмотреть, как тебя закатывают в тазик с цементом и отправляют в эксклюзивное плавание по ближайшему водоему.

Сильный человек, у которого есть реальная власть, а не иллюзия власти, которую он боится потерять, никогда не станет повышать голос. Ему это просто ненужно. И вот с такими людьми связываться в самом деле небезопасно.

— И что про меня говорят? — вяло поинтересовался Мунлайт.

— На твое счастье ничего хорошего.

От такого заявления Мун поперхнулся:

— Интересный подход.

Резаный пожал плечами.

— Нормальный. Мне про тебя Вася Кабан рассказывал. И если бы этот человек отзывался о тебе хорошо, то мы бы с тобой сейчас уже не разговаривали.

— Чего так?

— Сволочь он.

— Был, — подал голос Снейк.

Резаный метнул на бородача быстрый взгляд, потом снова посмотрел на Мунлайта. И знакомым образом изогнул любопытную бровь:

— А что с ним?

— Упал и умер, — поделился Мун.

— Сам упал? — не поверил Резаный.

— Я помог, — неохотно признался Мун. — А так как он гранатами был увешан, когда падал, и одна взведенная у него в руке была, то очень быстро научился летать.

Резаный сидел серьезный, задумчивый, будто размышлял, верить пришлому, не по годам седому сталкеру или нет. Пальцы непроизвольно тронули шрам. Наконец решил что-то для себя, на Муна глянул с толикой уважения.

³ — Мистер Мунлайт.

⁴ — Ты пришел ко мне однажды летней ночью (*англ.*), — строчки из песни группы «Beatles».

— Набираешь очки, — кивнул Резаный и качнулся на табурете. — Мне бы хотелось верить, что вы не плохие люди, — задумчиво произнес он, — но на моей памяти хорошие люди из тех мест, откуда вы вышли, не приходили.

— А что, плохие приходили? — напомнил о своем существовании Снейк.

— Оттуда вообще люди не приходили, — буднично сказал Резаный, не повернув головы. — Никакие. Ни живые, ни мертвые. Никогда. Так что... я вас слушаю.

8

Разговор затянулся. Объяснять пришлось долго и больше, чем хотелось. И хотя всего он, конечно, не рассказал, Резаный ухитрился вытянуть из него достаточно, чтобы понять, с кем имеет дело.

Тем не менее итог беседы вышел положительным. Дверь больше никто не запирает и из разряда пленников Снейк с Муном перешли в разряд гостей. Правда гостеприимство Резаного тоже имело свои условия.

— Барахло ваше вам отдадут, — говорил Резаный, пока Мунлайт шнуровал ботинки. — Но надеюсь, ты понимаешь, что кормить вас двоих накладно. А приятеля твоего еще и на ноги ставить надо.

Снейк, как-то выпавший из разговора и преспокойно уснувший, оставшись не у дел, всхрапнул, словно подтверждая, мол да, и кормить, и лечить надо. Мун кивнул.

— Я бы заплатил, но мы поизносились. А плату задним числом ты ведь не возьмешь?

Резаный покачал головой.

— Задним числом я б с тебя плату и в обычной жизни не взял. А здесь тем более. Тебя завтра грохнут, и кто платить станет?

— Не каркай, — поморщился Мунлайт, пряча седые вихры под бандану.

Про седину Резаный ничего не спрашивал, хотя видно было, что его подмывает. Но сдержался. Оно и понятно. Самого поди не шибко радует, когда начинают про щеку разодранную спрашивать. Так что понимает, куда с такими вопросами посылают.

Они вышли на улицу. День был серым и пасмурным. Накрапывал дождик, тянуло легким ветерком. Мун с удовольствием, впервые за неделю, втянул в себя свежий воздух. В нос ударил запах осени, сырости и прелых листьев, легкие наполнились кислородом.

Резаный достал сигарету, закурил. Мунлайт цыкнул скелетом зубом, поводит взглядом в поисках травинки, но двор был утоптан настолько, что растительности не осталось вовсе.

Дом, в котором он и Снейк провели неделю, находился на другом краю деревеньки, куда он пришел следом за мальчишкой. Кстати про мальчишку надо бы узнать.

— Так чем мы можем с тобой рассчитаться? — отбросив посторонние мысли, вернулся к главному Мун.

— Змей твой ничем, пока на ноги не встанет. А ты можешь. Выполнишь кое-какую работенку и считай, что в расчете. Идет?

Резаный протянул руку, но Мунлайт жать ее не спешил.

— Едет, — недружелюбно отозвался он.

— Что не устраивает?

— Работенка работенке рознь. Бывает такая работенка, за которую всю оставшуюся жизнь кормить можно. И не здесь, а в «Метрополе».

Резаный почесал шрам.

— «Метрополь» это где? На южном кордоне?

— «Метрополь» это в столице государства Российского городе-герое Москве. Милое такое заведение. Как-нибудь я тебя обязательно туда приглашу. Короче, — отрезал Мун, переставая балагурить, — чего за работа?

— Работенка, — повторил Резаный мягко. — Всего лишь работенка. «Метрополь» за такое не обломится, но у меня подъездаться можно. Ты пойми, у нас группировка небольшая, живем за счет мелких заказов. Незначительный хабар потаскать или... Ты вот стреляешь, говорят, неплохо?

— Мы ж не в учебке, — пожал плечами Мун. — Здесь кто плохо стреляет, тот долго не живет.

К чему клонит Резаный, он не понимал и это не нравилось. Тот затянулся в последний раз, повертел головой. Сделал шаг в сторону, резко нагнулся. Когда распрямился снова, в руках была консервная банка из-под зеленого горошка с вывороченной крышкой.

Мун с интересом наблюдал за тем, как предводитель сталкерской шайки тушит в банку бычка. Любопытно. В центре большого города не каждый станет урну искать, а тут такая чистоплотность. Откуда бы? И на интеллигента мужик со вспоротой щекой и колючим взглядом не сильно похож. Зануда Угрюмый больше интеллигент.

Резаный подхватил между тем свою импровизированную пепельницу и пошел с ней в сторону. Дернувшемуся было следом Мунлайту сделал знак, жди мол. Сам прошел на довольно приличное расстояние через бурьян между домами, остановился возле сгнившего забора, от которого стоять остался лишь покосившийся трухлявый столб, поставил на верхушку столба банку и не спеша пошел обратно.

К Муну подошел деловитый, на ходу вытаскивая ПМ.

— Банку видишь?

— Крошка горошка? — фыркнул Мун. — Ты хочешь, чтоб я в банку попал? Или в какую-то конкретную горошину?

— Цель обозначена, а там как попадешь, — благосклонно отозвался Резаный.

Мун взял в левую руку результат трудов Николая Федоровича и ижевского механического завода, прицелился и плавно вжал спусковой крючок. Грохнуло. Руку дернуло отдачей. Все-таки Макаров — штука громкая. БеПешечка, как любовно называет бесшумный аналог Угрюмый, стреляет конечно не беззвучно, но ощутимо тише. Может потому БП здесь и больше в ходу.

Банка, еще недавно стоявшая на столбе, резво отлетела в сторону.

— Вы ничего вкусней не ели овощей от «Бондюэля», — провозгласил Мун. — Но за банкой я не побегу.

Резаный хмыкнул и не торопясь, с достоинством пошел к столбу. Впрочем, любопытство по всей вероятности возобладало, и он очень скоро прибавил ходу. До торчащей из высокой травы трухлявой опоры он уже почти добежал. С азартом дорвавшейся до помойного бака дворняги принялся нырять в бурьян, наконец, выбрался с бондюэлевской жестянкой в руке и потрусил в обратную сторону, растеряв всю свою хозяйскую обстоятельность.

— Куда попал? — спросил издалика.

Мун ехидно ухмыльнулся. Сейчас перед ним был совсем другой человек, не тот, что пришел к ним с утра. И сдерживать свои привычки, и ограничивать себя в шутовстве с этим человеком уже не тянуло. Резаный оказывается может быть живым, а не монументальным. И не просто живым, а простецким.

— Куда? — повторил Резаный, подходя ближе и пряча банку за спиной.

— В банку, — ехидно ухмыльнулся Мун. — Если быть точным, то в букву «О».

Резаный впервые, кажется, за все время общения открыто улыбнулся. И хотя благодаря шраму улыбка вышла кривая, но было в ней что-то теплое, свойское. Он взвесил жестянку на ладони и бросил Мунлайту.

Рука рефлекторно метнулась вперед, перехватывая пустую тару. Мун бросил беглый взгляд на разрисованный зелеными горохами жестяной бок. В надписи «Bonduelle» на месте буквы «О», той самой, что попала на центр банки, когда давил на спуск, зияла дыра.

Мунлайт невозмутимо сделал шаг в сторону, наклонился и вернул покореженную «пепельницу» на место. Повернулся. Резаный стоял рядом и светился, как начищенный самовар.

— Так чего надо? — довольно грубо поинтересовался Мун.

— Заказ есть, — встрепенулся Резаный, становясь серьезным. — Припать кабана знаешь?

Мунлайт молча кивнул. Кто ж не знает? Тварь довольно распространенная, к людям относится без пиетета, правда и в Зону глубоко не ходит. Пограничная тварь.

— Надо подстрелить, — буднично поведал Резаный.

— Не понял, — вылутился Мун. — Это какой-то дикий агрессивный из серии «появился дикий вепрь огромадный — то ли буйвол, то ли бык, то ли тур... коих ел, а коих в лес волочил»?

— Зачем же. Просто есть заказ. Есть человек, который платит за тушку Припять кабана. «Вот коль отчаешься на это, то принцессу поведешь под венец».

— Нет, мужик, — фыркнул Мун. — Ты все же меломан. Только просто так стрелять в Зону из пукалки я не стану.

Резаный снова посуровел. На Мунлайта поглядел исподлобья тем самым жестким взглядом, каким паялся еще утром. От свойского мужичка не осталось ни грамма. Мун взгляд выдержал стойчески, даже ухмылочку прицепил.

— Зарываешься, седой, — тихо процедил Резаный и нервно почесал шрам. — Неприятностей ищешь.

Мун покачал головой.

— Тогда делай, что требуется и не выпячивайся, — посоветовал Резаный.

В сердце дернулось что-то, но в том, что екнуло, Мун не стал бы признаваться даже себе.

— Зачем тебе зверя стрелять без нужды? — попытался увещевать он. — Жрать ты его все равно не станешь. Шубу из него не сошьешь. Врагу скормить? Так есть более простые способы отравить несимпатичного тебе человека. Хочешь, покажу?

Резаный не ответил. Он смотрел теперь изучающе. Понять, что творится в его голове, было невозможно.

— Есть заказ, — повторил он, наконец, тихо, но внушительно. — Заказы не обсуждают, а выполняют.

— С приказами путаешь, — без тени улыбки ответил Мунлайт.

— Для нас без разницы, — отмахнулся Резаный. — Для тебя сейчас тоже. Мне нужна тушка кабана. За нее платят.

— Кто? — вылутился Мун искренне.

Резаный задохнулся от злости. Видно было, что он привык говорить и принимать отчет о выполнении, а не слушать детский лепет и вдаваться в объяснения. Текущая ситуация его явно бесила.

— Богатый джентльмен, — выдавил он, справившись с эмоцией. — Он платит за Припять кабана. Мертвого. Убитого одним выстрелом. В глаз.

— Одним выстрелом? — поперхнулся Мун.

— В глаз, — тупо повторил Резаный.

— Это чтобы шкуру не попортить?

— Ты догадлив, — кивнул лидер группировки и полез в карман за сигаретами.

— А зачем ему шкура? — совсем уж растерялся Мун.

— Чучелко набить, — прикуривая пыхнул дымом Резаный. — Коллекционирует он чучела. Дом у него где-то там в среде олигархата. Он его решил оригинально декорировать. Ему по специальному заказу доставляют монстров из Зоны и набивают чучела. И скажи спасибо, что он кабана заказал, а не псевдогиганта.

— Он что, сумасшедший? — полюбопытствовал Мун.

— Мне откуда знать? Он ваш, русский. С Рублевки какой-то.

Это прозвучало так, что сомнений о национальной принадлежности Резаного у Муна не осталось, хоть и говорил тот без какого-либо намека на этнический оттенок.

— А ваши с Золотоворотской или где они у вас там живут?

Резаный скрежетнул зубами. На Муна посмотрел зло, и тот подумал, что ошибся в человеке дважды. Хотя может и не ошибся ни разу. Все предположенное раньше имеет место, только под настроение. А настроение у мужика с пропоротой щекой стабильно, как погода в марте.

— Он платит деньги, — произнес Резаный, борясь с недовольством. — Потому сумасшедший он или нет, без разницы. Деньги не пахнут. В общем, так, зайдешь ко мне, получишь оружие и пойдешь за кабаном. Будет у меня туша с непорченной шкурой, живите еще неделю. Буду кормить и чинить ноги твоему приятелю, как себе. Нет, собирайтесь и уматывайте оба куда хотите.

Мунлайт переступил с ноги на ногу. Резаный очень четко напомнил, что он здесь хозяин, и оставил за Муном решение препираться дальше или смириться, обозначив, что препираться бессмысленно.

— Как себе? — ухмыльнулся Мун мягче. — А себе бы ты тоже ветеринара позвал, если что?

— Дареному ишаку под хвост не заглядывают, как говаривал один мой знакомый, — Резаный тронул подушечками пальцев шрам, но передумал и убрал руку. — Айболит — врач. Он лечит. А кого его учили препарировать, сталкеров или крыс лабораторных — не важно. Жить захочешь, студенту со скальпелем доверишься.

Резаный был сердит. Муна это отчего-то развеселило.

— И пока король с ним так препирался, — напел он. —

Съел уже почти всех женщин и кур

И возле самого дворца ошивался

Этот самый то ли бык, то ли тур⁵.

— Погуляй полчаса, — отрубил Резаный, — подумай. Если надумаешь, заходи за снаряжением. Если не надумаешь, то забирай своего Змея безногого и ползите отсюда, пока я добрый.

Предводитель неизвестной группировки развернулся на каблуках и, резко чеканя шаг, пошел прочь. Мунлайт отошел в сторону к бурьяну, дернул травинку потоньше и, заткнув ее между зубов, уселся прямо на землю.

Особой сентиментальностью он не страдал. Правда слышал много раз байки о том, что Зона не любит, когда кто-то убивает ее детей. Но и в сказки эти верить не торопился. И разговоры, мол Зона, как женщина, его бесили. Как раздражали сравнения с женщиной трубки или гитары. И трубка, и гитара, и женщина романтический окрас имели только среди прыщавых подростков. Мун подходил к ним весьма утилитарно. Трубку просто курят, на гитаре просто бренчат в меру возможностей. С женщиной малость сложнее, тут от воспитания зависит, но в конечном итоге и с ней все понятно. А Зона — просто странное место на карте. И все.

И все же стрелять в животное, пусть даже тысячу раз опасное... Ей богу, спокойнее было застрелить того уroda, которому для украшения интерьера приспичило убивать живое существо. Жестокость имеет право на существование чаще, чем думают многие. Но жестокость должна быть обоснована. Можно сломать ноги человеку, который косо посмотрел на твою женщину, но зачем убивать мутанта ради дизайнерских бредней богатого дурака?

«Затем, что в соседнем сарае лежит Снейк», — пришла мысль, — «которому, если верить Айболиту, еще месяц валяться, прежде чем на ноги встанет».

Мун сплюнул изжеванную травинку. Хоть бы знак какой пришел.

Он повернулся туда, где за домами должна была кончаться деревенька и начинаться власть аномалий и прочих завихрений. Туда, где должна была находиться настоящая, дикая Зона. И смотрел так, будто ждал ответа от той точки на карте, в разумности которой только что сомневался.

Знаков не было. Небеса не вспыхнули и не разверзлись. И ни господь, ни дьявол не принялись шуршать в уши сомнительные истины на иврите. Зато он увидел, как через вездесущий бурьян вприпрыжку бежит мальчонка лет десяти. Тот самый, которого видел неделю назад.

⁵ Здесь и немного выше строчки из песни В. Высоцкого.

Мунлайт вздрогнул от неожиданности. Мальчишка бежал куда-то по своим делам и внимания на него не обращал. Мун подскочил на ноги, вывалилась изо рта изжеванная травинка, но он этого уже не заметил.

Звать мальчика он не стал. Осторожничать тоже. В обжитых местах Зоны можно не бояться. Никаких неожиданностей, разве что гон начнется или выброс пойдет. Гигантскими беззвучными скачками он метнулся следом.

Пацан, как и в прошлый раз скрылся за углом ближайшего дома. Де жа вю, не иначе. Надеюсь, что хоть в этот раз никто не даст ему по башке, Мунлайт остановился возле избы и осторожно заглянул за угол.

Перед ним раскинулся широкий двор. На значительное свободное пространство с вытопанной до состояния проплешины землей смотрели три дома. Старых, но обжитых и подлатанных. Возле одного из них стоял длинный навес, под ним разместились врытые в землю лавки и столы, тянущиеся единой лентой, за которой могли рассестись несколько десятков человек.

В стороне от домов устроился махонький кривенький сарайчик. Явный новодел. На дверях сарая висел могучий амбарный замок. Интересно, что внутри. Казна, или стратегические запасы патронов и провианта?

Мальчишку этот вопрос в отличие от Мунлайта не занимал нисколько. Он бодро подпрыгивая, как это могут только дети, просвистал мимо сарая и направился к дальнему дому с навесом и столами.

Мун вышел из-за угла и не таясь двинулся следом. В том, что пацан не галлюцинация, он был уверен, но само наличие его здесь посреди Зоны вызывало удивление вперемешку с любопытством.

Паренек добежал до столов под навесом и радостно возопил:

— Мама!

Только сейчас Мунлайт заметил скрючившуюся на лавочке женщину. Она сидела по другую сторону стола и буднично чистила картошку. Причем делала это столь непринужденно и обыденно, словно они находились не под Припятью, а под Егорьевском. И к занятию своему она подошла с полной отдачей, потому на виду из-за столешницы торчала только голова и плечи. На детский голос женщина распрямилась и ее стало видно чуть лучше.

Не дурно, оценил про себя Мун. Барышня и впрямь была не дурна собой. И было в ней что-то еще, что притягивало. Что-то простое, человеческое и не продажное. Вот оно! Бабы в зоне, когда к ним подходишь, обычно калькулятор в голове включают. Ты еще не заговорил, а у нее в глазах счетчик пошел отщелкивать.

Нет, встречаются конечно и другие, те что с мужиками на равных в Зону шастают, но это не женщины, это какие-то КМС по метанию ядра и гребле.

Здесь же случай был совершенно другой. Впервые за долгое время он видел нормальную женщину. Хотя представить себе, какая нормальная женщина в здравом уме сунется в Зону, да еще и с ребенком...

Мальчишка обогнул край стола и плюхнулся рядом с женщиной на скамейку. Та отвлеклась от сына, заметила приближающегося Мунлайта и переменилась в лице. Вздрогнула, побледнела, приподнялась. Звякнул упавший нож. За секунду в глазах женщины промелькнула дикая гамма чувств: страх, узнавание, надежда, разочарование, боль. Затем все стихло, словно и не было этого всплеска эмоций.

— Здрасьте, нафиг, — плотоядно растекся в ухмылке Мун, делая вид, что ничего не заметил.

Женщина кивнула и подняла нож. Мальчишка смотрел серьезно и испытующе.

— А я знаю, — сообщил он вдруг, — вы дядя Мунлайт.

Мун поперхнулся. Быстро же тут информация расходится. До сегодняшнего дня здесь никто и знать не знал, как его зовут, а теперь... Он улыбнулся мальчишке мягко, почти без сарказма, насколько вообще был на это способен.

— Точно. А ты кто такой, боец?

— Егор, — представился паренек и поспешно добавил, — а маму зовут Наташа. Мун посмотрел на Наталью.

— И чего ты от меня шарахнулась, будто привидение увидела, Наташа?

— Человека одного напомним, — неохотно ответила она.

— Плохого?

— Хорошего.

— А чего тогда шарахаешься? — фыркнул Мунлайт и добавил патетически. — Ох уж эти самки человекофф!

Последнего делать не стоило. Наталья стегнула его недобрым взглядом. Лицо женщины стало суровым, теряя свою миловидность и напоминая о той категории, которую он сам классифицировал, как КМС по метанию ядра.

— Тот человек умер, — процедила она сквозь зубы.

«В таких случаях воспитанные люди обычно начинают смущаться и извиняться», — подумал Мун, но извиняться не стал.

— Значит, я похож на покойника, — ухмыльнулся он. — Надо нормально есть, спать, заняться спортом и в солярий сходить, что ли.

— Хам! — фыркнула Наталья.

— Быдлоид, — послушно согласился Мун. — Наташка, а...

— Меня зовут Коса, — отрезала Наталья.

— Коса? Камси-камса. А я-то думал, тетки человеческими именами называются, не то что сталкеры.

— А что, — взвилась Наталья, — женщина по-твоему сталкером быть не может?

В своем праведном гневе она была смешна. Мун с кривой ухмылкой покачал головой, нет мол, не может, и подмигнул Егору, который наблюдал за мамой и «дядей Мунлайтом» с некоторой настороженностью.

— Не может, — сказал он, чтобы жест не трактовали как-то иначе. — Вот ты чего здесь делаешь?

— Живу, — небрежно пожала плечами Наталья.

— С ребенком?

— Не твоё дело, — снова заершилась она. — Он уже взрослый.

— Ну и дура, — фыркнул Мун.

— Хам, — резко бросила Наталья, подцепила таз с картошкой и ушла в дом.

Мальчонка, оглянувшись попутно на седого дядю, юркнул следом. Хлопнула дверь. Мун плюхнулся на скамейку и потянулся до хруста. Весело получается. Если так пойдет дальше, его тут возненавидят всем хутором. А ему ведь тут жить. Во всяком случае пока Снейк не поправится.

9

Как ни старался Мунлайт ступать беззвучно, а не получалось. От дождей земля раскисла. Под ногами хлюпало и чавкало. Да еще и рыжий, бывший тюремщик, топал рядом плечо в плечо. Дурак, сказал же ему дважды идти следом. Ладно, хрен с ним, воспитанием заниматься Мун не намеревался. Это только Иисус лечил и учил бесплатно.

Веснушчатого парня навязал Резаный, видать боялся, что Мун смоется, прихватив с собой хорошую винтовку с качественной оптикой и оставив вместо нее лишний рот с отстреленной ногой.

Услыхав, что Мунлайт согласен на его условия, Резаный приободрился. Узнав, какой ствол тот запросил для охоты на мутировавшего кабана, малость расстроился. Впихнув ему рыжего в сопровождение, снова возрадовался.

Конопатый парень имел характерное погоняло — Рыжик. И оказался весьма болтлив. Поначалу правда он привычно молчал, но отношения, строившиеся по схеме караульный-заключенный, себя уже изжили, потому он смотрел на Муна хоть и без особой приязни, но несколько иначе, чем прежде. А постепенно и вовсе разговорился. И если раньше болтал

Мунлайт, норовя подначить и уколоть поехиднее, то вскоре ему пришлось заткнуться. Потому как на подначки, с тех пор, как Мун перестал быть врагом, Рыжик не реагировал, а самого его как прорвало.

Впрочем, и в этом стрекотании был толк. Очень скоро стал ясен расклад группы Резаного. Группировка возникла не так давно, создавал ее Резаный со своим приятелем по кличке Фрез. Когда-то Фрез с Резаным были не разлей вода. Вместе мотались за хабаром, вместе вступили в «Свободу», вместе из нее вылетели, когда Резаный по пьяни сообщил одному из «Свободовских» лидеров, что анархию он понимает иначе, а то, что творится в «Свободе» не анархия, а бардак.

— Говорят, шрам у него с тех самых пор и появился, — конспиративным шепотом поделился Рыжик, хотя услышать их уже никто не мог. Из деревни они вышли и направились на юг.

— И кличка, говорят, у него с тех пор такая. Раньше другая была.

— Какая это? — живо заинтересовался Мун, но Рыжик лишь пожал плечами. Того периода жизни Резаного он воочию не наблюдал.

После почетного вылета из «Свободы» Резаный с Фрезом ходили в вольных сталкерах, пока мужика со шрамом не проперло создать свою группировку и он начал набирать людей. Большею частью молодняк конечно.

Когда шайка-лейка стала превращаться во что-то более менее осмысленное, возник вопрос самоопределения. Вот тогда Фрез с Резаным и переругались. Фрез предложил взять символом медведя, сообщив, что это православное тотемное животное, и звать его на самом деле бер. И бер обязательно должен фигурировать в названии группировки.

Резаный согласился взять медведя на эмблему, хотя все, что касалось беров и православных тотемов, посчитал бредом. Фрез возмутился, они заспорили. Фрез назвался православным язычником, дескать православный не потому, что в православии, а потому, что Правь славит. Резаный изгалялся и вертел пальцем у виска. В общем поругались.

Фрез обиделся и ушел. А Резаный остался со своим молодняком и парой старичков, которые его дюже уважали. Группировка стала называться просто группой Резаного, хотя медведь на нашивке остался. Базу они себе оборудовали не далеко от «Свободы». Из-за этой близости и оскаленной хари на эмблеме их стали периодически принимать за свободовцев. Это Резаного бесило невероятно.

— А Фрез чего же?

— С Фрезом они помирились, — поделился Рыжик. — Он приходит иногда, остается на неделю, на две. Помогает Резаному. Фрез хороший человек.

— Так он в группировке что ли?

— А кто ж его знает, — пожал плечами Рыжик. — Вроде бы, а вроде и нет. Он...

Но Мунлайт не дал закончить, резко поднял руку, жестом заставляя молчать, и опасливо вслушался в окружающий мир. Рыжик тоже прислушался, но судя по недоуменной роже ничего, кроме шелеста пожелтевшей листвы на ветру, не услышал.

— Что? — спросил осторожным шепотом.

Мунлайт объяснять не стал, достал винтовку и принялся неспешно крепить оптику.

— Кабан? — удивился Рыжик. — А где?

— Кровосос, — с невероятно серьезной рожей поведал Мун. — У тебя за спиной, только не двигайся.

Рыжик побледнел, медленно повел головой в сторону, но не удержался и развернулся резко, готовясь уже бежать в панике. Затравленно завертелся. Но никакого кровососа не было. Парень поглядел на Муна, тот стоял рядом и гнусно ухмылялся.

— А ты и уши развесил.

— Не смешно, — надулся Рыжик.

Мун лишь плечами пожал, мол кому как, и не спеша двинулся в сторону от тропки. Рыжик поплелся следом. Лучше бы он этого не делал. Путь лежал через кусты, и треску от ломающегося через них Рыжика вышло ничуть не меньше, чем если бы за Муном перла та тварь, на которую он собирался охотиться.

Сталкер поморщился, выставил вперед руку и отвел в сторону ветви. Впереди раскинулось поросшее высокой травой поле. На другом конце поля стояла какая-то сгнившая советская сельскохозяйственная техника, а рядом с ржавыми остовами поднималась пара бугорков пониже.

Кабаны дремали. Ветер дул от зверюг, так что людей они пока не учуяли. И то хорошо. Мун присел, снял рюкзак и неторопливо поднял винтовку. Рыжик пыхтел в ухо с благоговейным трепетом.

— Это ты с такого расстояния в глаз попадешь? Его ж не видно.

Мун опустил винтовку, борясь с возникшим желанием стукнуть Рыжика прикладом по башке.

— Знаешь, что такое баллистика? — спросил тихо.

Конопатый тряхнул головой. Причем сделал это так, что понять степень его осведомленности было невозможно.

— В кино видел, как снайперы работают? Смотрят в трубку, ловят в крестик фигурку, стреляют и готово дело.

— Видел.

— Так вот это туфта, — поделился Мун. — Если б все было так просто, снайперами-киллерами каждый первый бы был.

— А на самом деле как?

— А на самом деле расчет идет. Физика, математика. Чтобы в цель попасть, ее даже видеть не обязательно. Главное знать, где она находится и верно рассчитать.

— Заливаешь, — не поверил Рыжик.

— Да ну ты нах, — отмахнулся Мунлайт и снова поднял винтовку.

Рыжик следил за ним теперь со всем вниманием. Будто искал подтверждение сказанному. Но, не смотря на свои слова, к оптике седой сталкер глазом все же прильнул. Правда не на долго. Потом палец Мунлайта мягко вдавил спуск и хлопнул выстрел.

Секундное затишье показалось Рыжику вечностью.

— Попал? — не выдержал он наконец.

Мун не ответил. Только молча подскочил на ноги и дернулся в сторону. Рыжик поглядел через поле и почувствовал, как подкашиваются ноги. Мирно дремавший секунду назад, мутант подскочил с резвостью, до которой Муну было, как до Пекина на четырех костях, и рванул через поле. На них!

— Сваливаем, — рыкнул в ухо злой голос, и что-то дернуло за плечо.

Потом часто-часто замелькали листья, несколько раз жестко хлестнуло ветками по лицу.

Когда Рыжик пришел в себя, Мунлайт уже выпихивал его обратно на тропинку. Винтовку седой швырнул где-то по дороге и стягивал силой рюкзак со спины конопатого. Рыжик воспротивился.

— Бросай, дурак, — рявкнул Мун и дернул сильнее.

Рыжий парень вывалился из лямок и чуть не завалился на землю. Мун подхватил его за шкуру, восстанавливая равновесие, и потянул к ближайшему дереву.

— Чего это? — пискнул Рыжик.

— Песец, — хохотнул вдруг Мун и пихнул парня к дереву. — Лезь!

Рыжик по деревьям лазал паршиво, но когда по ту сторону тропинки затрещали кусты, навыки у него возросли в разы. И к тому времени, когда кабан вылетел на тропку, оба, и конопатый, и Мунлайт, уже были на дереве.

Припять кабан был огромен, дик и невероятно зол. Пролетев к их убежищу, зверюга со всей дури вмазалась в могучий ствол. Дерево дрогнуло, но оно было сильно постарше кабана, потому завалить его так просто у мутанта не вышло.

Мун вцепился в ствол крепче. Рыжик сидел на ветке, вцепившись в нее до судороги. Конопушки его побледнели, а самого парня трясло.

— Ты в него не попал? — спросил заплетающимся языком.

Кабан бесновался внизу под деревом. Вместо правого глаза у зверюги зияла кровавая дыра.

— Попал, — нехотя бросил Мунлайт.

— А чего он тогда? — пролепетал чуть не плача Рыжик.

Мунлайт выматерился про себя. Вот ведь везет же в последнее время на болтливых салабонов. Сначала интеллигент Хлюпик, теперь дурак Рыжик. Этот, правда, выглядит более приспособленным. Молодой только, необстрелянный. Привыкнет. Если не пристрелят раньше, или в какую-нибудь птичью карусель сдуру не вляпается.

— Сильная тварь. Пуля в башке, а у него видишь, агония. Хотя у меня охотник знакомый был за периметром, рассказывал про медведя. Ему пуля в сердце вошла, а он не сдох. Более того, отлежался где-то и все заросло. Бегал еще какое-то время, пока его снова не пристрелили.

— С пулей в сердце? — не поверил Рыжик.

— Ага, — кивнул Мун. — И это обычный медведь. А тут мутант. Черт его не знает, на что мутировавшие организмы способны. Так что сидеть нам здесь, видимо, придется долго.

Кабан, словно в подтверждение, снова боднул дерево. Расслабившийся было Рыжик чуть не чирикнул с ветки, но удержался. На кабана с пробитой головой смотрел со смесью паники и уважения.

— Зря винтовку бросил, — посетовал он. — Можно было добить.

— Нельзя, — скривился Мун. — Твой начальник просил шкуру не портить. А стрелять кабанов направо и налево, чтобы у какого-то мудака дома чучелко стояло, я не стану.

Вот интересно, пронеслось в голове, кабан, пусть даже мутант, он ведь к человеку не лезет. То есть если рядом пойдешь, конечно бросится, но налеты на базы не устраивает. Разве что от выброса улепетывать станут, но это другое, там мозги отключаются, там паника. А человек ради игрушки для интерьера готов убить кого угодно. И кто из них мутант после этого? Надо было предложить тому любителю экзотики экзотическую охоту, нехай бы сам стрелял. А еще лучше вывезти его под этим предлогом в Зону и оставить среди кабанов. Пущай охотятся вместе. Кто кого. Правда украшать человеческим трупом свое жилье не то что кабану, даже бюреру в башку не придет.

Рыжик молчал. То ли с перепугу, то ли впал в задумчивость. Кабан внизу оказался не так силен, как медведь, сумевший выжить с пулей в сердце. Теперь зверюга валялась под деревом и конвульсивно подергивалась. Кровь толчками выплескивалась из пустой глазницы и натекло ее порядочно, но спускаться Мунлайт пока не торопился. Лучше посидеть еще от греха подальше, пока тварь не откинется. А то кто этого кабана знает, что в его дырявую голову стукнет в последние минуты жизни.

Мун перевел взгляд на тропинку, потом дальше, за кусты на поле. На какое-то мгновение ему показалось, что там, за кустами, по самому краю неспеша бредет прозрачная, словно сотканная из тумана фигура. Один в один похожая на ту, что привык видеть в зеркале.

— Слушай, — пришел в себя Рыжик. — А научи меня так стрелять, а?

Мун вздрогнул, снова посмотрел туда, где увидел свою копию, но наваждение уже пропало. Или прозрачная копия ушла куда-то.

— Зона научит, — отмахнулся он от рыжего парня.

Он снова и снова всматривался в пейзаж, но прозрачный силуэт больше не появился. Кабан под деревом лежал теперь без движения, только дышал тяжело, неровно, с хрипом. Мунлайт с тоской поглядел на тушу, перевел взгляд на кусты, поле, и едва слышным шепотом, сам себе удивляясь, пробормотал:

— Прости.

С дерева они слезли спустя час, если не больше, когда стало ясно, что кабан окончательно и бесповоротно мертв. Кукование на ветке не прошло даром. Тело ломило и, судя по кислой роже рыжего, тому было ничуть не легче.

Через кусты шли осторожно. Мунлайт искал взглядом брошенный рюкзак Рыжика и винтовку, но отчего-то не видел ни того, ни другого.

В голове зашевелились нехорошие мысли. Не мог же он в трех кустах заблудиться. Ну, пусть не в трех, но все-таки. Тогда куда делся их шмот?

Голову пришлось ломать не долго. Все вещи обнаружили в одном месте. И винтовка, и оба рюкзака. Рядом с ними сидел на корточках молодой сухощавый мужик и бесцеремонно ковырялся в Муновых монатках.

Рыжика это возмутило и он было рыпнулся вперед, но Мунлайт придержал парня.

— Здрасти нафиг, — с улыбкой приветствовал он.

Мужичек подскочил на месте так, словно сидел в луже, которую кто-то заботливо подсоллил и сунул пару контактов. Мунлайт выставил вперед руки, демонстрируя открытые ладони, и лучезарно улыбнулся.

— Ты чего здесь, брат? — поинтересовался он у мужичка.

Тот смотрел исподлобья. Глаза бешенные, коротко стриженная борода встопорщилась, словно мужика и впрямь тряхнуло током.

— Пакуюсь, — просто сказал мужик.

Он вскользь поглядел на лежащую рядом винтовку, перевел взгляд на Муна. Тот по-прежнему скалился, как параша, чем окончательно деморализовал воришку.

— И чего, — продолжил Мунлайт, подходя ближе с неизменной улыбкой, — оба рюкзака твои?

— Оба, — кивнул мужчина.

— А чего значит буква «Б»?

— Какая? — судорожно сглотнул тот.

— А вон на кармане рюкзака вышита, — указал Мунлайт, незаметно сокращая расстояние.

— Меня Берталет зовут, — поделился мужик.

— Угу, — кивнул седой, убирая улыбку. — А меня Мунлайт.

Он резко выбросил вперед руку. Назвавшийся Берталетом не успел ничего сообразить, как его скрючило от хорошего удара в солнечное сплетение. Мужик сложился пополам и жадно принялся хватать ртом воздух.

Фуфел. Как, интересно знать, он вообще один сюда умудрился забраться? Или он не один? Впрочем, неважно. Мун от души перетянул Берталета по хребтине. Тот отлетел в сторону, не удержал равновесия и грохнулся на землю.

Мунлайт подошел к поверженному и, игнорируя законы чести, которыми руководствовался в далеком детстве, принялся методично пинать лежащего ногами. Берталет хрипел и корчился.

— Никогда, — в такт ударам произнес Мун, — никогда не бери чужое. Понял? На чужой хабар рта не разевай. Иначе однажды это плохо кончится.

Он еще раз от души засветил ботинком по Берталетовым почкам и повернулся к Рыжику. Тот застыл и смотрел на экзекуцию со смешанным чувством.

— Ну а ты чего стоишь? Бери вещи, пошли.

— А он? — поспешил натянуть рюкзак Рыжик.

— И он пусть идет, если сможет. Только не с нами.

— Ты его так оставить хочешь? — удивился парень.

— А ты предлагаешь пристрелить, чтоб не мучился? — ядовито оскалился Мун.

Рыжик не нашелся с ответом. Мунлайт поглядел на его растерянную рожу и пошел прочь. Рыжик догнал уже на тропинке и снова захлопал размякшей грязью, топая плечо в плечо.

— А кабан?

— Думаешь, мы его вдвоем утащим? Ты скажи лучше, что значит буква «Б» на кармане вышитая. Ты же вроде Рыжик, а не Берталет.

— У меня фамилия Берестов, — поведал Рыжик, густо покраснел и потупился.

Мун одарил парня незаметным взглядом. Посмотрел без издевки, по-доброму. Нет, ему определенно везет на салабонов. Еще один краснеть не разучился.

10

К деревеньке, где обосновался Резаный, Мун с Рыжиком вернулись уже в сумерках. На окраине было все так же мертво, словно и не гнезился здесь мужик с пропоротой щекой и его архаровцы.

Впрочем, тишина оказалась иллюзией. Сперва мелькнули в стороне настороженные часовые, но, увидав помахавшего рукой Рыжика, успокоились. Даже подходить ближе не стали. А вскоре, уже шагая через бурьян по центральной улочке, Мунлайт услышал голоса. Довольно громкие и эмоциональные.

На базе Резаного явно что-то происходило. Может пока они на кабана охотились, там всю группу Резаного перерезали? Хотя караульные-то остались.

— Тормозни, — придержал Мун Рыжика.

— Зачем? — искренне удивился тот.

— Слышишь?

— Слышу, — конопатый растекся в мечтательной улыбке, — ужин.

Эта лыбящаяся веснушчатая харя в сочетании со сладостными нотками в голосе и словом «ужин» немного выбили Муна из седла. Во всяком случае, чего на это сказать, он не нашел.

— Традиция, — объяснил Рыжик, не заметив кажется замешательства. — Обязательное трехразовое питание на свежем воздухе по часам.

— То есть? — не понял Мун.

— Резаный так решил, — охотно рассказывал парень. — Навес видел? Вот три раза в сутки там собираются все, кто есть на базе и кушают.

Это мирное «кушают» резануло по ушам. В последние годы он как-то все больше жрал да хавал, в лучшем случае закусывал. А тут традиция, понимаешь ли.

— Под открытым небом? — недоверчиво переспросил Мунлайт. — А кислотные осадки не пугают?

— Зачем под открытым? Под навесом. Резаный считает, что это укрепляет коллектив и полезно для здоровья.

«Угу», — мрачно подумал Мун, — «полезнее не придумаешь — посреди Зоны три раза в день пикники устраивать». И коллектив явно сплоченный. Он прислушался к яростным воплям, если б не знал, что там «кушают» и ведут светские беседы, подумал бы, что назревает мордобой.

Рыжик переминался с ноги на ногу. Торопить не решался, но душой явно был уже за столом под навесом. Мунлайт неторопливо дернул травинку, зажевал кончик и кивнул.

— Ладно, пошли «кушать». А традиции накатить по сто, у вашего главаря нет?

Конопатый шутки не оценил, на Муна поглядел с укором. Смешной. Еще пару дней назад рыжий считал его врагом, ходил как мимо мебели и готов был морду расквасить, а теперь болтает без умолку и на самую гнусную подначку только глазки тупит. Как же, Резаный объяснил, что это не враг, а свой. А к своим отношение иное.

Но слово Резаного, выходит, кое-что здесь значит, раз его салабоны готовы, как по мановению волшебной палочки, отношение менять к вещам достаточно принципиальным.

Голоса нарастали. Вскоре из гудящего фона можно было уже вычленить отдельные реплики. Говорили про легендарных пасынков Зоны, о том же и спорили. Мунлайт поморщился, не иначе Резаный в свою мега группировку молодняка набрал.

Разговоры про Хозяев Зоны и прочие легенды — обычная болезнь новичков. Большинство попадающих в Зону поначалу грезят романтикой, тайнами и загадками, а себя мыслят первопроходцами подобно Колумбу. Зона рисуется местом романтическим и сталкерство выглядит чистой романтикой. Чем-то сродни детским играм в пиратов. Проходит время, молодняк матереет и понимает, что никакой романтики здесь нет. Есть

рутина, будни. И если эти будни в отличие от каждодневных хождений в офис у какого-нибудь клерка куда опаснее для здоровья, это не значит, что они наполнены романтикой.

Это как с парашютом прыгать. Романтично до первого раза. А там к романтике примешивается множество всяких но. И либо ты уходишь, либо с этими, но примиряешься и начинаешь работать, либо остаешься восторженным идиотом. Последнее обычно не долго, романтики в экстремальных ситуациях долго не живут.

С этой мыслью Мунлайт вышел на двор, который еще днем был так же пуст, как и вся деревня. Рыжик, что все время шел плечо в плечо, выскочил на пару шагов вперед, напоминая охотничью собаку — дурную, но хорошую, радостно бегущую, торопясь сообщить всем: «Смотрите, кого я привел».

Под навесом их заметили и попритихли. Мун шел неторопливо, пожевывая травинку и оценивая ситуацию. Правда по внешнему виду предположить, что его вообще что-то волнует, кроме измусоленной травинки, было трудно. Внешне седой сталкер походил на человека, находящегося в полной гармонии с собой и такие мелочи, как два десятка молодых вооруженных мужиков, его не волновали.

Впрочем, если быть точным, под навесом сидело не два десятка человек. Чуть меньше. Во главе кишки из составленных в единую ленту столов с видом гуру восседал Резаный. Из всей кодлы он был на десяток лет старше прочих и похоже в разы дольше топтал Зону. Остальные «бойцы», как мысленно окрестил их для себя Мун, порошу нюхнуть судя по всему уже успели, но от детских болезней еще не избавились.

Опасную тактику Резаный выбрал. С одной стороны, молодняк, который подобрал у кордона, притащил в Зону и воспитал, в рот заглядывать будет всю оставшуюся жизнь и благодарность учителю, который не дал сдохнуть в самом опасном начале пути, останется до самой смерти. С другой стороны, этих желторотых еще вымуштровать надо. А это время, силы, траты. Воспитывай их, корми, а потом по наивной дурости сунется такой молодой необстрелянный куда не надо и поминай как звали. И все затраты впустую. А «куда не надо» здесь на каждом шагу. С третьей стороны, если историю вспомнить, на молодых, дурных, на амбразуры бросающихся много чего вытягивали.

Стоп, оборвал сам себя. Кто тут помнит историю? И войны тут нет. Чего бы не гундели зануды типа Угрюмого. Такая война в каждой подворотне идет с мальчишеских лет. Наши против не наших. Наш двор, наш подъезд, наш район. И по нарастающей. Потом я здесь точку держу, я этот район крышую. Мальчишки взрослеют, а игры и правила теми же остаются. И здесь, в Зоне, все то же самое. А война — это из другой категории. Там правил нет, и романтическая дурь из головы куда быстрее вылетает.

То ли дело здесь. Правила просты и понятны. Есть гуру, есть кучка молодняка, верящего в его непогрешимость, осталось только свое место занять. И Мун уверенно шагнул к голове стола.

— Привет, — махнул Резаному рукой, словно был знаком с ним с незапамятных времен, вместе девок портили, когда остальные сидящие за столом в пеленки мочились.

Тот поглядел косо, будто покушались на его авторитет, но на конфликт переть не стал. Вот и все, щелкнуло в голове, все правила соблюдены, игра сделана, дальше пойдет предсказуемый размен.

— Привет, — с намеком на угрозу в голосе произнес Резаный. — Как успехи? Ужин отработал?

— На неделю вперед, — небрежно кивнул Мунлайт, сплюнул травинку и оглядел сидящих по правую и по левую руку от Резаного. — Ты вот этих четырех бойцов отряди на прогулку.

— Зачем?

— За трофеем. Мы с рыжим вдвоем такую дуру не утащим при всем желании.

— А зачем тащить? Вообще-то шкуру с большого животного надо снимать сразу после отстрела, — тон Резаного приобрел занудно-учительские нотки. — «Мокрую» шкуру сворачивают в рулон, прокладывают слоем сухого сена сантиметров в шесть. А это уже не

очень тяжело тащить. Главное «конвертом» не складывать, а то на шкуре на месте залома проплешины остаются.

— Да мне по фигу, — честно дослушав до конца, ухмыльнулся Мун. — Я не охотник. И договаривались мы, что я животинку валю, а не транспортирую. Так что отряди бойцов и пусть они тушку хоть тащат, хоть свежуют и сеном прокладывают.

Четверо парней, что сидели к Резаному ближе других, на Муна глядели недобро. Один осторожно покосился на сидящего во главе стола. Главари незаметно кивнул. Впрочем от Мунлайта этот жест не ускользнул.

Парни, как по команде, поднялись с насиженных мест. Мун, не дожидаясь приглашения, подсел к Резаному и шлепнул ладонью по скамейке, приглашая Рыжика присаживаться.

Конопатый оглядел всех участников представления. Симпатии у Рыжика уже сложились, а вот как себя вести исходя из этих симпатий, он еще не придумал, потому только переводил взгляд с Мунлайта на Резаного, с Резаного на собратьев по группировке и снова по кругу.

Пауза затягивалась, и Рыжику пришлось принять решение. Скрепя сердце он опустился на лавку рядом с Муном, но как-то воровато и с самого краешка. Дескать, я не против вас и не против него, я со всеми.

— От выхода налево, — удовлетворенно принялся распоряжаться Мун. — Дальше по дорожке с километр. С боку от дороги дерево, под деревом кабан, — он поглядел на Резаного и ядовито добавил, — шкурка не порченная.

Молодчики смотрели хмуро, бежать за кабаном не торопились. Мун ждал.

— Идите, — велел Резаный.

И они пошли. Молча, неохотно, но покорно. Слушаются, отметил Мун. Даже если не согласны, прекословить старшему не станут. А он для них и в самом деле старший, может не отец родной, но Старший, которого уважают, слушают и с которым не спорят. Никогда.

— Метров через семьсот сорок по дороге справа у самой обочины птичья карусель, — не оборачиваясь бросил Мун.

Шаги уходящих замерли за спиной. Резаный уставился на Рыжика. Тот потупился:

— Не знаю, я не видел.

Мунлайт подтянул пустую миску и подцеплял в нее вареные картофелины из обшарпанной эмалированной кастрюли с закопченным днищем. На окружающих не смотрел, но почувствовал взгляд главаря уже на себе.

— Если хотите, можете проверить, — не отрываясь от своего занятия сказал он. — Болтик кинуть. Или кого помассивнее, чтоб зрелищнее получилось. Только тогда пятого с собой возьмите.

— Зачем? — не сдержался кто-то из стоявших за спиной.

— Втроем кабана не дотащите, а соломой набивать, конечно, хорошо, только соломы я там не видел, — охотно поделился Мун. — А живым из птичьей карусели еще никто на моей памяти не выбирался. Или вы решили двоих туда кинуть? Тогда вшестером идите.

— Хорошо, — оборвал поток издевок Резаный. — Кир, слышал, чего Мун сказал? Зафиксируй и ступайте.

Рыжик немного осмелел, чувствуя, что гроза прошла мимо, уселся поудобнее и принялся за ужин. Мун наворачивал картошку с рыбными консервами в импортных плоских жестянках. Этими консервами был щедро уставлен весь стол.

— Приятного аппетита, — задумчиво прокомментировал Резаный.

— Спасибо. Откуда такая роскошь? — Мунлайт кивнул на импортную рыбу.

— А это мы ООНовцам на мелкие артефакты меняем, — объяснил подошедший доктор с седым ежиком.

За столом сидела дюжина человек, вместе с Резаным чертова дюжина. Да четверо ушли. Семнадцать. Да Рыжик с Айболитом, девятнадцать. Плюс мистический Фрез, которого он еще не видел, плюс Наталья с ребенком, но это скорее балласт. Разве что пожрать есть кому сготовить. Кстати, этих двоих за столом не было.

Ладно, итого. Два десятка человек вся группировка? Не густо. Хотя, кто его знает, сколько еще Резановских парней по Зоне топчется. Но в любом случае из двадцати человек постарше будут только Айболит, да сам Резаный, остальные — молодняк.

«Гуру», ухмыльнулся про себя Мун.

Молодняк на другом краю стола продолжил беседу, но уже не так яростно, как прежде. На этот раз героем стал Юра Семяцкий. Кто-то помянул, другой поддержал, третий не согласился и покатилося.

Разговор из тихой беседы снова стал перерастать в дикий сырбор. Мнения разделились. Часть Резановских пацанов считала, что Семяцкий великий фальсификатор и на самом деле он не умирает. Другая половина вопила, что Семяцкий ежедневно умирает, чтобы возродиться снова. Эдакий Зональный феникс. На скептический вопрос, каким образом он стал бессмертным, приверженцы теории бессмертия Семяцкого значительно пожимали плечами, дескать то одной Зоне ведомо.

После общения с неведомой аномалией Мун готов был поверить, что Юрий Михалыч и впрямь каким-то странным образом стал бессмертным. Хотя это он для школоты этой Юрий Михалыч, а для него...

— А я бы хотел убить Семяцкого! — яростный вопль Рыжика оторвал от вялых мыслей.

Мунлайт поглядел на конопатого парня. Тот смотрелся весьма живописно. Волосы растрепались, глаза горели святым безумием, а на лице было такое выражение, что становилось ясно — дай ему волю, убил бы. И не только Семяцкого.

— Да как ты... — задохнулся от негодования парень с той стороны стола. — Это же живая легенда.

— Вот я бы и посмотрел, живая она или мертвая. И способна ли эта легенда оживать, — горячился Рыжик.

— Молод ты еще Семяцкого убивать, — ухмыльнулся Мун рыжему.

— А ты сам? — чуть сбавил обороты Рыжик. — Неужели не хотел бы его убить?

Мунлайт пожал плечами.

— Когда я его последний раз видел, у меня такого желания не возникло.

— А ты знаешь Семяцкого? — впервые за все время вступил в разговор Резаный.

Молодняк попритих. На Муна смотрели со смесью недоверия и уважения. Вот же черт за язык дернул. Легендарного Юру он близко не знал, но пару раз пересекались. Более того, в Зону они ехали вместе. Из Москвы одним поездом. Там и познакомились, хоть никто и не обмолвился о том, куда едет.

Встречал он Семяцкого и после. Уже в Зоне. Правда это было до того, как тот намылился к четвертому энергоблоку и пропал без вести на пол года. Больше Мун с Юрой не встречался. Сперва услышал, что тот вроде как погиб, и даже расстроился. Потом стали долетать отголоски сплетен. Говорили, что Семяцкий жив, потом, что мертв. А потом понеслись байки о том, что Юра живым и мертвым бывает по семь раз на неделе и запросто переходит из одного состояния в другое и обратно.

Семяцкого бессмертного Мунлайт уже не знал.

— Встречались пару раз, было дело, — небрежно отмахнулся он.

— Расскажи! — запросил парень, что сидел напротив Рыжика.

— Да чего рассказывать, — пожал плечами Мун, припоминая вагон поезда и водку, чередующуюся с пивом под неторопливый разговор. — Нормальный мужик.

Во всяком случае был нормальный, пока не стал частью Зоны. Мунлайт припомнил тяжелое утреннее похмелье в поезде, украинских таможенников, требующих заполнить какую-то анкету, и Юру Семяцкого, старательно вписывающего в графу «гражданство» «Михайлович». Помнится таможенник выпучился, как рак, пытаясь понять, где сие находится.

Да, Семяцкий был хорошим человеком и нормальным мужиком, а теперь кто или что он такое, страшно даже представить. Мунлайт с удивлением понял, что он не хочет не только убивать Юру Семяцкого, но и встречаться с ним теперь не хочет. Страшно с таким

встречаться. Мелюзга-то этого не поймет. Да и сам бы он не понял еще неделю назад, когда волосы его были темными, а по Зоне не разгуливала его прозрачная копия.

Мунлайт молча поднялся из-за стола и пошел прочь.

— Гонит он, — донесся из-за спины тихий голос. — Не знает он Семецкого.

— Цыц! — одернул Резаный.

Мун не повернулся. Не было желания ни спорить, ни язвить. Хотя была б его воля, заткнул бы он сопляка, который усомнился в его словах. Да так заткнул, что тот больше никогда бы рот без дела не открыл. Но куража не было, только апатия.

Дверь привычно скрипнула. Мунлайт вошел в полумрак своей временной обители, которая до сегодняшнего дня была тюрьмой, а теперь вероятно переменила статус на гостиничный.

Снейк полулежал на койке. Рядом с ним сидел Натальин мальчишка. Он устроился на самом краешке, но койка была высокой и ноги мальчика все равно не доставали до пола. Паренек смотрел на бородатого практически с сыновней нежностью. Змей держал в руках замурзанный журнал «Огонек» невесть какого года выпуска. Некогда глянцевого страницы скукожились, но текст, по всей вероятности, остался читаемым. И Снейк читал, а Егор, закусив губу, слушал журналистские посылы из советского прошлого.

На вошедшего Мун оба поглядели без особого энтузиазма.

— Изба читальня, — озвучил собственное наблюдение седой и завалился на койку.

— Дядя Змей, я пойду, — тихо прошептал мальчонка и сполз на пол.

Снейк потрепал мальчишку по волосам и подмигнул.

— Завтра заходи, еще почитаем.

Егор кивнул и выскочил на улицу. Скрипнуло, тихо хлопнула дверь о косяк.

Снейк смотрел на закрывшуюся дверь с какой-то потаенной грустью.

— Я оформил нам полный пансион на неделю, — поделился Мунлайт.

Бородатый не отреагировал, словно вслушивался во что-то, неслышимое Муну.

— Хороший мальчишка, — произнес он наконец.

— Мальчишка хороший, — согласился Мунлайт. — Мать у него дура. Нашла место.

— Обстоятельства, — пожал плечами Снейк.

Обстоятельства, подумалось вдруг. Нет таких обстоятельств, которые заставляют рожать детей в Зоне отчуждения. Нет таких обстоятельств, которые заставляют ехать в Зону отчуждения с детьми. А если даже и есть, то нет таких обстоятельств, которые помешают оттуда вернуться к нормальной жизни.

— Мальчишке жить как-то дальше надо, — мрачно заметил Мун. Со Снейком мог позволить себе быть настоящим, без сальностей и скабрзностей. — А что из него здесь может вырасти? Бомж Иваныч вроде нас с тобой. Да еще и неграмотный.

— У нас пол страны неграмотные бомжи иванычи, — заспорил бородатый. — Если ты не знал, то за МКАДом есть жизнь и она сильно отличается от столичной.

— Если ты не знал, то я знал, — в тон ему отозвался Мунлайт. — Вот только про бомжей иванычей не надо. Все по-разному.

— Все по-разному, — кивнул Снейк. — Только люди, они везде живут. А жизнь — это не одна стрельба по монстрам и сбор артефактов. Дети — это тоже жизнь. И женщины.

— Достал ты меня со своими самками человеков, — отмахнулся Мун, возвращаясь к своей обычной манере.

Снейк насупился, но виду не подал.

— Ты ей понравился, — прогудел надутый.

— Сомневаюсь.

— Она про тебя говорила.

— О как! И чего говорила? Что я хам и шутки у меня дурацкие?

— Что видать не так уж и весело тебе жить. Но сил хватает отшучиваться.

— Можешь ей передать, что клоунов из себя корчат чаще от слабости, чем от силы.

— Не буду я ей ничего передавать. Нашел себе передаста. Сам скажи. Серьезно тебе говорю, ты ей нравишься.

— И что? — начал злиться Мун. — Мне теперь по этому поводу броситься к ней с распростертыми объятиями и завалить в ближайшем сарае на груды мусора за неимением сеновала? Я спермотоксикозом не страдаю, и при виде человека в юбке у меня, знаешь ли, возникают и другие мысли помимо желания юбку задрать.

— При чем здесь твои желания?

— А чьи? Ее? Так не всех, кому ты понравился, надо трахать.

— Адепт хаоса, — совсем расстроился Снейк. — Я ж не об этом.

— А о том вообще молчи, — разозлился вдруг Мун. — Это ты можешь баб любить и с детьми чужими нянчиться за неимением своих.

— А ты? — серьезно посмотрел Снейк.

— У тебя глаза добрые, — не слыша продолжал Мунлайт.

— А у тебя? Ты ж хороший мужик.

— Для тебя, — огрызнулся Мун. — Потому что ты свой. Может еще десяток человек наберется, для которых я хороший. Ты меня лечить вздумал? Еще один супер Радж на мою седую голову.

— Слушай...

— Отвали, — резко отрубил Мунлайт. — Смени тему. Говори о чем хочешь, только вот этими вашими интеллигентными копаниями меня доканывать не надо.

Снейк насупился и запыхтел в бороду, но продолжать не стал.

Мунлайт лежал на койке и смотрел в изгнивший потолок. Та часть крыши, что была ближе к двери, обветшала уже до полупрозрачного состояния. Здесь, над головой, крыша была, видимо кусок ее настелили заново, но балки и обрешетка выглядели настолько паршиво, что навевали мысли о неминуемом падении потолка на голову.

Лучше на них вовсе не смотреть, решил Мун и повернулся к бородатому приятелю. Тот лежал с задумчивым видом и созерцал что-то внутри себя. Бородища отросла сильнее обычного и топорщилась непокорной лопатой. Викинг на привале.

Снейк почувствовал на себе взгляд, едва заметно вздрогнул и посмотрел на седого.

— Я ухожу, — сказал с какой-то философской обреченностью.

— Прямо сейчас? — ухмыльнулся Мун.

Бородатый подначки не заметил, а если и заметил, то внимания не обратил. Только головой покачал.

— Не сейчас. И не отсюда. Вообще. Только на ноги встану и ухожу. Я вот пока здесь валялся, все думал. Ведь если бы ты меня не нашел, я бы там и кончился в этом тумане. Не сразу, но шансов-то не было.

Мун прикинул расклад. Да, пожалуй. С простреленной ногой да со снейковым весом далеко не уползешь. Помощи ждать неоткуда. Костер не развести, пожрать и то с трудом. А в тумане — не на курорте, даже не на базе «Долга» или в деревне у Резаного, там, если верить самому Снейку, кто-то уже шастал. Ведь расстрелял же он в кого-то половину обоймы. В общем, по всему выходит, шансы у Снейка были либо помереть от голода и холода, либо стать для какой-нибудь дряни запасом харчей на неделю.

— Я думаю, это шанс, — продолжал бородатый. — То есть кто-то мне дал возможность почти умереть, вернуться с того света, остановиться и подумать. Кто я, что я, зачем...

— Ты здесь каждый день имеешь шанс пулю в голову словить, — фыркнул Мунлайт. — Если прикинуть, сколько раз ты умереть мог, шансы считать устанешь.

— Это другое, — не согласился Снейк, — то обычный риск. Каждодневный, будничный. А здесь все. Черта. Рубеж. Дальше либо понять что-то надо, либо отмахнуться и сдохнуть. А я не люблю раскидываться. Так что я ухожу.

— Нет, ты бежишь. Сбежать из Зоны. Был бы я поталантливей, кино бы с таким названием снял.

Шутка вышла не смешной. Мун зажмурился и запустил пятерню в седые волосы. Пальцы судорожно стиснулись, грозя вырвать хороший клочок белоснежной шерсти.

Понять что-то или отмахнуться. И это Снейку, которого он вытащил. А его самого кто вытащил? Господь бог? Провидение? Зона? Где он был и с какого света он вернулся? И если Снейк о таких вещах задумывается всего-то пулю в бедро словив, то уж ему-то точно глупо отмахиваться. Надо остановиться, подумать и понять. Хотя бы кто и для чего оставил ему жизнь, если большее даже не понимать, о нем задумываться страшно.

— Хорошо, уйдем вместе, — коротко бросил Мун. — Только одно условие.

— Какое? — выпучился Снейк, явно не ожидавший такого поворота.

— Прежде чем уходить, возьмем заказ. Один, но серьезный. Уходить без денег я не согласен. Надоело быть бомжем иванычем.

И Мунлайт растекся в хитрой лыбе.

11

Старший лейтенант Сергей Карташов не убегал. Он уходил. И не из Зоны отчуждения, а в нутро ее. Он шел туда, откуда накануне вечером решили бежать два сталкера. Причем если двое беглецов планировали срубить капусты, прежде чем сдернуть, Карташов имел твердое намерение предложить определенную сумму кому-то, кто согласится оказать некоторые услуги ему и его начальству.

Денег старлей намеревался не только предложить, но и заплатить. И начальство его кидать исполнителей тоже не намеревалось. Зачем, если речь о незначительной сумме, а вопрос, за который платят, достаточно серьезен?

На самом деле сумма была весьма и весьма значительной. Но для того, кто ее платил, она по всей вероятности большой ценности не представляла. Сергей прикинул, какими активами располагает генерал, если готов платить такие суммы бродягам, и крикнул. О том, какими суммами вертят те, кто выделил эти деньги Хворостину на подобную затею, было страшно даже подумать.

Была конечно вероятность того, что все эти подготовки операций по уничтожению сталкерни, инициатива не шибко умного генерала, но оставался аргумент, в пух и прах разметающий эту версию. Аргумент этот лежал застегнутый на молнию в неприметном отделении на дне лейтенантского рюкзака и имел вид пары пачек свежееотпечатанных банковских фантиков, которые, если верить государству, обеспечивались золотым запасом необъятной родины.

Нет, генерал не дурак. К дуракам такие бабки не плывут.

Впрочем, о деньгах Сергей старался не думать, иначе возникали ненужные соблазны. А схватить немного, или пусть даже много, денег и сбежать в планы Карташова не входило. Зачем цепляться за сомнительную сумму и ставить себя вне закона? Это же не американское кино. Это российская жизнь. А здесь другие законы жанра. Просто надо понять, с кем подружиться, под кого подстелиться и с кем поделиться. И если грамотно организовать эти три момента, то устроиться можно очень недурно.

И уж он-то сумеет правильно друзей выбрать. Тем более, что выбор зачастую очевиден. Вот с кем стоит дружить: с честным, но неумным капитаном, или с вновь прибывшим генералом? Капитан прост, как валенок. Такие всю жизнь живут с психологией сторожевого пса. Скажет хозяин задрать соседа, задерет, а если велит за палкой бегать и тапки носить, значит будет товарищ капитан Берденко носить тапки и бегать за палкой до самой пенсии. А то еще и на пенсии побегаёт. И не потому все это, что мозгов у капитана Андрюхи нету, а потому, что честный и неприспособленный.

Капитан, друг закадычный. Он ведь так ничего и не понял. Не сообразил, что изменилось, даже если и почувствовал. А изменилось все. От расстановки сил до его к капитану отношения.

Берденко вышел проводить и выдать напутствия. Сергей слушал капитана в пол уха. Зачем, если он еще накануне выслушал напутствия от самого Хворостина? Карташов тратил

на капитана время только из уважения ко вчерашнему начальнику-приятелю-собутыльнику. Но если капитан Андрюха навсегда остался во вчера, то старший лейтенант Сергей Карташов жил уже днем сегодняшним и планировал завтрашний. И это «прекрасное далеко» было сейчас полностью в его руках.

Через кордон Сергей прошел без заминки. Там были предупреждены и препятствий чинить не стали. Дальше стало хуже. С одной стороны ничего вроде бы и не изменилось, кордон был рядом, свои солдатики тоже, и никаких страстей, которыми, если верить рассказам, кишит каждый квадратный метр Зоны отчуждения, видно не было. Но что-то такое неуловимое чувствовалось вокруг, словно какой-то невероятно гениальный парфюмер сумел собрать в бутылочку запах страха и опасности, а теперь щедро распыскивал этот запах вокруг.

Ощущение невидимой опасности усилилось, когда кордон скрылся за поворотом. Оно витало в воздухе. Иногда начинало казаться, что стоит только сделать шаг в сторону и он вляпается во что-то смертельно опасное, потому от дороги Сергей решил не отходить. Раздолбанная, змеящаяся лента испорченного дорожного покрытия казалась теперь единственной ниточкой, что связывала его с внешним миром, и он рефлекторно цеплялся за эту связь, хоть и понимал, что это не умно.

С той стороны кордона ему много раз представлялось, как он сам сходит в Зону. Причем не потопчется с краю, где те же слепые собаки и мелкие неприятные аномалии, что встречаются и по ту сторону кордона, а пройдет глубже, чтобы оценить, насколько верно все то, о чем болтают. И идея эта виделась такой заманчивой...

Сейчас же, когда задумка воплотилась в жизнь, ничего притягательного в ней не осталось. Создавалось впечатление, что на него все время кто-то смотрит. Изучающе, недобро.

«Большой брат следит за тобой», — припомнилось некстати не то где-то прочитанное, не то подсмотренное в кино. Больше всего ему хотелось сейчас развернуться на сто восемьдесят градусов и бодрым шагом вернуться обратно.

Карташов встряхнулся, отгоняя ненужные мысли. Ничего страшного. Ему же не в Припять топтать и не на ЧАЭС. Всего-то и надо, что найти какое-нибудь местечко, где тусуются местные завсегдатаи и подыскать нужного человека. Вот человек хорошо бы был такой, чтоб везде побывал и все знал в деталях. А самому все знать не обязательно. Как в том анекдоте про Вовочку на встрече выпускников: «Вова, а ты кем стал?» «Генералом». «Как генералом? Ты же в школе ни черта не знал». «Да я и сейчас ни хрена не знаю, но чтоб к утру все было сделано!»

Шутка ни разу не позабавила. Наоборот, старлей почувствовал, что нагоняет на себя бодрость, которой нет, а на самом деле его слегка лихорадит.

— Спокойно, — пробормотал вслух. — Спокойно.

Не боится только дурак, либо профессионал. Любая храбрость может иметь всего лишь одну из трех причин. Или человек не осознает степень опасности и не боится, потому что не понял, чего надо бояться. Или человек все прекрасно осознает, но перебарывает свой страх. Или он знает подноготную, понимает, как с этой опасностью справиться. Тогда он не боится, потому что опасность перестает быть для него опасной.

Смелость, основанная на знании. Сергей не мог похвастаться глубоким знанием Зоны и ее обитателей. Знал он все это весьма поверхностно и большей частью в теории, но на практике оснащен был не плохо. С формой пришлось расстаться, зато гардероб обогатился бронекой военного образца. «Берилл-5М» приятно оттягивал плечи.

Снаряги и датчиков ему напихали по самое не балуй. Дозиметр, датчики аномалий, еще какая-то сложная хрень, ПДА. С последним обращаться было привычнее всего, наладонник — он и в Африке наладонник.

Кстати о наладонниках! Там же есть GPS навигатор и какие-никакие карты.

Карташов вытащил из кармана ПДА и нажал кнопку пуск. Экран замерцал холодным светом и Сергей принялся ждать, когда хитрая машинка загрузится и подгрузит приложения.

Минута, ушедшая на включение, подгрузку карт и связь со спутником, показалась вечностью. А еще отец-инженер рассказывал, как работал на компьютерах, занимавших чуть ли не целую комнату. И персоналки в историях времен папиной молодости были тупыми, как калькулятор, и любое приложение грузили по пол часа с дискет размером с тарелку или аудио кассет, магнитной пленки. Как люди вообще умудрялись жить с такими гаджетами, было непонятно.

ПДА наконец заработал в режиме навигатора и в непосредственной близости засветились яркие движущиеся точки. Не иначе люди. Пока Сергей думал, стоит ли ему встречаться со сталкерами посреди дороги, точки на экране приблизились, а запеленгованных людей стало видно.

Они шли вдоль дороги. Двое по одной обочине, трое по другой. Черные, сливающиеся с пейзажем, фигуры. Вооруженные не лучшим образом, но вооруженные. А пятеро с оружием, это не хухры-мухры.

Карташов реально оценил свои шансы. Бежать не хотелось. Бегать вообще не лучшая идея, даже по ту сторону кордона этот вид спорта не практиковался. Хотя там ничего особенно страшного не встречалось. Идти на конфликт с пятью вооруженными мужиками было еще глупее. Он не Терминатор, не Брюс Ли, не Рембо и не прочие герои фильмов, в изобилии наштампованных на рубеже веков. Это в кино толпа разгоряченных мужиков выстроится в очередь и будет ждать, пока герой разомнется и уделит время каждому, чтобы прикончить. В жизни все проще. Убьют и все. И никакая подготовка не поможет. Кто уверен в обратном — либо наивен, либо самоуверен сверх меры. Что остается?

Сергей убрал руку с «калаша» и прилепил на физиономию мину, подходящую для дружеской беседы. Если повезет, то обойдется миром, а может еще и поймать чего получится.

Нет, предложение, от которого нельзя отказаться, он всем пятерым конечно не сделает. Да и вряд ли среди этой пятерки есть тот, кто ему нужен, но до какого-нибудь сталкерского значного места пройти с этими ребятами можно. Ведь могут же они его за небольшую плату проводить до местного кабака.

— Эй! — окликнул тот, что шел впереди.

Сергей миролюбиво кивнул.

— Чего балдой трясешь? — громила, что шел впереди других, видимо был за старшего, но, как и его собратья, особой печатью интеллекта на челе не отличался. — Клешни задери, дурила, и ствол на землю.

Карташов напрягся. Мысли о том, что с кем-то из этих жлобов можно договориться, мгновенно улетучились. Головорезы подходили ближе. Время шло. Надо было что-то решать.

Сохраняя умиротворенный вид и продолжая улыбаться, Сергей стрельнул по сторонам глазами. Справа от дороги, чуть в стороне громоздилась куча бетонных плит. И ему до той кучи было ближе, чем гопстопщикам.

— Глухой что ли? — подал голос еще один гориллообразный. Вот значит как оно. За периметром послушать этих говнюков, так они все благородные охотники за удачей, а здесь, внутри Зоны, выходит все иначе. Обычные бандюки. Гопота немытая.

— Вы уточните, чего мне делать, — крикнул Сергей, чувствуя подступающую злость. — А то оружие на землю, когда клешни кверху, никак не получится.

— Умный, да? — вмешался третий, и Карташов кишками почувствовал, как внутри обреза начинается движение, раскручивается, вырывается и, преодолев разделяющее их пространство, разорвав плоть, заканчивается уже в его брюхе.

«Нет, что вы, такое же быдло, как и вы», — мелькнуло в голове, но вслух Сергей ничего не сказал. Резко вскинув автомат, он припал на колено, дал короткую очередь и перекатом кувырнулся с дороги на обочину. В ответ раздались злые выстрелы.

Карташов скачками помчался к бетонным плитам. Присел, перевел дыхание. Дал очередь из-за угла и аккуратно высунул нос. В поле зрения обнаружились трое,

пригнувшиеся к земле. Четвертого Сергей заметил поздно. Он присел в траве на обочине. Именно четвертый первым шарахнул в Карташова.

Старлей отпрянул. Ситуация выходила паршивая. Все же придется играть в супермена, а эти игры добром не кончаются. Он дал очередь вслепую, качнулся в сторону, ловя по памяти цель, и снова нажал на спуск.

Особо активный четвертый оказался ближе, чем предполагал Сергей, но это его не спасло. Тело перестроилось на рефлексам, и четвертый повалился на землю с истошным воплем.

«Не убил, но зацепил», — мелькнуло в голове, — «Только где же пятый?»

Это была последняя мысль. Сзади что-то сильно ударило в затылок, и Карташов повалился на землю.

* * *

Сознание, если и оставило, то вернулось практически мгновенно. Мир перед глазами размылся и помутнел, трещала голова и мутило, как с перепоею. Или как после удара прикладом.

Перед глазами появились ноги в берцах. Сергей повернулся и попытался встать. Выходило плохо. Движения давались с трудом и с координацией были явные проблемы.

Карташова сильно пнули, возвращая на землю, дернули за шкурку и потащили в сторону дороги. Сергей не сопротивлялся. Сил не было. только почувствовал, как тело волочится не по грязи, а уже по асфальту.

Осмыслить все это он не успел. Очередной пинок отправил старлея в горизонтальное положение.

Гопстопщики стояли уже здесь, обступили полукругом. Теперь на Сергея смотрели четыре ствола. Два средней паршивости автомата и два обреза. Впрочем, качество оружия оптимизма не вселяло. С такого расстояния, даже если один из этих охламонов окажется косой, второй слепой, а еще у двоих патроны заклинит, хоть кто-то да попадет. А разок из обреза в живот схлопотать, дело, мягко говоря, не самое приятное.

— Подъем, пидрила, — рыкнул злой голос главаря.

Карташов с трудом встал, его шатало, словно пьяного.

Тот, что был за главного, подошел ближе. Дальше все должно было идти по разработанной еще наверное в каменном веке схеме. Его обезоружат, обшарят карманы, заберут все его добро и поделят между собой по им одним ведомому принципу. А старшего лейтенанта Карташова либо отпустят с миром, либо положат тут же одним выстрелом. А то и без стрельбы обойдутся. Зачем патроны тратить? Даже скорее без стрельбы. Одного-то он подстрелил, а такое не прощают. Порежут на бретельки и бросят медленно умирать.

Главный бандюган выхватил нож, подтверждая жизнеспособность того, что старлей представил себе во всех подробностях, и в этот момент хлопнуло, разрушая стройную канву плана гоп-стопа.

Лицо второго бандита, того, что в самом начале усомнился в его способности слышать, вспыхнуло красным пятном. И несчастный гопник повалился на землю с прострелянной головой.

Карташов сообразил это задним числом, как и то, что произошло следом. А происходило все мгновенно, потому как у гопников с реакцией видимо было лучше, чем у получившего по башке прикладом старшего лейтенанта.

Главарь схватил Сергея за плечо, перехватил за запястье. Карташова развернуло. Задранную руку дернуло вниз и заломило за спину. В горло уперлось хорошо заточенное лезвие.

«Не кишки пустят, так глотку перережут», — отрешенно подумал старший лейтенант. Голову словно затуманило, или скорее даже заморозило. Все происходящее вокруг воспринималось почему-то как что-то далекое и случившееся не с ним. Будто Сергей подремывал в темноте кинозала, наблюдая за всем этим на экране.

Главарь прижал нож к Сергеевой глотке, прикрываясь старлеем, как живым щитом, принялся всматриваться в ближние кусты. Оставшиеся двое тоже водили жалами по окрестному пейзажу. Но растительность вдоль дороги здесь была довольно густой и от обочины вправо и влево уходили пусть невысокие, но уклоны вверх.

Не самая лучшая позиция при таком раскладе.

Лезвие ножа резче вжалось в горло, норовя вспороть кожу и пустить кровь.

— Это твой? — зашипел главарь в самое ухо. — Колись, гандон, а то прирежу.

— Я был один, — честно ответил Сергей.

— Эй! — рывкнул главарь кустам, растущим на склоне. — Какого хрена? Этот фраер — не твоя забота. Мы сами разберемся, а ты иди куда шел.

Вместо ответа хлопнул второй выстрел. Карташов приготовился уже поглядеть, как грохнется на землю очередной труп с развороченной головой, но невидимый «Ворошиловский стрелок» сбойнул и второго трупа не вышло. Только тот бандит, что стоял теперь рядом с главарем, прикрывающимся Сергеем, дернулся и с завыванием запрыгал на месте. Умышленно ли, или нечаянно, а только невидимый снайпер мазнул. Пуля пролетела скользком, рванув бандюку ухо.

Продолжая орать, покалеченный подхватил автомат и принялся яростно поливать кусты. Подчиняясь возникшей истерии, другой гопстопщик поддержал товарища огнем. Мир вокруг заполнился какофонией. Грохотали выстрелы, трескали поливаемые свинцом заросли, орал дурень с отстреленным ухом.

В общий гвалт вклинивались перекрывающие весь остальной шум одиночные — у главного, хотя он и оказался самым выдержанным из всей компании, тоже сдали нервы. Неприятное давление на горло отступило. Главарь отбросил нож и взялся за автомат. Сергей чувствовал, что его теперь почти ничто не удерживает. Хоть руку и выворачивало за спину, но внимания ему уделялось минимум, и сейчас он вполне мог справиться со старшим бандюком. Мог бы, если бы его все еще не штормило. Да и возникал вопрос: «А что дальше?» И пока ответа не было, Карташов не торопился что-то делать.

Стрельбище на самом деле продолжалось считанные секунды. После тихого в сравнении со всем остальным шумом выстрела количество треска заметно уменьшилось, следующим выстрелом скосило бандюка с драным ухом. На этот раз пуля легла как надо.

А потом все стихло, и старлей понял, что в этой дикой пугающей тишине остался только он, выворачивающий ему руку главарь и невидимый стрелок. Беглого взгляда на дорогу хватило, чтобы понять — трое из пяти больше никогда никого не разведут ни на хабар, ни даже на самый заваливающий мобильник. Они вообще больше никогда ничего не. Четвертый, которого снял Сергей, не то помер, не то отключился.

Карташов имел довольно крепкие нервы и приспособленный желудок, не реагирующий даже на созерцание вскрытия в анатомичке, но вид трех мертвых мужиков с разmozженными головами заставил что-то внутри неприятно всколыхнуться.

— Стой, падла! — рывкнуло в самое ухо, возвращая Сергея к реальности.

Старлей рефлекторно дернулся, но быстро сообразил, что кричат не ему. Разогревшееся дуло автомата ткнулось снизу в челюсть, словно пытаясь досверлиться до мозгов.

— Стоять, мля! — в голосе главаря появилась визгливая нотка. — Или я его пристрелю на хрен.

Карташов поглядел на склон. Там среди кустов замерла фигура в камуфляже. Невысокий сухонький мужичок стоял среди покошенных автоматным огнем кустов и держал на прицеле не то Сергея, не то спрятавшегося за его спиной гопстопщика.

В руках у мужика была допотопная трехлинейка. Мосинский карабин с прикрученной оптикой выглядел устрашающе древним, но в эффективности этого образца сомневаться не приходилось, как и в том, что обращаться с винтовкой мужичок умеет.

— Нажмешь на спуск и тебе крышка, — сказал мужичок с мосинкой хриплым подпитым голосом. Тихо сказал, но эти тихие слова впечатались в мозг не хуже генеральского рыка на плацу.

Оставшийся в одиночестве гопстопщик задергался. Сергей спиной чувствовал его сомнения и метания. Даже если человек хорошо себя контролирует и на лице у него ничего не написано, мышечные сокращения сдадут с потрохами. А уловить эти подергивания, когда к тебе прижимаются, как к девке, было не сложно.

Гопник сомневался и явно жалел, что сунулся к этой безобидной, казалось бы, добыче. Но, снявши голову, о волосах не плачут. Надо было как-то выкручиваться.

— Опустит ствол, — едва сдерживая истеричные нотки в голосе, крикнул он.

— Перебьешься, — хрипло ответил мужичок.

— Чего ты, мать твою, хочешь? — у бандита окончательно сдали нервы, и он завизжал высоко, по-бабьи.

— Ничего, — сухощавый мужик с мосинкой был все так же тих и спокоен. И палец его покоился на спусковой скобе. И во всем этом было столько взвешенности, что нервничать начал бы кто угодно.

Прикрывающийся Сергеем бандюган именно этим сейчас и занимался. Карташов подумал, что если мужичок с мосинкой не перестанет действовать тому на нервы, то финала этого эпизода старший лейтенант уже не увидит. От этой мысли ощущение отстраненности и восприятие происходящего, как подремывание в кинозале, пропали, будто их и не было. Сердце застучало часто-часто, словно пыталось нагнать упущенное, спина стала влажной, ладони липкими, и Карташов понял, что и сам начинает нервничать не хуже прижавшегося сзади гопстопщика.

— Отпусти парня и уходи, — все так же тихо сказал мужичок с мосинкой.

— А... — начал было бандит.

— Свое можешь забрать, — разрешил мужичок. — Стрелять не буду. Только уходи сейчас, а то передумаю.

Последнее слово было сказано. Стоящий сзади понял это не хуже, чем Сергей. Карташов понял это по тому, как напрягся глава упокоившейся шайки. Рука, упиравшая автомат дулом в Сергееву челюсть, заметно дрогнула.

Время стало липким и тягучим, как струйка пота, ползущая между лопаток. Только заходило неистово сердце. Наконец в не обремененной лишними мыслями голове созрело решение, и Карташов почувствовал, как перестает упираться в челюсть горячий металл. Затем ослабла хватка на руке и жаркое тело обгадившегося с перепугу гопника отпрянуло в сторону.

Сергей с облегчением выдохнул, откашлялся и, потирая запястье, повернулся. Бандит пятился назад, глядя мимо старлея.

— Ты обещал, — напомнил он зачем-то.

Карташов ждал, что он обернется и побежит, но тот лишь повернулся в пол оборота и продолжил пятиться.

Сзади зашуршали шаги. Карташов снова обернулся, следить за двумя потенциально опасными незнакомцами одновременно при том, что они находились с противоположных от него сторон, было крайне неудобно.

Мужичок опустил трехлинейку и шурша палыми листьями скатился вниз по склону. Сергей только сейчас смог его разглядеть. Сухощавый, немолодой, лет сорока пяти. Помятый, словно страдающий от тяжелого похмелья. Когда он подошел ближе, Карташов понял, что предположение его было не сильно далеко от истины. От мужика пахло такой волной перекишлого выхлопа, что старлей чуть снова не закашлялся.

— Кирай, — кивнул мужичок.

— Что? — не понял Карташов.

— Зовут меня Кирай, — пояснил мужичок.

Его пошатывало. Хотя если судить по запаху, то сегодня он не пил. Скорее пил несколько недель перед этим.

— Сергей, — представился старлей.

Он только теперь сообразил, что штормило Кирая не от выпивки. Левое плечо его темнело мокрым. Кирай между тем присел на корточки и принялся ковыряться в ране.

— А, сука, — пробормотал он, шипя от боли. — Зацепил-таки. Чего смотришь? Аптечка есть?

Последняя реплика была обращена к Карташову, и тот насколько мог спешно полез в рюкзак. Голова болела, тошнило. Мысли путались. За пятнадцать минут произошло слишком много, чтобы воспринять это спокойно. И сотрясение он, судя по всему, словил. А ведь еще и в Зону-то толком не зашел. Да, надо признать, через кордон все выглядело несколько иначе. А тут четыре трупа, гоп-стоп, запойный снайпер с допотопной винтовкой...

Щелкнул затвор. Сергей мигом обернулся на своего спасителя, который запросто мог оказаться и не спасителем вовсе. Кирай присел на колено, вскинул карабин и с неспешной обстоятельностью вылавливал в трубку прицела ушедшего уже на приличное расстояние бандюка.

— Ты же обещал, — начал было Сергей.

Хлопнул выстрел. Карташов метнул взгляд на почти скрывшегося из вида гопстопщика. Тот не успел уйти, кулем оседал на землю. Кирай опустил винтовку.

— Я сказал, что могу передумать, — бросил он. — Ты там долго возиться будешь? Анальгетик какой-нибудь есть?

Сергей встрепенулся и полез в рюкзак. Из раскуроченной уже аптечки выудил шприц и пачку ампул. Хрустнуло стекло свернутой головки ампулы. Шприц нырнул внутрь, медленно начал наполняться.

Кирай смотрел за старлеем с безгливой жалостью.

— Господи, зачем ты наплодил столько идиотов, — патетически изрек он. — Спасает от пятерых кретинов одного, а он такой же придурок.

Карташов хотел послать мужичка на хрен, но отметив, как ходят ходуном руки и как неловки его движения, передумал. Прав Кирай, паршиво сейчас товарищ старший лейтенант смотрится. Разволновался, как баба, и позорит честь мундира. Впрочем, на честь мундира наплевать, об этом пусть Андрюха Берденко думает. Это для него важно. А Сергею важно найти проводника. И Кирай выглядел весьма привлекательной кандидатурой. Вот только проверить его как-то надо.

Старлей чуть вдавил поршень, выпуская из шприца воздух. Подошел ближе и попытался отстранить руку Кирая, чтобы посмотреть на рану. Тот не дал. Только выдернул шприц из руки.

— Дай сюда.

Сергей не стал сопротивляться и выпустил шприц из рук. Пластиковая трубка с поршнем и иглой вывернулась из пальцев и шлепнулась на дорогу. Кирай чертыхнулся.

— Безрукий, — пробурчал под нос. Кого он имел в виду, себя или его, Сергей так и не понял, так как шприц выронили, можно сказать, совместными усилиями.

— Промыть надо, — предложил Сергей, глядя на рану и на мужичка, который всадил иглу в тело и неторопливо, с той же обстоятельностью, с какой только что отстреливал людей, давил на поршень.

— Не надо, — отмахнулся Кирай. — Это ж пуля, а не нож. Там и без твоих подмываний все обожгло. Бинтовать умеешь?

Сергей кивнул, пропустив мимо ушей сомнительные пассажи на тему прижиганий.

— Бинтуй. Если так приспичило, можешь перекиси плеснуть. Хотя мне бы сейчас чего другого плеснуть. Бидон трещит жутко.

— Давление? — предположил Карташов, щедро плеснув на рану перекисью и начав перебинтовывать рану.

— Давление, — передразнил Кирай. — Я что, похож на пенсионерку? Похмелье. Во рту ка-ка, голова бо-бо, денежки тю-тю. У тебя выпить нет?

Сергей покачал головой.

— Боже, зачем ты наплодил столько идиотов? Как же ты... Как тебя?

— Сергей, — процедил сквозь зубы Карташов.

— Как же ты живешь, Серега, если у тебя выпить ничего нет?

— А сам? Ходячие «Вина, воды» что ли? — огрызнулся старлей.

— Так я не живу, я подыхаю, — с вселенской тоской в голосе отозвался Кирий.
Карташов кончил бинтовать, рванул край бинта, делая импровизированные тесемки.
— А зачем ты меня спасал, если я идиот?
— Я не тебя спасал, — буркнул Кирий. — Я ублюдков отстреливал. Это разница.
— Ты, значит, не ублюдок?
— Я честный бродяга, — кивнул Кирий. — Я такими вещами не занимаюсь. Сталкеры такими вещами не занимаются. Это только мусор всякий «гоп-стоп, мы подошли из-за угла». И когда видишь человека и подозреваешь в нем бандюка, сделать ничего не можешь, потому что какие твои доказательства. А когда доказательства вот они, грех не облагодетельствовать человечество. И не избавить шесть с хреном миллиардов добрых самаритян от парочки мразей.

Старлей затянул импровизированные тесемки на бантик, поднялся на ноги и принялся паковать рюкзак. Кирий тоже поднялся. Только в отличие от Карташова внимание уделил не своим вещам, а принялся выворачивать карманы трупов.

«Честный бродяга, значит», — подумал про себя Сергей, — «Нет, к черту этого Кирия. Может он и полезен в качестве проводника, но слишком своенравный и непредсказуемый. К тому же хам».

— А говорят, талант не пропьешь, — загундел вдруг Кирий. — Не пропьешь! Как же! Это ж надо так промазать было.

«К тому же алкаш», — мелькнуло в голове.

Сергей закинул на плечо рюкзак, подхватил автомат и собрался идти.

— Ты куда? — одернул пропитой голос, не успел Карташов сделать и двух шагов.

— По делам.

— Меня проводишь, потом по делам, — безапеляционно заявил Кирий.

От такой наглости Сергей застыл на месте с открытым ртом.

— С хрена ли? — выдавил он наконец.

— Я один могу не дойти. Штормит меня мальчика. Не дай бог отключусь по дороге, а так ты меня, если что, в чувства приведешь.

— У меня дела, — сухо произнес Карташов.

— Подождут твои дела, — Кирий перехватил мосинку поудобнее. — Я тебе между прочим жизнь спас, подставился из-за тебя. А тебе жалко со мной чуть-чуть прогуляться.

Сергей поглядел на трехлинейку в руке сталкера. Жизнь спас — это, положим, не аргумент. Сам ведь сказал, что не его спасал. Другое дело — винтовка. Это уже серьезно. Особенно если знать, как этот пропойца, не смотря на пропитый талант, с ней обращается. И хрен его знает, чего у этого синяка в голове переключит. А ему, как ни крути, придется идти какое-то время спиной к этому...

Сергей прикусил губу. Можно конечно пристрелить алкаша, но это было бы слишком даже для него с его прагматичным подходом ко всему.

— Куда идти? — кисло посмотрел на синяка Карташов.

— Господи, ну зачем? — закатил к небесам глаза Кирий и поглядел на старлея, будто видел его впервые в жизни. — Домой, куда ж еще?

12

Домом оказалась землянка весьма странного вида. При взгляде на нее казалось, что здесь когда-то стоял дом, а все что от него осталось — подвал — стало берлогой Кирия. Возможно так оно и было, но спрашивать Сергей не стал.

Он устал. Дорога вымотала окончательно. Не смотря на заверения, что все рядом, шли они часов шесть, если не больше. То есть расстояние-то вроде было небольшим и в обычной жизни Сергей промахнул бы его по прямой за час. Но по прямой, как выразился сталкер, здесь не ходили. И вообще самая короткая дорога обычно на тот свет.

Так это было на самом деле, или Кирий стучал краски и пытался произвести впечатление, но петляли они долго и нудно. Правда ни разу ни во что не вляпались.

Пару раз у Карташова начинал верещать датчик аномалий. Сергей дергался, а его спутник издевался и поминал всеу господу, который раз выпрашивая, за что ему такое счастье. Сакраментальных вопросов, как подсчитал старлей, у Киряя было всего три: Зачем господь наплодил идиотов? Почему они так хитро расставлены, что попадаются на каждом шагу? И за какие прегрешения все эти идиоты путаются под ногами не у кого-нибудь, а у несчастного забулдыги бывшего снайпера.

Однажды вдалеке показались корявые фигуры. Вроде бы человеческие, но в совершенно животных позах. Они двигались неторопливо на четырех конечностях, потряхивая хоботками напыленных зачем-то противогазов. Фигурки было две, и хотя Сергей никогда не видел их раньше в живую, а сейчас наблюдал с очень большого расстояния, он узнал снайперов. Их, как и некоторых других мутировавших тварей показывали в учебных фильмах. Тогда все эти мутанты вызвали брезгливое чувство и желание стрелять. Сейчас брезгливости не было, но рука сама потянулась к «калашу», который некоторое время безвольно болтался на ремне.

— Не надо, — остановил Киряй.

— Эти не тронут. Я их знаю, они живут рядом.

Сергей поглядел на «бывшего снайпера», как на умалишенного, но спорить не стал. Снайперы между тем и вправду не тронули. Может просто не заметили.

Киряя штормило. Лицо его, и без того выглядевшее довольно паршиво, побледнело и осунулось, хотя казалось бы дальше некуда. Раненую руку он с трудом устроил на перевязь, хоть и жутко по этому поводу злился.

Пару раз, Карташову казалось, что сталкер и в самом деле сейчас завалится без сознания, но тот каким-то невероятным усилием воли продолжал идти. Когда же они наконец вышли к землянке, Сергей и сам уже мечтал только об одном — лечь и чтоб его не трогали.

— Пришли, слава тебе господи, — сообщил Киряй и полез в темный провал входа.

Внутри обнаружилось весьма просторное помещение, в котором, как ни странно, был даже свет. Дальний правый угол комнаты оказался завален коробками. Рядом громоздились здоровенные бутылки для кулера. Сам агрегат устроился тут же. В дальнем левом рядком лежали один к другому деревянные ящики. На них сверху был водружен старый матрас, поверх которого валялось скомканное одеяло в серые и грязно-зеленые клеточки.

Киряй добрался до ящиков, сел, повозился и, с трудом заноса раненую руку, улегся-таки на матрас.

— Там в углу консервы какие-то и лапшичка, — голос сталкера звучал совсем вяло.

— Какая лапшичка? — не понял Сергей.

— Макароны растворимые, — непонятно объяснил Киряй. — Раньше были популярны. Разводятся водой, размокают и можно жрать. Там еще вкус и запах в пакетике прилагается. Воду тоже найдешь.

Карташов прошел к кулеру, поковырял коробки. Пакетики с яичной лапшой быстрого приготовления нашлись в немислимых количествах. Старлей взял один в руки и повертел, изучая.

— Слушай, Киряй, так они же просрочены.

— Чему там портиться? — фыркнул сталкер. — Ну не хочешь, ходи голодным.

— А сам?

— Мне бы выпить, — донеслось с койки хриплое.

Сергей продолжил осмотр ящиков, но ничего кроме просроченной лапши и консервных банок, на которых не было ни этикеток, ни чеканки с датой производства и сроком годности. Что находилось внутри и как давно оно там находилось ведал по всей вероятности только господь бог, которого в очередной раз поминал Киряй.

— Я смотрю, у тебя тут склад.

— Внизу под консервами патроны, — поделился сталкер.

— А чего ж ты тогда бухлом не запасся? — поинтересовался Сергей.

— Чтоб не спиться на хрен.

Из уст синяка это звучало настолько странно, что Карташов оторвался от коробок и посмотрел на бывшего снайпера круглыми, как у филина, глазами.

— Чего зыришь? — недовольно буркнул тот. — Хуже нет, бухло дома держать. Надрался, проснулся, а оно тут — только руку протяни. Протянешь руку и опять по кругу. А я, сука, запасливый, так что мне бухло дома держать нельзя. Иначе так и буду пить пока не сдохну. А так, встанешь, выйдешь на свежий воздух. Пока дойдешь, пока найдешь, пока купишь. Целая история. Иногда еще по дороге во что вляпаешься. Вот как сегодня с вами идиотами, прости господи.

Он неудачно повернулся, дернулся и схватился за больную руку. Заскулил сквозь зубы.

— Перевязать надо, — сказал Карташов, глядя на ставшую белее бумаги физиономию с больными глазами.

— На хрен, — отмахнулся Кирий. — Спать надо. Посплю, и легче станет. Ты там, если что, на полу ложись.

И сталкер прикрыл глаза. Сергей спорить не стал. Ни сил, ни желания не было. Он раздербанил рюкзак, выудил из его недр спальник и раскатал его прямо возле кулера и коробок.

Желаний и планов, которые строил еще с утра, не было. Вернее желание было только одно, чтобы все это побыстрее закончилось.

— Слыш, Кирий, — позвал старлей.

— Чего надо? — пробурчал тот.

— А ты Зону насколько хорошо знаешь?

— Я? Я Картографа карты рисовать учил.

Сергей не стал уточнять, кто такой Картограф, спросил только:

— За работу проводника возьмешься?

— Кого провожать надо?

— Потом расскажу, — не стал вдаваться в подробности Сергей. — Но заплатят столько, что сможешь свой бар здесь открыть. Поближе к дому, чтоб не спиться и далеко не ходить.

— Кому он тут нужен кроме меня, в такой-то заднице? — фыркнул Кирий. — Я посплю и подумаю. А потом мне полегчает, сходим за водкой, и я провожу кого угодно куда надо. Хоть тебя к папе римскому, хоть папу римского к господу богу.

Сергей разулся, втиснулся в спальник и вжикнул молнией. Все же все складывалось удачно.

Когда он проснулся, было темно. Свет не горел, видимо Кирий вставал и выходил куда-то по нужде. А может просто решил экономить дармовую электроэнергию. Сергей глянул на часы. Фосфоресцирующий циферблат показывал, что сейчас двенадцать. Интересно только дня или ночи?

Карташов вылез из спальника, натянул ботинки и поднялся наверх. Снаружи была ночь. Ночная зона жила своей жутковатой и, судя по звукам, весьма активной жизнью. Старлей только приоткрыл дверь и высунул нос на свежий воздух. Выходить побоялся. Да и не хотелось. Снаружи поддувал противный ветерок и накрапывал дождик.

Постояв с пару минут и привыкая к темноте и пугающему звуковому оформлению, которого на кордоне слышно не было, Сергей прикрыл дверь, подпер ее, как и было, бревном, стоящим рядом у стены, и спустился в подвал. Вот только дежурную лампочку наверху выключать не стал. Лежать в кромешной тьме ему не нравилось.

Внизу свет включать не стал. Только подошел к лежащему на заматрашенных ящиках Кирию. Тот кажется спал, но сон его был беспокойным. Сергей наклонился и пригляделся. Сталкера лихорадило. На лбу выступили крупные капли пота. Он и в самом деле спал, тяжело дыша и постанывая.

Сергей вернулся в спальник, но сон не шел. Снова заснуть получилось уже ближе к утру.

Наутро Сергею полегчало. Голова почти прошла, тошнота отступила.

А вот Киряю легче не стало. Выглядеть он стал еще хуже, хотя казалось хуже уже некуда. Его бил озноб и мутило. Вот только вчера он ничего не ел, так что организму даже очищаться было не от чего.

Карташов выудил аптечку и полез делать перевязку. Киряй сопротивляться не стал.

Под повязкой все было плохо. Плечо и часть руки пошли темными пятнами.

— Тебе в больницу надо, — сухо оценил Сергей.

— Долбанулся? — возмутился раненый. — Какая на хрен больница? Во-первых, это огнестрел. Меня из той больницы знаешь куда отправят?

Киряй задохнулся и замолчал. Сил видимо не осталось, и он смежил веки. Сергей молча вытряхнул все, что было в аптечке, и принялся колдовать над раной.

— Во-вторых, — неожиданно продолжил Киряй, — до больницы я не доберусь. Отлежаться мне надо.

— Гангрена у тебя, — тихо сказал Сергей.

— Синяк это, — хрипло произнес Киряй. — Синяк. А если ты и прав, так и хрен с ним. Значит скоро господа увижу. Он-то мне и расскажет, какого рожна вокруг меня всю жизнь одни идиоты. Он-то знает. Должен знать...

Карташов слушал хриплые бормотания и делал, что мог. А мог он немного. Да ничего он не мог, если быть откровенным.

Бывший снайпер говорил еще что-то о встрече с богом, потом начал бредить. К обеду впал в забытие. Сергей сидел над ним, как над родным, делал перевязки чаще, чем надо, понимая, что на самом деле уже и не надо. Все бессмысленно и бесполезно.

Сталкера трясло. Потом зашкаливающая температура начала падать. Киряй лежал мокрый, как мышь. Пару раз его рвало желчью, но в сознание он так и не пришел.

Кончился Киряй на третий день. Карташов проснулся и понял, что находится в одном помещении с трупом. Надсадного дыхания хозяина слышно не было. В землянке стояла гробовая тишина.

— Киряй, — позвал на всякий случай старлей.

Никто не ответил. Тогда Сергей осторожно вылез из спальника и подошел к лежанке. Киряй умер, так и не придя в сознание, или просто не пожелал видеть безобразную старуху с косой. Во всяком случае, глаза его оказались закрыты. Дыхания не было. Бледное лицо заострилось и приобрело желто-серый оттенок.

Карташов склонился над телом, на всякий случай тронул пальцем жилу на шее. Пульса не было. И, судя по всему, уже давно. По крайней мере, при более плотном контакте с трупом Сергею почудился запах тления. Или он его себе придумал, потому как учуять в душной и без того пропитанной не самыми приятными запахами комнате что-либо новое было почти невозможно. Так или иначе, надо было что-то делать. Либо уходить, либо...

Сергей морщась перевернул Киряя, подхватил тело подмышки и потащил к выходу. Труп был тяжелым и неудобным. До этого мертвяков Сергею таскать не приходилось. Правда, был случай, пришлось волохать надравшегося вусмерть товарища, который не просто не держался на ногах, а выплывал из бессознательно обмякшего состояния лишь для того, чтобы проблеваться. Ощущения от таскания того и этого тела были схожими.

Снаружи стояла по-осеннему мерзкая погода. Унылая пора и никакого очарования в ней нету, пусть школьный классик утрется. Карташов оттащил труп шагов на двадцать в сторону, сложил под облетевший, неведомо из какой лещины мутировавший куст и пошел искать лопату.

По счастью у Киряя обнаружился не только гигантский запас патронов, яичной лапши, консервов и воды для кулера, но и кое-какой инструмент.

Навыки обращения с саперной лопаткой у старлея имелись. Ямка под могилку образовалась довольно скоро. Правда неровная и неглубокая, но на глубокую лень было тратить силы и время.

Сергей стянул окоченевший уже труп в яму и поспешно забросал землей. На свежий холмик поглядел со смешанным чувством. При всем врожденном цинизме и расчетливости к покойникам и связанным с ними ритуалам он всегда относился с необъяснимым трепетом.

Здесь же могила вышла убогая. И ни креста, ни надгробья. С другой стороны, если он здесь и сейчас помрет, его и вовсе никто не закопает.

— Скажи спасибо, что такая могила есть, — сердито буркнул Карташов не то себе, не то трупу. Но посмотрел при этом не на могилу, а на низко бегущие свинцовые тучи. Где-то там, быть может, Кирай приставал с вопросами к господу богу.

У Сергея сейчас тоже нашлись бы вопросы к всевышнему. Выжить он мог при помощи Кириевских запасов легко. И не просто выжить, а прожить без особенных напрягов довольно долго. А вот на то, чтобы самостоятельно найти выход, а еще лучше найти нового проводника, требовалась божья помощь.

Старший лейтенант Сергей Карташов вдруг до холодной дрожи осознал, что он один у черта на рогах, что никого кроме него и Зоны здесь нет. И от этого осознания стало жутко.

Интерлюдия

Иногда я задумываюсь о причинах и связях. Казалось бы, все просто. Каждый человек, да не только человек — любое живое существо, живет своей в меру спокойной жизнью. У каждого есть какие-то интересы, желания, цели. Для осуществления желаний и достижения целей что-то планируется, выстраиваются какие-то схемы, совершаются какие-то шаги.

Человек, как машина, создает себе программу действия и закладывает в нее известные ему факторы риска. Он может быть очень вдумчивым, рассудительным. Он рассчитывает ситуацию до последнего шага, опирается на свой опыт и на чужой. Знает, где и каких подводных камней ждать. Кажется, при таком подходе шанс на успех не может быть меньше ста процентов. И когда схема разработана, а план претворяется в действие, вдруг появляется другой человек, который тоже что-то просчитывал. Или не просчитывал. А быть может, он планировал что-то совсем из другой области. Просто так вышло, что они оказались в одно время в одном месте. И все планы, какие бы они ни были идеальные, летят псу под хвост.

Я знаю, есть люди, которые планируют все на много шагов вперед. Но ведь никто из них не застрахован от других людей. С другими существами в этом плане все проще.

Они если и строят планы, то кратковременные. Все потому, что они живут не мечтами, а действием. Может, потому и живут они проще и счастливее.

Хотя мне трудно судить об этом. Я не силен в человеческой психологии. А других скорее чувствую, чем понимаю. Знаю только, что люди всегда пытаются объяснить все вокруг. И эти столкновения тоже.

Одни считают, что все вокруг — череда случайностей. И при этом планируют что-то на годы вперед. Мне это видится не очень последовательным. Зачем строить планы, если все случайно и все равно исход всех этих случайностей не угадаешь?

Другие считают, что все вокруг свершается по воле какого-то высшего существа. Или вселенского разума, имеющего глобальный план, которому и подчиняется все происходящее. Эти люди обычно пытаются говорить со вселенским разумом в надежде упротить его изменить свои планы относительно их персоны. И это тоже выглядит не очень умно. Если планы глобальные и все, что происходит, — детали этого плана, то высшее существо должно быть крайне неразумным, чтобы менять глобальный замысел ради каждой мелкой детальки этого замысла только на том основании, что деталька подала голос.

Возможно, я все же плохо разбираюсь в людях, жизнь моя к пониманию их не располагала, но мне кажется, что любой человек — существо непоследовательное, спорное и крайне неразумное. А те, что ставят себя выше других и претендуют на исключительную разумность, просто глупы.

Но мне трудно судить. Детство мое прошло в Зоне. И юность... Я не так много видел людей, чтобы рассуждать о них слишком серьезно. Да и не об этом я говорю, а о той череде случайностей или закономерностей, тут уж кому как нравится.

Вот если бы несколько человек в бытовых, не требующих каких-то знаковых решений ситуациях повели себя немного иначе, все могло сложиться по-другому. Возможно, и отец остался бы жив.

Я много думал об этом. Мне кажется, что критическая ситуация, в которой нужно принимать быстрое и серьезное решение, от которого зависит все, возникает тогда, когда человек уже не заметил множество простых, обыденных ситуаций, требовавших от него решений не менее серьезных, но не столь критичных.

Помню такой старый истлевший журнал, сохранившийся еще со времен первого взрыва. Я не умел читать, но его читали тогда вслух. Там было написано что-то про браконьеров... людей, ловивших и убивавших рыбу, чтобы вынуть из нее икру. Я помню опасение, звучавшее в том журнале. Опасение за рыбу. Ведь ее могут убить всю, и не будет ни рыбы, ни икры. И при этом находятся люди, которые принимают критическое решение и идут убивать эту рыбу. Они не правы. Или даже не правы именно они. Но ведь это решение родилось не само по себе. Каждый раз, принимая с утра решение съесть бутерброд с икрой, а не с колбасой, например, совершенно посторонний человек подталкивает этим незаметным шагом к возникновению ситуации, в которой будет принято то самое, критичное решение.

Мне думается, вину за то большое решение должны делить между собой и те, кто принимает решения маленькие и незаметные.

Или мой отец. Если бы он серьезнее задумывался бы о своих крохотных, незначительных решениях, может быть, у меня была бы возможность обсудить с ним это теперь. С другой стороны, подходи он иначе к решениям, меня ведь могло не быть вовсе.

Я знаю, что наивен. Пытаюсь думать о том, чего не знаю. Но мне кажется, есть какие-то общие вещи. Ведь можно не понимать частностей, но знать главное. А в главном я почти уверен.

Для полной уверенности не хватает поддержки того, чьему слову я верю. Но отца больше нет, а мать не ответит. Она никогда не говорит о таких вещах, разве что подтолкнет на мысли...

Часть вторая. Серьезный заказ

1

— Зачем?

На мгновение Мунлайту показалось, что он глядит в зеркало. Но только на мгновение. Отражение потеряло четкость, стало прозрачным. А вернее, и не имело оно никогда плотности и не было отражением, скорее тенью. Дымчатый силуэт с размытыми чертами лица стоял перед Муном и светился знакомой улыбкой. Его улыбкой!

— Чего надо? — нагло вато ответил Мунлайт, не особенно следя за манерами.

— Я говорю: зачем ты живешь? — повторил двойник.

Мун хотел сдохнуть, но язык вдруг перестал ворочаться, отяжелел и прилип к небу. Зачем он живет? А зачем живут еще шесть с лишним миллиардов: русских алкашей, безумных сынов Аллаха, зажавшихся обывателей из страны победившей долларократии, снобов из прогнившей наглухо Европы, улыбчивых неприхотливых китайцев и индусов, чернозадых аборигенов Африки, близких к природе почти так же, как макаки? Пусть хоть кто-нибудь скажет, зачем все они живут, и ему будет не трудно ответить на идиотский вопрос.

Но горло схватило спазмом, язык заиндевел, и все, что он мог, — это открывать и закрывать рот. Глупо, бесполезно, смешно.

— Зачем ты живешь? — повторил двойник. — Какая от тебя польза?

— Я животное гадливое, — ухмыльнулся-таки Мунлайт, хотя внутри все тряслось, как осина на ветру, — я почву унавоживаю.

— Зачем? — как заведенный повторил прозрачный дубликат.

И он вдруг почувствовал, что впадает в ступор. С одной стороны, хотелось ответить, причем смачно, чтоб заткнуть свою тень раз и навсегда, с другой — отвечать было бесполезно. Прозрачная дрянь спрашивала не для того, чтобы получить ответ. Ей было плевать на все ответы, она просто спрашивала Муна его же голосом, улыбаясь ему его же улыбкой в его же подковообразную бороденку. Вопрос был задан не для ответа кому-то, а для ответа себе. А себе ему ответить было нечего.

— Зачем? — снова произнес дубликат.

Голос его потерял Мунлайтовы интонации, стал механическим.

— Зачем?

— Иди к черту, — попытался отмахнуться Мун.

— Зачем?

— Отвянь!

— Зачем?

— Что зачем?

— В чем смысл твоего существования? — легко согласился уточнить прозрачный силуэт с его чертами лица.

— А твоего? — попытался перевести тему Мунлайт.

— Зачем? — Голос двойника потерял остатки человеческих ноток.

Мун сплюнул на пол и сел на койку.

— Зачем?

Он плотно заткнул ладонями уши, надеясь не услышать больше голос своей неудачной копии. Но голос проникал везде. Он существовал, кажется, сам по себе, и чтобы втиснуться в мозг, ему не нужны были органы слуха.

— Зачем тебе жить? — возникло в мозгу.

Мун грохнулся на койку лицом вниз, схватил подушку и закрыл ею голову и уши, чтобы только оградить себя от кальки сталкера Мунлайта, порожденной Зоной. Вопреки надеждам голос не пропал, он только хихикнул по-муновски гнусно и добавил:

— Ты не должен жить...

* * *

...Мунлайт дернулся и подскочил на койке. Заскорузлое, пропахшее временем и несколькими историческими эпохами одеяло сползло и валялось теперь на полу. Сердце долбило с невероятной частотой.

Мун чертыхнулся и сел, потирая виски. Прозрачного двойника он больше не видел с тех самых пор, как они с Рыжиком ходили на припять-кабана. Вживую не видел. Зато эта штука взяла моду приходить во сне. Сперва просто молча скалилась и смотрела, будто изучала. А в последнее время тень, как окрестил ее для себя Мунлайт, заимела привычку разговаривать.

При этом сны выглядели настолько ярко, что казались реальностью. Жуткой, пугающей. И он просыпался в холодном поту с зашкаливающим сердцем, долго пытаясь сообразить, где он и что произошло. А окончательно придя в себя, оставался с абсолютно испорченным настроением, тихо ругался и тер виски, словно пытаясь выдавить из головы прилипчивое видение.

Но тень была постоянна в своей навязчивости. И отшутиться или довести ее до иступления не выходило. Оставалось шутить над собой.

— «Персенчика», что ли, у Айболита попросить?

Хотя откуда у эскулапа «Персен»? Скорее, слабительного даст от врожденной вредности. При ближайшем знакомстве тихий доктор с седым ежиком коротко стриженных

волос и ветеринарным образованием оказался не таким уж тихим. Язва в нем сидела еще та. В тихом омуте черти водятся. Народ говорит. А народ зря не скажет.

Он потянулся до хруста и встал с койки. В их избенке с ветхой крышей он находился один. Снейк, видно, вышел куда-то.

Айболит был верен слову. С их появления в лагере Резаного прошло полтора месяца, а Снейк уже передвигался на своих двоих весьма уверенно. Правда, Айболит, почувствовавший себя, видимо, настоящим доктором, бурчал, что если бородатый не хочет проблем с ногами в будущем, то амбулаторное лечение должно протекать несколько дольше.

Услыхав про «амбулаторное лечение» в первый раз, Мун не сдержался и выдал ядовитый комментарий. А Снейк заржал в бороду и по-доброму послал доктора в жопу. Айболит не обиделся, только рукой махнул, мысленно, видимо, посылая двух оборотов еще дальше. Впрочем, никто никуда не пошел, а тема, всплывая еще пару раз, превращалась в пикировку, так ничем, кроме упражнения в остроумии, и не заканчивающуюся.

Вообще за шесть недель острые углы и взаимное недовольство и настороженность как-то сгладились. В лагере Резаного установилась редкая для Зоны атмосфера доверия. Мунлайт с удивлением понял, что место заточения вдруг превратилось в базу отдыха.

Здесь было тихо и спокойно. Деревенька расположилась в несильно проходном месте. С одной стороны громоздилась Припять, в которую мало кому была охота нос совать, с другой — была зона тумана, про которую в тех же «Ста рентгенах» не трепали. А если о чем-то не говорят, это может значить только одно — об этом не знают. Либо второй вариант — говорить об этом опасно. Но в таком случае все одно шепоток пойдет. Ну и еще одно соседство время от времени звучало отдаленными выстрелами. С третьей стороны находилась «Свобода». И чего там эти отмороженные пальбу устраивали, Муну было не интересно. Не суются, и слава богу.

Все же Снейк был прав, кучкование — последнее дело. Сталкер должен быть свободным, а все эти «Долги», «Свободы» и прочая дребедень со своими перегибами для тех, кто еще не способен выживать самостоятельно. Правда, большинство этому никогда и не научается, как ни верти. Но с этими все понятно.

Мунлайту же была всегда интересна психология тех, других, которые эти группировки создают. За примером далеко ходить не надо. Вот Резаный. На кой ему понадобилось все это? Он ведь самодостаточен. Это как раз тот человек, который сам выживет где угодно. Так что в кучки сбиваться с другими, чтоб стать сильнее, ему не нужно. И на спасителя молодых желторотых он не похож. Тогда чего ради? Амбиции?

Можно было спросить напрямую, но он решил к Резаному с этим вопросом не соваться. Он вообще к нему не лез после той истории с кабаном дней пять. И главарь группировки тоже оставил Муна в покое, как и обещал. Впрочем, покой этот он обещал на неделю, а потом...

При мысли о том, что ему снова придется охотиться, Мунлайта передергивало, да и без дела сидеть надоело. Потому, не дожидаясь конца недели, он пошел к Резаному и попросил оружие, сказав, что хочет прогуляться. На всякий случай добавил, что сделать это хочет один. Резаный поколебался, но уступил.

Прогулка удалась. В лагерь Резаного Мун вернулся на другой день с тремя «грави». Добычу делить он не стал, а сдал главарю со вспоротой щекой весь хабар гуртом. Не ждавший такого поворота Резаный растерял всю свою серьезность, как тогда, когда стреляли по баночкам, и на радостях не только разрешил Муну со Снейком и дальше жрать на халяву, но и автомат, с которым седой прогуливался за артефактами, велел оставить. Еще бы! Стоимость артефактов покрывала все, что они могли съесть, даже если б принялись жрать круглые сутки без сна и отдыха.

Трансформация постояльцев в дорогих гостей произошла так же молниеносно и спонтанно, как и смена статуса заключенных на статус постояльцев.

Снейк, увидавший седого приятеля при оружии, затосковал. Лежачий образ жизни он переживал крайне тяжело. Единственную отраду привязанного к койке бородатого звали

Егор. Он прибежал к их избенке каждое утро, но не входил, ждал, когда Мунлайт уйдет. Боялся его, что ли?

Стоило Муну выйти, как мальчонка нырнул внутрь, и уже через несколько секунд изнутри слышались довольные голоса: тонкий детский Егора и тяжелый бас «дяди Змея».

Мунлайт хотел понаблюдать за ними, но не выходило. Стоило только ему вернуться, как мальчонка здоровался, прощался и убегал. Отметив это, Мун стал приходить ближе к ночи.

Накануне он вернулся особенно поздно, когда малец, не дожидаясь внешнего раздражителя, сам отправился к матери.

— Ты как? — спросил он у бородатого.

— Завтра? — уточнил Снейк.

Мун кивнул, хотя всем все было понятно и без слов.

А потом ему всю ночь снилась тень, и проснулся он настолько поздно, что Снейка рядом уже не было.

Бородатый нашелся быстро. Снаружи. Рядом с ним привычно крутился Егор. В руке у паренька был зажат здоровенный нож. Снейк стоял над мальчишкой с видом наставника и что-то тихо, так чтобы слышно было только Егору, быстро наговаривал. Мелкий кивал с усердием китайского болвана. Потом взвесил на ладони нож, резко выбросил вперед руку.

Нож сорвался с руки, пролетел небольшое расстояние и с глухим стуком вмазался в растущее рядом дерево. Многострадальный ствол несчастного растения лохматился в том месте, куда попал Егор, содранной корой.

Впрочем, «попал» — это сильно сказано. Клинок задел ствол самым краешком, зацепился было, но под тяжестью рукояти отвалился и шлепнулся вниз. Снейк расстроено покачал головой. Его юный ученик с досадой вздохнул и побежал к дереву за валяющимся в траве ножом.

— Ты чему ребенка учишь? — ухмыльнулся Мунлайт. Лучше б читать научил.

Мальчонка тем временем подобрал нож, дернулся назад, но, увидев Мунлайта притормозил, встал возле дерева и принялся ковырять и без того изувеченный ствол.

— Я б его много чему научил, — задумчиво проговорил Снейк. — Жаль, времени нет. Отец мальчишке нужен.

— Опять намеки? — приподнял бровь Мун.

— Я обратил внимание, — не слыша его, продолжил Снейк, — здесь им никто не занимается. Ни Резаный, ни бойцы его. Вот как ты.

Бородатый резко повернулся к Муну и посмотрел на него.

— Что я? — Голос Мунлайта стал неприятным. — Опять в сваху играешь?

— Да я вообще не о том, — расстроился Снейк. — Хотя ты ей нравишься. Может, потому, что ты на ее мужа похож.

— А ты на него не похож? — ядовито поинтересовался Мун.

— Еретик, — оставив попытки что-либо объяснить, отмахнулся Снейк.

— Само такое. Я, может, и похож на ее мужа, но на отца я точно не похож. Он меня боится. — Седой кивнул на мальчишку.

Снейк только головой покачал.

— Не боится, уважает.

— А чего тогда не подходит?

— Мужчины разговаривают, мальчишка не мешает, — спокойно объяснил Снейк.

Мунлайт поглядел на приятеля без обычной издевки, вот только бородатый этого не заметил.

— Это ты его научил?

— Я, — кивнул тот.

— И что ты еще после этого хочешь мне доказать? — расхохотался Мунлайт.

— Да я вообще не знаю, зачем с тобой, дураком, разговариваю, — разозлился Снейк. И резко отвернулся.

Мун поглядел в богатырскую спину. Со спины бородатый еще больше походил на викинга. Викинг этот всегда был обидчивым, но обычно обиду тщательно скрывал, а тут, видимо, крепко задело. Или за живое.

Внутри что-то всколыхнулось. Он тихо подошел к бородатому и хлопнул ладонью по плечу.

— Глупо об этом говорить, — тихо и серьезно произнес Мунлайт. — Мы все равно уходим. А они остаются и живут здесь.

— Это меня и пугает, — глухо отозвался Снейк.

— Сам говорил, что живут везде.

— Говорил, — согласился Снейк.

Голос бородатого дрогнул, он так и не повернулся. Мунлайт тихонько похлопал по плечу и пошел прочь. Поравнявшись с деревом, поманил Егора. Мальчишка послушно, хоть и с опаской, подошел ближе.

Мунлайт опустил перед пареньком на корточки и вытащил свой нож. Тускло блеснуло отточенное лезвие. У мальчишки при виде ножа заблестели глаза. Мун ухмыльнулся.

— Нравится?

Егор молча кивнул. Сталкер взвесил клинок на ладони, подбросил легонько. Нож крутанулся в воздухе и стремительно полетел вниз, но упасть не успел. Пальцы ловко перехватили за лезвие. Мун протянул нож пареньку.

— Держи, Георгий Победоносец. На память. Дядя Змей хороший человек, но нож у него дерьмовый.

Он вдруг поймал себя на том, что впервые назвал Снейка Змеем. И вышло это как-то само собой. Легко вышло.

— Дядя Мун, — потянул за рукав осмелевший вдруг Егор. — А почему вас Мунлайтом зовут?

— Так называли, — улыбнулся тот.

— А правду говорят, что вас так называли, потому что у вас голова белая?

Седой поперхнулся от неожиданности и закашлялся. Мальчонка стоял рядом, держа в каждой руке по ножу, и смотрел пристально, выжидая ответа.

— А кто говорит? — полюбопытствовал Мунлайт.

— Рыжик, — тепло заулыбался пацан.

Мун отметил, что Рыжик титула «дядя» не удостоился и тоже заулыбался.

— Ну, если Рыжик так сказал, значит, правда. Беги. Парнишка послушно обернулся и засверкал пятками. Возле избы его ждал дядя Змей.

«Дядя, — подумал про себя. — Сколько у него таких дядей? А он отца ждет. А отдельные глупые «дяди» дают ему ненужную надежду, что дождался».

— Вот ведь два уroda сентиментальных, — тихо выругался Мун.

В генштаб, как окрестил домик Резаного, он вошел злой и сосредоточенный.

— У тебя спички есть? — спросил с порога.

Резаный сидел за столом и внимательно разглядывал какой-то мелкий артефакт, что держал на вытянутой руке, зажав пинцетом. Видно, он пребывал в глубоких раздумьях, потому как от резкого голоса дернулся. Пинцет дрогнул, продукт жизнедеятельности какой-то аномалии вывалился из цепких металлических лапок и покатился по столешнице.

Главарь группировки имени себя чертыхнулся, убрал артефакт в стол, вынул из кармана коробок и бросил Мунлайту. Тот поймал на лету. Стрекотнуло.

— Зачем тебе спички? Ты ж не куришь?

— Поздняя осень, — недовольно буркнул Мунлайт, открывая коробок.

— Кхм... Обострение у шизофреников?

Седой не отреагировал, только выудил спичку и убрал коробок в карман. Затем мгновенно успокоился, словно внутри щелкнули выключателем, и неспешно, с достоинством сунул спичку в рот, зажевав кончик.

— Трава кончилась, — умиротворенно объяснил он. Из всего дома в распоряжении Резаного была одна комната. Соседние помещения делили Айболит и еще двое парней. Что творилось у них там, Мунлайт не знал, благо заглядывать туда не доводилось, а потому сравнивать комнату главара было не с чем. Но здешняя аккуратность и аскетичность буквально лезли в глаза.

У Резаного было удивительно чисто. Казалось, проводи по полу белой тряпкой, и она сохранит свою белизну. Койка была застелена чуть ли не по струнке. Мебель — стол, стул и небольшой шкафчик — была такой же древней, как и все здесь. Но чья-то заботливая рука ошкурила старые деревяшки и аккуратно прошлась по посвежевшей мебели не то морилкой, не то какой-то краской, сохраняющей рисунок дерева. Ручки и петли были так же подтянуты и подогнаны. Сам ли делал это Резаный, или заставил кого, а может, все это добро досталось ему в наследство от какого-то педанта. Так или иначе, но чистота и порядок в сочетании со скромностью и продуманностью обстановки наталкивали на мысль, что Резаный имел богатый опыт службы в армии. Полное отсутствие уюта при этой функциональности заставляло в созревшей мысли утвердиться.

Общее впечатление портил только въевшийся запах дрянного табака. Словно прочитав его мысли, Резаный выудил пачку сигарет, чиркнул зажигалкой и закурил.

— Уходишь? — спросил он отстраненно.

— Злюсь, — честно признался Мун, несмотря на внешнее спокойствие, все еще не пришедший в себя.

— Не сердись, — подначил Резаный. — Осенью всегда трава вянет. По весне опять вылезет. Будешь снова сено жевать, если доживешь.

— Не задел ни разу, — отозвался Мунлайт. — Скажи лучше, чего я тебе должен?

— Ничего, — покачал головой Резаный и глубоко затянулся. — Рассчитались же вроде.

— Я на всякий случай. Вдруг новое чего накапало.

Резаный поджал губы. На Муна поглядел серьезно и с грустью.

— Уходишь, — протянул он. — Да нет, я знал, что вы уйдете. И предлагать вам место в группе бесполезно.

— Конечно, — нагло разулыбился Мун. — Вы ж не группировка даже. Так, секта мелкого пошиба. Вот станете большими, как «Свобода», тогда поговорим.

Резаный поморщился.

— Не свисти. Если мы разрастемся и станем даже не группировкой, а сектой глобального масштаба, как «Монолит», все равно тебе предлагать к нам вступить бесполезно. Ладно, вещи вам вернули. Патронами поделюсь, харчей с собой соберу. У меня только одна просьба. Подождите до завтра.

— Зачем? — не понял Мун.

— Хочу вас кое с кем познакомить, — охотно отозвался Резаный. — Ну и выпить напоследок. А то за полтора месяца мы с тобой так ни разу и не вмазали.

И Резаный криво оскалится. Изуродованная шрамом улыбка вышла неприятной, но искренней.

2

Кое-кто, с которым их хотели познакомить, был высок и худощав. На лице его выделялись длинные огибающие рот усы. Не хохол, оценил Мунлайт, глядя на вновь прибывшего. Разве что под хохла косит. Первым, кто его заметил, если не считать тех парней, что стояли на часах и пропустили длинного усатого сталкера в деревню, оказался Егор.

В глазах мальчонки мелькнули узнавание, радость, и он бросился к длинному, широко раскинув руки и высоко закидывая ноги на бегу.

— Дядя Фрез, — крикнул мальчишка радостно.

Длинный проворно перекинул автомат за спину, подхватил паренька на руки, подкинул, покружил. Егор весело хохотал. А Мун заприметил, что Снейк наблюдает за этой сценой с ревностью.

Следующим, кто чуть ли не как Егор бросился на усатого сталкера, был сам Резаный. Обхлопав усатого по плечам и проорав что-то бодро-радостно-бессмысленное, он с серьезным видом подтащил длинного к Мунлайту со Снейком и устроил полное пафоса знакомство.

Имя Фрез показалось знакомым. Впрочем, седой быстро припомнил, когда и от кого слышал эту кликуху. Разоткровенничавшийся Рыжик, живописавший о сложных отношениях создателей группы Резаного, упоминал его на равных с самим главарем.

Глядя на обнималки, которые устроили Фрез с Резаным, представить себе, что они когда-либо ссорились, было невозможно. Над этой загадкой биться пришлось недолго. Все очень скоро встало на свои места.

Фрез оказался простым хорошим человеком. И обижаться на него не было никакой возможности. Не лепилась к нему обида. А молодняк Резаного так просто его боготворил. Даже Наталья, надувшаяся было на усатого за то, что тот подтянул к себе кастрюлю и принялся наворачивать прямо из нее, отошла довольно быстро.

Вечерело, темно, холодало. Но столы под навесом были уставлены едой и бутылками. И люди за ними сидели во множестве. В тусклые желтые фонари, подвешенные над столом, билась жирная с шестью крыльями муха, не пожелавшая почему-то уйти в спячку.

Резаный не пожалел запасов. То ли чествовал старого усатого приятеля, то ли решил устроить бурное прощание с новыми друзьями, а может, совместил то и другое, но рекой лилось все, что горит.

Лидер группировки налегал на водку. Снейк с Фрезом нашли друг друга и принялись бодяжить водку с энергетиками, сообщив, что это лучший коктейль, а кто не с ними, тот ничего не понимает. Мунлайт тихо сидел, откинувшись на лавочке, и со вкусом тянул из горла дешевое бутылочное пиво.

Галдела молодежь, смакуя любимые темы про Семяцкого, Хозяев Зоны и Черного Сталкера. Смеялась над быстро набравшимся Рыжиком Наталья.

Много и душевно говорил Фрез. Длинный, если, конечно, не врал, оказался не просто охотником за удачей. По ту сторону Периметра он был примерным семьянином и отцом четырех детей. Работать он начинал электриком, потом стал инженером-электриком. Потом директорствовал где-то по мелочи. А когда понял, что не хватает адреналина и средств на воспитание четверых киндер-сюрпризов, бросил все и отправился покорять Зону.

— Покорил? — ядовито скалясь, любопытствовал Мун.

— Не-а, но что хотел, имею.

Насчет четверых детей он, может, и заливал, а с электричеством, кажется, в самом деле успел поработать. Во всяком случае, бесконечные его байки крутились где-то возле щитка и высоковольтных линий.

— Летела над территорией электростанции ворона, — вещал усатый, священнодействуя со стаканами, энергетиком и водкой. — Видит, на земле блестит чего-то. Спикировала, подняла кусочек проволоочки, схватила в клюв и взлетела... Змей, держи, пожалуйста... Летела, правда, не долго, зацепила проволоочкой высоковольтную линию. Представляешь себе клюв?

— Ну? — кивнул Снейк, принимая стакан с убийственным коктейлем.

— Вот мы потом месяц ходили и угорали. Картина маслом: два кабеля, между ними проволочка, и на ней клюв. И все! Все остальное сгорело на фиг, а клюв остался. Начальство, правда, премиальных лишили за то, что территория не убирается, но было весело. Твое здоровье...

Стаканы сошлись разом. Глухо звякнуло.

Первым отвалился Рыжик. Хоть и был молод и крепок, а оказался не стоек. Затем по одному, а то и по двое стал отваливаться молодняк. Захмелел Фрез, чуть разругмился

Снейк. Что-то подсказывало Мунлайту, что оба уже крепко пьяны. Интеллигентно пожелал всем доброй ночи Айболит и ушел на боковую. Только Резаный сидел, как изваяние. Тихо улыбался чему-то невидимому, с завидным постоянством вливал в себя беленькую и не пьянел, казалось, застряв в легком охмелении.

Мунлайт зажмурился, чувствуя легкий налет чего-то, похожего на счастье. Мысли выдуло, ему было настолько наплевать на все, кроме того, что происходит здесь и сейчас, что можно было завидовать по-черному. Потому что здесь и сейчас было тупое пивное опьянение и что-то еще, что можно было охарактеризовать одним словом — хорошо.

Сбоку подсел кто-то. Стало тепло и мягко. Мунлайт открыл глаза и повернул голову. Наталья смотрела влажными глазами. Его личное незыблемое беспечное «хорошо» пошатнулось, добавляя проблем. Коса приобняла, мягко, ненавязчиво положила голову на плечо.

Мун почувствовал, что трезвеет и напрягается. Кто бы что ни говорил, а между женщиной и давалкой есть разница. Хотя для него сейчас этой разницы нет, потому что с давалками связываться противно, а на женщин нет сил и времени.

— А еще был случай, — язык Фреза начал наконец заплетаться. — Стажер один пришел. Ну, его в напарники к матерому такому старикану и отправили. Ходили они везде вместе месяц, а может, больше. Старик-наставник передавал парнишке знания и навыки. Зверь был, а не электрик. Только на технику безопасности клал с прибором. По технике безопасности резиновый коврик полагается стелить, так наставник этот коврик игнорировал. Лезет в щиток, а сам только на одну ногу встанет и стоит, как цапля...

Голос Фреза постепенно сходил на нет, пока совсем не замер. Усатый клюнул носом в кастрюлю, что все еще стояла перед ним на столе.

— А дальше чего? — вырвал Фреза из дремотного состояния Мун.

— А? Дальше как-то паренек сам работать начал. Какое-то время отпахал, только технику безопасности тоже в игнор отправил. На одну ногу вставал только, как его гуру, пока не тряхнуло.

Фрез снова клюнул носом в кастрюльку, но на этот раз встрепенулся без посторонней помощи.

— Да! Так вот долбануло его. Приводят парня в чувства, говорят: «Какого фига ты, чудак, коврик не раскатал?» Тот наставника-то и вспомнил.

Усатому стало смешно, он фыркнул сам себе и добавил:

— Вот тогда ему, дураку, и разъяснили. У старика, который его наставлял, ноги не было. Протез. Коврик расстилать долго. Так он на протез вставал, и все.

Резаный вежливо рассмеялся и встал из-за стола. Задумчивая улыбка и окаменелость черт на лице ничуть не изменились.

— Ладно, мужики, — сообщил он. — Я спать. Если завтра не увидимся, то давайте. Рад был вам.

Мун махнул мужику со шрамом рукой. Снейк кивнул по-доброму, аж глаза заблестели. Набрался. Резаный развернулся и пошел твердым шагом настолько прямо, словно между ним и входом в его дом натянули трос и главаря группировки туда медленно, но верно подтягивают.

«И этот набрался», — вяло подумал Мунлайт. Сбоку прильнула Наталья. Захотелось выmaterиться. Что он может ей дать? Что у них может получиться? Да ничего. А просто так тащить первую встречную девку в койку... Зачем? Ему же не шестнадцать лет, да и она не выпускница, которой надо обязательно окончить выпускной бал в чьей-то постели.

— Слышь, Фрез, — спросил он, только бы что-то спросить. — А тебя самого-то током било?

— А кого не било? — удивился Фрез. — Тем более с моей первой профессией. Меня столько раз било...

Его рука инстинктивно вертела и поднимала скопившиеся во множестве банки и бутылки, но ни водки, ни энергетика больше не было.

— Уууу, — разочарованно протянул усатый, не то жалуясь на несправедливую жизнь, в которой все выпито, не то характеризуя количество и качество электрических разрядов, которые принял на себя его организм.

Снейк тоже начинал подремывать. А кроме них троих и Натальи, под навесом никого не осталось. И это не радовало.

— Меня теперь «электры» не берут, — пробормотал Фрез, норовя снова уткнуться мордой в кастрюлю.

— Свистишь, — искренне заинтересовался Мунлайт.

— Гадом буду, — кивнул Фрез. — Не берут. Вообще электричества не чувствую. Хочешь, сейчас лампочку выкручу и палец в патрон суну?

Фрез, покачиваясь, поднялся. Снейк встрепенулся, готовый усадить собутыльника на место. Мун тоже поспешил поверить на слово. Черт его знает, может, и вправду «Электры» не берут. А вдруг как дурака по пьяни валяет? Лучше без экспериментов. От греха подальше.

— Давай лучше выпьем, — предложил седой. И тут же пожалел, потому как пиво, которого влил в себя немерено, кончилось.

— Так водки нет, — буркнул Снейк.

Фрез состряпал хитрую мину и многозначительно поднял палец вверх. Потом занырнул куда-то под стол, но на этот раз мимо кастрюли. Зашуршали застежки рюкзака, а через несколько секунд усатый снова возник над столешницей, довольный собой, с бутылкой чего-то мутного в руках.

— Это что? — подозрительно уставился на бутылку Мунлайт. — Водка?

— Сам ты водка, — беззлобно отмахнулся Фрез. — Это горькая настойка. «Палевка» называется.

— То есть это паленая водка? — ухмыльнулся Мунлайт. — Или ее на полевых мышах настаивают?

— На чем ее настаивают, одному изобретателю этого божественного напитка ведомо. А «палевка» потому, что фамилия человека, который ее придумал, — Палий.

Мун скривился. Под своими фамилиями в Зоне редко кто светится. Разве что этот Палий и впрямь светило местной алкогольной промышленности.

Фрез свернул бутылки голову и плеснул в три стакана на два пальца. Настойка легла мягко и уютно устроилась в желудке. Видимо, ее создатель и в самом деле был не дурак по части изобретательности.

— Ну как? — полюбопытствовал Фрез.

— Ничего себе, — признал седой.

— Ага! Тот изобретатель в одном барчике работает у кордона. Такие чудеса творит. У него еще фирменный коктейль есть, «Мини-сталкер», рубит наповал.

Мун представил себе ингредиенты для коктейля с подобным названием и даже шутить не стал.

Они выпили еще раз. От «палевки», положенной поверх пива, стало срубать, как, должно быть, вырубает от того хваленного коктейля. Перед глазами все поплыло. Он почувствовал, что сам становится мягким и податливым, а Наталья под боком держит его, словно стержень, не дает растечься по лавке. Муну захотелось ее поблагодарить, но язык перестал ворочаться, превратившись в аморфную массу. Фрез же со Снейком, напротив, взбодрились.

— «Электры» это фигня, — бубнил сквозь плывущий пейзаж голос Фреза. — Я однажды бюрера с одним ножом в руках завалил.

— Фигня, — отмахнулся Снейк. — Его с автоматом хрен завалишь. Они оружие силой мысли тягают только в путь. Не успеешь моргнуть, как твое же оружие против тебя же...

— Так в том-то и дело, что я без оружия. Вплотную подошел и ножом его. — Фрез провел ребром ладони по горлу.

— Хочешь сказать, — воодушевился Снейк, — этих карликов можно голыми руками? Жаль, тут бюреров нет поблизости, а то бы проверили.

— Придурки, — выдавил Мунлайт.

— А бюрер тут есть, — вдруг поведал усатый. — Сам видел. У него тут берлога неподалеку.

— Предлагаешь поохотиться? — раздухарился бородатый. — А пошли!

— А пошли, — резво подскочил с лавочки Фрез, будто еще четверть часа назад не пытался заснуть в обнимку с кастрюлей.

Охотиться без причины даже на людей грешно, хоть этих и стоило поотстреливать. А не на людей и вовсе не стоит. Все это Мунлайт подумал, но сказать не смог. «Палевка» сама ли, или поверх немереного количества пива давала странный эффект. Голова вроде была чистой, а тело отказывалось слушаться напрочь.

— Ты с нами? — подмигнул Мунлайту Фрез.

Мун мотнул головой. Хотелось отговорить пьяных идиотов от дурной затеи, но как это делается, седой забыл напрочь. Ну и хрен с ними. Пусть зарежут этого несчастного карлика.

Фрез со Снейком еще обсуждали что-то, потом ушли. Мунлайт почувствовал, что держаться больше незачем и поплыл вниз по скамейке. Поплыли огни фонарей, желтыми блямбами светящих над столами. Поплыла крыша навеса. Потом в поле зрения всплыло лицо. Милое, приятное женское лицо, с которым нечего и незачем.

— Ну, зачем же ты так? — мягко произнесла Наталья. Мун растянул губы в коронной ухмылке и отключился.

Пробуждение было резким. Его просто выдернули из сна, который он тут же забыл, и втиснули в реальность, которая сильно рознилась с тем, что он помнил по вчерашнему вечеру.

Вместо навеса над головой была изувеченная крыша приютившей их избенки. Мунлайт лежал на спине, рядом, опустив голову к нему на грудь, посапывала Наталья. Рука рефлекторно метнулась к штанам, нащупала и брюки, и портупею на месте. И Мун с облегчением понял, что вчера не нашалил с перепою.

Облегчение от осознания того, что сохранил вчера девичью честь и человеческое достоинство, тут же сменилось новым приступом паники. Над ним стоял Снейк с виноватой рожей, добрыми печальными глазами и окровавленным ножом в руке.

Мунлайт содрогнулся и проснулся окончательно.

— Ты чего здесь? — спросил он шепотом, выскальзывая из-под спящей Косы.

— Ты помнишь, чего вчера было? — так же тихо спросил Снейк.

— Вы пошли на бюрера охотиться, — припомнил седой.

Бородатый сделался печальным, как шагающий в газовую камеру еврей, всадили окровавленный нож в тумбочку и завалился на свою койку.

— А я так надеялся, что мне это приснилось. Мунлайт встал и размялся. Ожидаемого похмелья не было. Зато у Снейка, кажется, присутствовали все симптомы абстинентного синдрома.

— Голова болит, — тихо, как сентябрьский листопад, прошелестел бородатый и прикрыл полные смертной муки глаза.

Седой поприседал, разминая мышцы и ожидая запоздалого прихода похмелья, но того не было.

— Проснулся на лавке, — продолжал, будто говорил сам с собой, Змей. — В руке нож. Думал, приснилось. А выходит, правда. Слышь, порождение хаоса, кого мы вчера зарезали, а?

Мун фыркнул.

— У Фреза спроси.

Снейк открыл глаза и поглядел на Мунлайта страдальчески.

Он ушел. Разбудил, попрощался и ушел. Бодрый, как и не пил. А я пока сообразил чего к чему, уж и спрашивать не у кого было.

— Ты хоть что-то помнишь? — спросил Мун.

Бородатый кивнул и тут же поморщился. Верно говорят: чем лучше с вечера, тем хуже с утра.

— Мы пошли. С километр протопали. Может, метров восемьсот. Там нора. Спустились вниз, а... А дальше, хоть убей, не помню.

Снейк снова закрыл глаза.

— Нет, если мы бюрера зарезали, так хрен с ним, но... а вдруг не бюрера?

— Охотнички хреновы, — ухмыльнулся Мун, подхватывая автомат. — Где вы эту нору нашли?

Снейк приподнялся на койке, лицо его сделало безуспешную попытку сосредоточиться. Видимо, пытался определиться с направлениями.

— Там, — махнул рукой в стену. Мун кивнул и пошел к выходу.

— Ты куда? — окликнул громкий шепот.

— Пройдусь. От тебя все равно никакого толка. Может, найду ту нору и посмотрю, чего вы учудили.

Снейк бессильно повалился на спину.

— Часа через полтора-два вернусь, — предупредил Мун от дверей. — Чтобы был готов. Мы уходим. Хватит. Засиделись.

Снаружи было свежо. Он только теперь почуял, в каком перегаре проспал всю ночь. Мунлайт глубоко вдохнул, перехватил автомат поудобнее и пошел в указанном направлении, бодро насвистывая «Moonlight and vodka».

Нору он и в самом деле обнаружил. Скорее даже не нору, а землянку. Только, как показали дальнейшие события, резню два пьяных балбеса устроили не в этой норе.

3

«Сообщение доставлено».

Карташов удовлетворился сервисным уведомлением и поспешно выключил наладонник. Первые дни после смерти Кирия он держал ПДА во включенном состоянии практически все время. Потом, после той неприятной истории, задумался и сообразил, что наладонник лучше выключать от греха подальше.

А вышло так, что к нему в Кириеву берлогу заглянул мужик с автоматом. Причем присутствие незнакомца поблизости старлей проморгал, а вот незваный гость прекрасно знал, что его ждет внутри. Потому от входа дал пару коротких очередей. В одном только облажался — стрелял он в темноте по тому, что видел. А различить от входа, не включая свет, можно было только матрас Кирия, на который Сергей перекладываться не стал.

Матрас принял на себя огонь с тихим чавканьем и треском ящиков, что составляли основу лежанки. Карташов, лежавший поверх спальника, перекатился в сторону и подхватил автомат.

И тут противник сделал вторую глупость — нашарил выключатель и врубил свет. Сообразить, что его убило, он не успел. Сергей, с перепугу хвативший хорошую дозу адреналина, вдавил палец в спусковой крючок до белизны и отпустил лишь тогда, когда труп незваного гостя уже скатывался вниз по лестнице.

Когда же старлей принялся обшаривать карманы покойника, то первое, что нашел, — ПДА, на котором четко было видно местоположение его собственного наладонника.

— Демаскировка, — проговорил под нос Сергей и, прежде чем отправиться с трупом и лопаткой на свежий воздух, выключил обе машинки.

Манера разговаривать с самим собой возникла чуть раньше. А от той встречи Карташов приобрел нужную привычку не включать ПДА без крайней надобности. Привычки росли с той же частотой, что и холмики на импровизированном кладбище. Работая лопатой, Сергей думал о том, что следующей может стать его могила. Такой расклад старлей не устраивал, и он делал выводы из произошедшего. Быть может, поспешные и не всегда правильные, но способные избавить от некоторых неприятностей.

Впрочем, третий труп никакого опыта толком не дал. Труп этот образовался еще пару недель спустя, когда уставший от яичной лапши Сергей решил попробовать немаркированные Кириевские консервы.

Неведомый продукт странного вкуса напоминал по консистенции паштет и пошел на ура. Не сильно задумываясь о том, что в себя пихает, Карташов наелся от пуза. Вскоре это пузо напомнило о своем существовании.

Жрал ли Киряй когда-то эти консервы, что в них было и как воспринимал это что-то проспиртованный Киряев желудок, так навсегда и осталось для Карташова загадкой. Но что бывает с неподготовленным человеком от таких гастрономических экспериментов, он запомнил навсегда.

Неведомый продукт из жестянок выходил из организма бурно со всех возможных сторон. Старлей притомился бегать вверх-вниз. На улице стемнело. Дождь поливал как из ведра, перемежался со снегом. Ветер пробирал до костей, но заставить себя гадить там, где живет, Сергей не мог.

Буря на улице усилилась, а буря внутри почти улеглась. Карташов сидел под кустом со спущенными штанами, держа на коленях автомат и размышляя о том, где и как сушить промокшую насквозь одежду. От этих размышлений его отвлек мелькнувший невдалеке силуэт.

Старлей перехватил автомат, в первый момент надеясь, что примерещилось. Но силуэт возник снова и гораздо ближе. В тусклом свете едва пробивающейся сквозь тучи луны Сергей увидел немногое. Но увиденного хватило, чтобы кишка дала слабинку, благо штаны были спущены.

В первый момент показалось, что на него идет человек, пригибающийся от дождя. Потом он увидел болтающийся хоботок противогАЗа, и ему стало жутко до судороги.

«Снорк», — пронеслось в голове. Вернее, это был первый образ, первое слово вышло столь же односложным, но менее цензурным.

И не дожидаясь дальнейшего развития событий, Карташов принялся расстреливать дождливую ночь. Он так и стрелял, сидя на корточках со спущенными штанами. Кажется, что-то орал со страху.

Фигура с хоботком нервно дернулась в сторону, потом споткнулась, надломилась и упала противогАЗом в жидкую грязь. Как он подтирался и подтирался ли вообще, Сергей не помнил. Штаны натягивал уже на ходу. В землянку нырнул, словно бросился во врата рая. А когда врата эти захлопнулись за спиной, подпер с большей, чем обычно, тщательностью и трясся до утра, боясь заснуть. В редкие моменты, когда проваливался в забытье, начинала сниться какая-то жуть, от которой снова просыпался с содроганием.

На свежий воздух старлей решил вылезти только утром, когда часы показывали начало десятого и снаружи должно было быть уже светло. Мертвый снорк лежал все там же. Карташов огляделся, нет ли какой засады, не караулят ли его собратья покойного. Все было тихо. Тогда Сергей рискнул подойти поближе.

Мертвяк оглоушил, как канделябр преферансиста, пойманного на перезакладе. То, что он был мертв, сомнений не вызывало. Вот только это оказался не снорк. ПротивогАЗ на человеке и вправду был, только болтался он на шее. А из-под съехавшего на сторону капюшона на Сергея смотрело молодое лицо с жидкими усиками и глазами болотного цвета.

Лицо это было Карташову знакомо. Парня звали Олегом Горелкиным. Он прибыл на кордон с последней партией новичков и числился без вести пропавшим. А вот выходит, не пропал рядовой Горелкин, а в сталкеры дезертировал.

Оттащив труп в сторону, Сергей снова взялся за лопату. Ночью приморозило, суглинок, размоченный вечерним дождем, подмерз. Карташов потел и матерился. Лопатка вгрызалась в землю. А в голове сидел один лишь вопрос: «Что же такое заставляет человека забывать о своем долге, о службе, о жизни, бросать все и уходить за Периметр, ставя себя вне закона и обрекая на полубомжеватое существование?»

Ответа для себя старлей так и не придумал, зато окончательно сложилось впечатление о Зоне отчуждения со всей ее сомнительной романтикой. Если бы кто-то спросил сейчас Карташова о его отношении к ней, он бы честно сказал, что ненавидит Зону.

Расширив свое «кладбище» на еще один участок, Сергей спустился вниз и крепко задумался. Покойники его особенно не трогали. На мертвяков он насмотрелся еще до того,

как попал на кордон, так уж сложилось. Потому здесь его трупы шокировали не сильно. Да и с каждым вновь приобретенным покойником восприятие притуплялось. Зато росло чувство опасности. И если в первые дни старлею было здесь не по себе, то сейчас ему стало откровенно страшно, в чем он не боялся признаться. Себе признаваться не зазорно, а больше все равно никого не было.

Жратва, притащенная с собой, давно кончилась. Консервы он есть больше не рискнул и полностью перешел на воду и просроченную лапшу. С оружием тоже было паршиво. Свои патроны практически кончились, трофейное оружие не радовало ни своими характеристиками, ни состоянием, ни наличием внятного боеприпаса. Сергей перетряхнул Киряевы запасы и пришел к выводу, что самый оптимальный вариант — перейти на допотопную хозяйскую трехлинейку. С ней он и принялся обходить окрестности.

Первое, на что он наткнулся, была сгнившая и посеревшая от дождя и времени деревушка. Она расположилась меньше чем в километре от Киряева логова.

Сразу подходить к домам Сергей не рискнул. Он устроился в отдалении и принялся наблюдать. Долго и терпеливо.

Сперва казалось, что деревушка мертва. Карташов хотел было уже возвращаться, когда увидел движение и услышал голоса. И задержался почти дотемна.

За деревенькой он наблюдал еще несколько дней. Люди, которых видел и слышал, были не случайны и, по всей вероятности, жили тут постоянно. Если верить наладоннику, то где-то в тех краях должно было находиться расположение «Свободы». Но тут концы с концами не сходились. По прикидкам Карташова, в деревушке было не меньше полутора и не более трех десятков человек.

На третий день, изучая местный быт, Карташов узрел такое, после чего всякое желание соваться в деревню отпало намертво. Было что-то около одиннадцати часов дня, когда он заприметил эту фигуру. Увидь он ее в сумерках, решил бы, что привиделось. Но в разгаре дня... Да еще и день, как назло, выдался ясным.

Фигура была мужской. Она двигалась абсолютно беззвучно по окраине деревеньки. И просвечивала насквозь, как облако дыма! Старлей потер глаза, чувствуя, что начинает сходить с ума, надеясь на то, что видение примерещилось, но не помогло. Бесплотный мужик был так же реален и так же ненормален с точки зрения здравого смысла, как и все здесь.

Призрак — а как его еще назвать? — продефилировал мимо и свернул в кусты. Карташова он, кажется, не заметил. Зато старлей разглядел его во всех подробностях до мельчайшей черты лица.

В засаде Сергей просидел еще с четверть часа, боясь выскочить и нарваться на призрак. Наконец взял себя в руки и вернулся в землянку, поставив на деревне жирный крест. Мыслей о том, где искать проводника и как возвращаться, становилось все меньше.

Новый день не принес облегчения. В выбранном направлении он уперся в стену такого дикого тумана, что поспешил назад, даже не рискуя зайти туда.

— Сайлент-Хилл какой-то, — бурчал Карташов, припоминая ужастики, смотренные еще в том возрасте, когда картонные монстры на экране вызывают страх.

Сейчас все, что происходило, происходило не в телевизоре, а с ним. Здесь и сейчас. И от этой реальности не просто пробирал натуральный страх, а паника подступала.

Сергей боялся уже, кажется, собственной тени, с опаской относился к каждому шороху, от чего злился и ненавидел этот кусок земли, огороженный кордонами, еще больше. Ходить так, как это делал Киряй, у него не получалось. На каждое движение у Карташова уходило куда больше сил, нервов и времени. Он научился взвешивать каждый чих.

Последней мыслью было попытаться добраться до базы «Долга». Там хоть и такие же сталкеры, но вроде из бывших военных. Может, хоть эти сперва поговорят, а потом стрелять начнут?

Он выбрал направление, сверился с ПДА и пошел. Но далеко уйти не получилось. Активные датчики радиации и аномалий очень скоро принялись перекрикивать друг друга,

давая старлею понять, что шаг вправо, шаг влево — и адью! Привет вам, Аллах с Иеговой, как будете делить Серегу Карташова?

В который раз вернувшись в Киряеву землянку, старлей вытянулся на спальнике и вперился в потолок. Выйти отсюда самостоятельно казалось теперь непосильной задачей. То есть это было, конечно, возможно, но, зная собственную степень подготовки к хождению по Зоне отчуждения, Карташов надежд на удачный выход к кордону не питал. Соваться в места скопления сталкеров, памятуя о прошлом опыте общения с бродягами, ему тоже не улыбалось.

Оставалось блуждать, не отходя далеко от своей берлоги, и ждать, когда мимо пройдет какой-нибудь местный отморозок. Один — не пятеро, авось смогут договориться. Но то ли удача повернулась к старшему лейтенанту филейной частью, то ли землянка Киряя находилась на краю света, а только мимо больше никто не ходил.

Шли недели. Сергей тосковал, слал начальству короткие сообщения с отчетами, страдающими избытком формализма, и принимал обратно недовольные ответы. Сперва от капитана, а в последние дни уже и лично от Хворостина.

Ситуация становилась патовой. Стреляться, чтобы сберечь честь офицера, мог бы капитан Андрюша. Сергей же себя слишком любил для этого. По этой же причине его не вдохновляла идея героического прорыва до той же базы «Долга». Смысл? Реально оценивая свои силы, он понимал, что просто не дойдет. А героически сдохнуть... Нет, это была не его судьба. Но и оставаться здесь вечно он не мог.

В момент, когда отчаяние уже схватило за горло, кто-то там наверху решил-таки сжалиться над старшим лейтенантом и послал ему капельку удачи. Только Карташов о том еще не догадывался. Он сунул в карман выключенный ПДА, подхватил «мосинку» и покинул свое временное пристанище.

Временное! Не зря говорят, нет ничего более постоянного, чем временное. Если бы кто-то рассказал ему месяц назад о том, что он застрянет в Зоне дольше, чем на несколько дней, Сергей посмеялся бы.

Теперь вот только было не до смеха. Он привычно обогнул свое жилище, пройдя мимо «кладбища», и аккуратно со всей предельной осторожностью пошел по кругу, наращивая радиус.

Это тоже стало своего рода традицией. Каждый день он ходил по спирали, соскакивая с нее резко только в том случае, если начинали пиликать датчики. К ним Сергей стал относиться особенно трепетно. И стоило только прибору пискнуть о том, что в зоне действия может находиться аномалия, Карташов тут же менял курс. Руководствовался старлей при этом простой и весьма эффективной в его случае мыслью: не знаешь — не суйся. А насколько он на самом деле «не знает» и до какой степени бесполезны учебные фильмы, Сергей мог оценить теперь на собственной шкуре.

Он продолжал двигаться, ориентируясь на попискивания электроники. Время от времени останавливался и включал ПДА в надежде отловить на мониторе одинокую фигурку. Но карта, во всяком случае — близкий старлею ее отрезок, была безлюдна, как снега Южного полюса.

Запиликало, напоминая о повышающемся уровне радиации. Карташов тяжело вздохнул и повернул на девяносто градусов. Дозиметр притих. Старлей сделал несколько шагов в неестественной пугающей тишине, в задумчивости отвернул еще на девяносто и потопал домой.

Возле землянки притормозил и полез за наладонником, но включить, по счастью, не успел. То, наличие чего хотел вычислить при помощи электроники, оказалось видно невооруженным глазом. Мимо холмиков его «кладбища» к землянке шел крепкий мужик с седыми, как лунь, волосами и того же цвета бороденкой. По лицу и фигуре Сергей никогда не дал бы мужику больше сорока. Да и сорока не дал бы. Потому седые волосы смотрелись на нем словно прилепленные в фотошопе.

Карташов медленно опустился на корточки, сливаясь с кустами.

Седой между тем подошел ко входу в землянку. Двигался он, как кошка. Изящно, легко и довольно споро. Сразу видно, не первый день здесь гуляет. Либо дурак беззаботный, но такие так глубоко не забираются, раньшедохнут.

Интересно, он и в самом деле один? Или где-то поблизости прикрытие?

Карташов медленно приподнял «мосинку» и принялся изучать видимое пространство через глазок оптического прицела. Глазами никого, кроме седого, обнаружить не удалось. Но оставалось ощущение, будто кто-то совсем рядом следит не то за Сергеем, не то за седым сталкером, не то за обоими разом.

Старлей опустил винтовку. Возникло неодолимое желание включить ПДА и проверить, нет ли кого еще поблизости, но он переборол себя.

Незванный гость между тем уже отпер дверь и был на верхних ступеньках. Сейчас спустится вниз и останется там ждать. И дом Сергея станет для него засадой. А ломиться в темный подвал с «мосинкой» глупо. Вот была бы граната, все было бы проще.

«Ни фиги подобного», — одернул себя Карташов. Ему же проводник нужен, а не повод сделать в подвале генеральную уборку. Так что граната ни к чему.

Седой спустился еще на пару ступенек. Видимо, он давно уже понял, что внутри никого нет, но продолжал вглядываться в темный провал. Осторожный.

«А я хитрый», — почувствовал вдруг выигрышность своей позиции старлей и принялся осторожно, как мог беззвучно, вылезать из кустов.

4

Мунлайт остановился и вгляделся в темный провал. Из подвала тянуло чем-то тяжелым и затхлым. Бюрера внутри судя по всему не было. Разве что он лежал там мертвый и плохо пахнущий. И хотя седой никогда не нюхал мертвых бюреров, что-то подсказывало, что пахнет чем-то другим.

Он приспустился еще на пару ступенек. Ни черта не видно! Пальцы нырнули в карман, тиснули оттуда небольшой, но довольно мощный фонарик. Свет галогеновой лампы вырвал из тьмы ступеньки, побежал ниже.

Сталкер тихонечко принялся насвистывать «Moonlight and vodka». А луч фонарика бежал дальше, высвечивая дырявый матрас, спальник, валяющийся на полу рядом... неуместный здесь, казалось бы, кулер для воды... Дальше шли штабеля каких-то коробок и ни намека на что-то живое или когда-то бывшее живым.

За спиной клацнуло. Неприятно, металлически. Определить оружие на звук Мун не смог, но в том, что за спиной кто-то дернул затвор, сомневаться не приходилось.

«Вот тебе и живое», — пронеслось в голове. — «Надо было Снейка с собой брать».

— Оружие брось, — потребовали сзади.

Мун послушно разжал пальцы левой руки. Цевье выскользнуло, и ствол грохнулся на ступеньки.

— Хорошо, — в голосе слышалось напряжение, какое бывает, когда обладатель голоса крепко напуган.

Что из этого следует? Либо тот, что стоит сзади, боится конкретно его, Муна, но тогда он должен бы знать этого человека лично, а голос незнакомый. Совсем незнакомый. Либо человек за спиной боится вообще. Тогда выходит...

Нет, не выходит. В таких дебрях случайные люди оказываются редко. Причем или в сопровождении профессионалов, или в виде трупов.

— Хорошо, — повторили за спиной, — теперь руки вверх подними.

Мун неторопливо поднял руки и отклонился чуть в сторону. За спиной зашлепали шаги. Интересно, что с ним станут делать теперь? Шарахнут тяжелым по затылку? Закуют в наручники? Шепнут на ушко «Hasta la vista, Baby» и выстрелят в затылок?

Он подождал еще немного, а когда почувствовал совсем рядом человеческое тепло, еще сильнее отклонился влево и резко ударил наобум правой рукой с зажатым в ней фонариком.

А дальше все понеслось, как в калейдоскопе. Молниеносно, сумбурно, хаотично.

Получивший фонарем в торец нападавший потерял равновесие, пошатнулся.

Грохнул запоздавший на долю секунды выстрел. Пуля ушла в темноту. Туда же, споткнувшись о любезно подставленную Мунлайтову ногу, полетел кубарем по ступенькам тот, кто стоял за спиной.

Мун поспешил подхватить упавшее на ступени оружие, но враг зацепил ногой ремень автомата, и Мунлайтов ствол загрохотал по ступеням вместе со всем прочим, что летело теперь вниз по лестнице.

Чертыхнувшись, седой кинулся вниз. Там его уже ждали.

Противник оказался недостаточно проворен, чтобы снова вооружиться, но довольно быстр, чтобы подскочить на ноги и встретить прямым ударом. Мун отклонился, скорее по наитию, и кулак просвистел мимо, скользком зацепив челюсть.

Седой отпрыгнул в сторону. Наверху хлопнула дверь, и подвал растворился во мраке. Мун ударил на звук, но промазал. Рядом метнулось что-то, если судить по размерам, то незначительное для человека, но вполне соразмерное человеческому кулаку. Впрочем, с тем же эффектом.

Мунлайт мысленно выматерился. Фонарик он обронил еще на лестнице, а драка в кромешной темноте выглядела нелепо. Он, должно быть, поиздевался бы на эту тему, если бы только все это происходило не с ним. Впрочем, возможно, и над собой бы посмеялся, только не теперь.

Сейчас было не до смеха. Мордобой превратился в свалку, попытки дотянуться до противника, ориентируясь на движение, а то и вовсе осязая. Интересно, если бы подрались два слепых, это смотрелось бы так же глупо?

Он ткнул наобум и тут же словил ответный удар, хотя, по чести сказать, ударом это назвать было бы затруднительно. Его жестко пихнули в плечо. От могучего толчка Муна развернуло. Что-то ударило по ногам сзади. Он потерял равновесие и повалился на матрас, с диким треском ломая устроившиеся под ним деревянные ящики.

Противник, по всей вероятности, тоже потерявший какую-либо ориентацию, врубил свет. Вернее, не свет, даже не фонарь, а наладонник, который выхватил для врага, должно быть, какой-то кусок темного пространства. Но об этом Мунлайт догадался уже позже. А в тот момент он просто со всей дури ударил двумя ногами из положения лежа по источнику свечения.

Свет взметнулся, луч его прокувыркался по затейливой траектории и шлепнулся на пол. Противник с грохотом впечатался спиной в штабеля коробок. Что-то высыпалось, покатилося, захрустело под ногами, но Мун уже не обращал на это внимания.

В два скачка преодолев расстояние между матрасом и коробками, он от души саданул оглушенному противнику в челюсть. Удар вышел не очень правильным, но душевным. Руку потянуло болью. Шипя от злости, Мунлайт завалил мужика мордой в пол, вывернул ему руку и выхватил припрятанный пистолет.

Противник еще пытался сопротивляться, но вяло. Видимо, удар башкой о коробки и вправду его оглушил. А учуяв металл пистолетного дула у виска, и вовсе оставил всякие попытки вывернуться.

— Ну, вот теперь, — тяжело дыша, проговорил Мунлайт, — назови мне хоть одну причину, по которой я не должен тебя пристрелить прямо сейчас.

Поверженный враг, хоть и был оглушен, соображал, видимо, довольно неплохо.

— Деньги, — сдавленно просипело снизу.

— Хочешь откупиться?

— Нет, — голос распластавшегося на полу мужика звучал болезненно. Может, сломал чего, пока по морде получал?

Мун чуть ослабил хватку. Противник благодарно выдохнул и не предпринял больше ни единой попытки вывернуться. Лежал тихо, как мышь.

— Нет, — повторил тихо. — Мне нужно выйти отсюда. За кордон. Если выведете, заплачу.

Мун заколебался. Противник, видимо, почувствовал это.

— Плачу вперед.

— Так у тебя при себе наличные? — ухмыльнулся Мунлайт. — И кто мне мешает тебя пристрелить и забрать все себе без всяких проводов?

— Вы же достойный человек, — с трудом произнес мужик — не то руку ему Мун завернул слишком сильно, не то Мунлайтов вес оказался противнику не по зубам. — И потом, если выведете и все выйдет как надо, на кордоне получите серьезный заказ, за который оплата будет очень солидной.

— Солидная оплата — это пустой звук.

— Цифра не меньше, чем с пятью нулями.

Мун присвистнул. Либо этот, который мордой в пол, врет, как сивый мерин, либо им со Снейком подфартило напоследок. Цифру, не меньше, чем с пятью нулями, ведь можно назвать такую, что количество нулей при делении пополам не уменьшится.

— В какой валюте?

— В твердой, — просипел противник. — Отпустите меня и поговорим.

— Есть люди, там, за Периметром, которым нужны... скажем так, услуги проводника по Зоне отчуждения.

Они сидели возле землянки на земле. Мужик говорил, а Мунлайт слушал и разглядывал дурня, которого только что чуть не убил. На вид ему можно было дать лет двадцать восемь. Довольно крепкий, явно привык поддерживать физическую форму. Вот только к местным реалиям явно не приспособлен. Слишком тревожный. Мун отметил, что на лице незнакомца проступает именно тревога. Не страх, не паника, а боязливость человека, попавшего в сложную ситуацию, отдающего себе отчет в том, какие масштабы у этой сложности, и плохо представляющего, как из сложившейся ситуации выбираться.

Так мог выглядеть истинный ариец, солдат фюрера. Высокий, голубоглазый, светловолосый. Немного растерянный, но не напуганный, потому что там, за пределами страха, есть какая-то более глобальная задача. Вот только опухший нос и рассаженная в кровь верхняя губа портили общую картинку.

Мун сидел рядом, жевал спичку и любовался деянием рук своих. В стороне, далеко от белобрысого, зато под рукой у Мунлайта, лежали рядочком экспроприированная «мосинка», прихваченный из лагеря «калаш» и бэпэшка, заигранная у Резаного еще во времена хождения за артефактами и очень вовремя оказавшаяся под рукой.

— И кто те люди? Туристы? Ученые? Спецслужбы? — поинтересовался Мун. — Кого куда вести надо?

— В обычном понимании никого вести никуда не придется. Если не считать того, что меня надо вывести за кордон. От тебя потребуются только услуги консультанта. Необходим человек, который хорошо понимает местные социальные явления, геополитику и хорошо ориентируется на местности.

— Геополитику, — ухмыльнулся Мунлайт. — Тебя где так разговаривать научили?

— А что?

— Будь проще, люди потянутся.

— В любом случае, — проигнорировал реплику белобрысый, — ходить и месить здесь грязь, бегая от кровососов, не придется.

— Здесь не бегают, — безразлично бросил в воздух Мун.

И поймал на себе недовольный взгляд. Белобрысый заказчик начинал злиться. Это хорошо. На эмоциях люди могут сказать то, чего никогда не скажут в спокойном состоянии. Эмоция развязывает язык. Потому действовать на нервы — святое дело.

— Заказчику нужны услуги консультанта, — холодно проговорил он. — Никакой особенной активности, никаких рисков. Консультативные услуги против денег. Так ты согласен?

Мун задумчиво мусолил спичку и ухмылялся, наслаждаясь эффектом. А то что-то слишком вольготно этот хмырь себя почувствовал. Вот и на «ты» перешел, как только с него слезли и пистолет от башки убрали.

— Что еще не так? — не выдержал молчания белобрысый.
— Вопросы терзают. Если консультант нужен там, то что ты делаешь здесь?
— Так меня за консультантом как раз и отправили.
— Хорошо, — улыбнулся Мун и заговорил быстрее: — Как добрался сюда, если сам не можешь выбраться отсюда?
— Сюда меня привели. — Кто?
— Сталкер.
— Догадался, что не вагоновожатый поезда Москва-Харьков. Как звать?
— Меня?
— Сталкера твоего.
— Кирай.
— И чего Кирай тебя в качестве проводника не устроил? И зачем вы сюда пришли, если проводник уже был?
— Он к себе потащил.
— Сюда? И ты пошел?
— Он мне жизнь спас.
— А сейчас он где?
— Умер.
— С хрена ли?
— От гангрены.

Белобрысый отвечал бойко и без запинки. Либо не врал, либо продумал вранье в деталях заранее. Но отчего-то возникало ощущение недомолвки. Мун замолчал и задумался.

— Допрос окончен? — поинтересовался белобрысый.
— Допустим. — Мун сплюнул спичку и посмотрел белобрысому прямо в глаза. — А чего же ты сразу не предложил денег и работу, если все так, как ты говоришь? Зачем надо было карабином размахивать и драку затевать?

Мунлайт буквально сверлил взглядом, но белобрысый глаз не отвел.

— Знаешь, — сказал он немного изменившимся голосом, — я здесь видел не так много сталкеров. И все вели себя, как последнее говно.

И Мунлайт поверил. Не потому, что услышал нечто приятное или правдивое, а по тому, как это было сказано.

— Это из-за того, что ты не со сталкерами общался, а с бандюками, — улыбнулся он и добавил, сбивая с мысли, если какая лишняя в белобрысую голову заглянула: — А еще кто-то говорил, что я порядочный человек. А выходит, говно.

— С ПБ у виска еще не то скажешь, — проворчал тот. — И потом я проверял. Если ты ни на что не способен, то на кой мне такой исполнитель?

— Проверял, значит. Игрун.

— Игрок, — поправил белобрысый таким тоном, словно делал это не в первый раз. — Кстати, а тебя как зовут?

— Мунлайт, — безразлично откликнулся тот.

Это потому что седой? Мун поднялся на ноги.

— Это потому что Мунлайт. А за лишние вопросы здесь можно неприятностей словить. Считай это бесплатной консультацией. Авансом. Кстати, насчет аванса?

Белобрысый ловко подскочил на ноги. Мун присвистнул. Из такого положения, в котором сидел, да одним движением он бы не смог. Не то Игрок недавно плац топтал и мышцу качал на казенных харчах, не то большой спец в области брейк-данса.

— Я сейчас, — сказал он и полез вниз в подвал.

Мунлайт по этому поводу напрягаться не стал. Прежде чем вылезти из землянки, он вывернул наизнанку рюкзак, разворотил залежи коробок, что каким-то чудом остались стоять у стены. Ничего опасного, кроме реквизированного оружия и саперной лопатки, он не нашел. А патроны сами по себе не стреляют, так чего напрягаться?

Он провел языком по сколотому зубу, выудил из коробка еще одну спичку и принялся мусолить кончик. Кажется, в самом деле подфартило напоследок. Осталось только вместе до

кордона дойти и выдать консультации, какие понадобятся этим ученым-туристам или кто они там.

Что-то, конечно, этот Игрун не договаривает, ну и пес с ним. Здесь у каждого куста свои тайны, и пусть половина тех тайн — секреты Полишинеля, не важно. Главное, чтоб платили.

Из черного провала входа вылетел пустой рюкзак, шлепнулся на землю. Следом показался Игрок. Вылез наружу, раскрыл рюкзак и полез внутрь. Где-то глубоко внутри вжикнула молния.

Мун растерял безразличие. Рюкзак полегчал, он его и бросил. А там, выходит, какие-то скрытые карманчики. Пистолета там, конечно, Игрок утаить не смог бы. Пистолет весит поприличнее, он бы заметил. А вот нож или заточку — запросто. Рано расслабились, камрад Мунлайт.

Впрочем, заточки там не нашлось. На глазах у сталкера Игрок выудил из рюкзачьего нутра две аккуратные банковские пачки, крест-накрест перетянутые бумажными ленточками.

— Это аванс, — протянул пачки Игрок. — За то, что ты выведешь меня за кордон. Дальше будет и другое дело, и другие деньги. Детали обговорите на месте.

— С кем?

— Я ничего не решаю, — ответил белобрысый. — Мое дело — проводника найти. Ну или консультанта, если угодно. Держи, и будем считать, что между нами полное доверие.

— Хорошо.

Мунлайт взял протянутые деньги. Палец как бы невзначай провел по ребру пачки. Жестко зашуршали туго стянутые купюры. Настоящие. Все. Не кукла, с которыми тоже доводилось сталкиваться.

— Только одно условие.

— Какое? — насторожился Игрок.

— Я работаю с напарником. Он тут рядом, в деревне. Сейчас за ним сбегая, и идем. — Мун растянул губы в гадостной ухмылке.

Игрок стоял рядом, потеряв дар речи, и переводил убитый взгляд с Муна на деньги, с денег на оружие, с оружия на Муна и дальше по кругу. Так, должно быть, мог выглядеть робот из читанной в детстве книжки, которого замкнули на противоречие между законами робототехники.

— Эй, — подбодрил Мунлайт. — Не смотри так. У нас же полное доверие. Я вот тебе в знак дружбы и взаимопонимания даже половину денег оставлю, лопатку и бэпэ-шечку.

— ПэБэ, — мрачно поправил Игрок, глядя, как седой откладывает в сторону саперную лопатку, одну из банковских пачек и пистолет.

— Чего это?

— Пэбэ, а не Бэпэ. Пистолет бесшумный. Это его правильное название. По паспорту.

Мун посмотрел на белобрысого с деланной серьезностью:

— Ага. А «бесшумный пистолет» — это его неправильное название.

— Да, — кивнул Игрок.

— Ты как давно демобилизовался? — посмотрел Мун, как на тяжелобольного.

— При чем здесь?..

— При всем. По паспорту тебя ведь тоже не Игруном зовут. А по мне, знаешь ли, как-то «бесшумный пистолет» более по-русски звучит. И БП на слух приятнее. И вообще...

Мун осмотрелся. Взгляд его упал на саперную лопатку.

— Лопату видишь? — спросил он.

Белобрысый снова мотнул головой.

— Вот если я тебе ею сейчас по башке дам, тебе не все равно будет, саперная она, совковая или штыковая? Подумай, а я вернусь скоро.

И бросив пистолет на землю, Мун побрел в сторону деревни.

— Эй, — позвали сзади. — А чего это ты мне пистолет свой оставил? А не винтовку?

— Оптика мне не нравится, — отозвался Мун, не оборачиваясь. — Особенно у тебя в руках.

— Мне тоже. Особенно у тебя.

— Учись доверять.

Мун прошел еще с полтора десятка шагов, когда в спину снова ударило «Эй!». Причем на этот раз обиженное, словно ребенку дали конфетку в красивой обертке, но вместо шоколада внутри оказался пластилин. Не иначе пистолет подобрал.

На этот раз Мунлайт остановился и даже обернулся.

Белобрысый стоял с бэпэшкой в руке и выражением полной деморализации на физиономии. Мун поболтал в воздухе обоймой и уронил ее в жухлую траву.

— Только не бегай, Игрунок, — ухмыльнулся он, глядя, как Игрок рванул вперед.

Тот снова замер растерянно, а Мунлайт, довольный, зашагал в деревню.

5

«Скотина, — металось в голове злое. — Наглая, циничная скотина».

Последняя фраза седого сталкера прозвучала так, что после нее оставалось два варианта. Либо ударить, либо... Ударить Сергей не мог. Потому оставалось торчать посреди этого бездушного гадостного местечка и обтекать.

— Обтечешь, еще придешь, — пробормотал он себе под нос, когда Мунлайт скрылся из виду, и неторопливо пошел за обоймой.

Хоть место, где обронили столь необходимый ему сейчас предмет, и запомнил, а с поисками пришлось повозиться. Трава подмерзла, подсохла, но это не мешало ей остаться здесь пусть вялым, но все еще густым ковром.

Скорее бы уж снег лег. Зимой активность у этих говнюков поменьше. Какие все больше расползаются по норам, какие вовсе уезжают до весенней слякоти. Видно, Зона отчуждения зимой не очень приятное место даже для сталкеров. Впрочем, даст бог, до зимы силами генерала здесь станет почище и поспокойнее.

Пальцы нащупали холодное и твердое. Старлей поднялся на ноги, загнал обойму в ПБ и с пистолетом в руке вернулся к землянке. Седой, кажется, не обманывал. Во всяком случае, если бы он хотел грохнуть Сергея, то уже много раз успел бы это сделать. Но хамство злило, а невозможность ответить на него просто доводила до иступления. И от собственного оброненного «обтечешь, еще придешь» становилось еще более мерзко.

И ведь обтечет. Во всяком случае, пока они не доберутся до кордона и он не сдаст этого седого шутника с рук на руки Хворостину, ему придется обтекать. Ведь кто знает, сколько еще понадобится ждать, прежде чем появится новая кандидатура? И появится ли вообще? И дождется ли он другого такого случая?

— Спокойно, — одернул себя Сергей. — Разнылся тут. Ничего, потерпишь. Не так долго и терпеть. Отольются кошке мышкены слезки.

Дело надо делать, а не ныть. Тем более что это не только долг перед Родиной, но и полезно для карьеры. Причем о том, что это выгодно, он помнил с первого дня. А в том, что этот клоповник не нужен Родине, Карташов после месяца кукования внутри нее был уверен на сто процентов. Сталкеров не должно быть, так же как и Зоны.

Как когда-то пошутил один солдатик, углядевший на их кордоне ооновскую делегацию, в составе которой была пара африканцев: «Расизма не должно быть, так же как и негров». Солдатика того отправили тогда на губу чуть ли не на вечное поселение, потому как один из черных гостей, как оказалось, не только спикал на английском, но и по-русски кое-что понимал. Обиделся.

На негров старлею было наплевать с высокой колокольни, а вот в том, что сталкеров существовать не должно, он готов был расписаться хоть кровью. Романтики он в сталкерстве наблюдал не больше, чем, скажем, в альпинизме. Только если лазающие в горы мужики выглядели просто придурками с атрофированным инстинктом самосохранения, то мужики, шляющиеся по Зоне, не сильно отличались в его глазах от тех, которые на зоне сидели. И можно сколько угодно умиляться благородству бандитов из старых сериалов, от которых прутся дамочки за пятьдесят, но бандит остается бандитом. То же касается и сталкеров. И

заслуживают они только одного. Потому прав генерал — уничтожать! Зона требует глобальной зачистки. И на помойке должен быть порядок.

От осознания причастности к большому делу на душе посветлело. Он служит Родине. А если на этом еще и навариться получится, так и вообще чудесно.

Добравшись в своих размышлениях до этого момента, Сергей окончательно успокоился, подхватил пустой рюкзак и в последний раз полез в землянку.

Мунлайт появился спустя час. За это время Сергей успел собрать нехитрые пожитки, сожрать порцию опостылевшей лапши и отправить пару радужных сообщений на ту сторону Периметра.

Седой, несмотря на рюкзак и два автомата, топал бодрой походкой довольного жизнью человека. Второй мужчина, ковыляющий за его плечом, больше всего напоминал сталкерского Деда Мороза. Огромный, бородатый, взлохмаченный и похмельный. С огромным рюкзаком, АКМом и добрыми, но утомленными глазами.

«Такой Дед Мороз должен приходить к каждому сталкеру, — пришла идиотская мысль, — и приносить подарки в виде артефактов, патронов и яичной лапши — кому что, в зависимости от поведения в течение года. И приходить он должен обязательно второго января. Потому что тридцать первого все сталкеры пьют, а первого похмеляются».

Карташов потряс головой, пытаясь вытряхнуть из нее бредовые думки. Двое сталкеров подошли ближе.

— Это мой напарник, — весело поведал Мунлайт. — Раньше его звали английским словом, а теперь он сторонник возвращения к истокам, потому его зовут Чингачгук Большой Змей.

— Адепт хаоса, — устало буркнул бородатый.

— А то, — отозвался Мунлайт и посмотрел на Сергея. — А это наша сберкнижка.

— Меня зовут Игрок, — сквозь зубы процедил Карташов, чувствуя, что снова начинает злиться.

— Змей, — тяжело выдохнул бородатый, похожий на Деда Мороза сталкер.

Мунлайт тем временем скинул рюкзак и подошел к Карташову. Перед глазами старлея вспыхнул экран ПДА с картой, насколько он смог оценить беглым взглядом, куда более подробной, чем у него самого.

Седой щелкнул зуммером, и карта поплыла, удаляясь. Крупные объекты сделались мелкими, Зона съежилась, чуть ли не полностью уместившись на экранчик.

— На какой кордон идем?

— Сюда, — ткнул пальцем Карташов.

Мунлайт отчего-то заулыбался и повернулся к Змею.

— Слышь, Снейк, возвращаемся. Не прошло и года.

Большой бородатый сталкер с добрыми усталыми глазами неопределенно кивнул. Судя по его поведению, Змея в самом деле томило похмелье. Он был возвышенно-апатичен и печален великорусской утренней грустью.

Седой, напротив, если и составлял компанию своему приятелю, то видимыми последствиями не страдал. Выглядел свежим, как огурец.

— Держи, — он деловито пихнул Сергею «Калашников». — Это тебе вместо твоей трехлинейки. Махнул не глядя.

— Спасибо, — отозвался Сергей, принимая автомат и пяток рожков следом, которые Мунлайт передал ему уже без комментариев. Видимо, надоело изгаляться.

«Выдохся седой», — злорадно подумал Карташов.

— Бэпэшку отдай, — потребовал Мунлайт.

— ПБ, — поправил Сергей на автопилоте и тут же пожалел.

— Лопата, — гнусно ухмыльнулся седой сталкер. — Малая пехотная, большая саперная, для уборки снега. По лбу дам — вспомнишь, какой получил?

Старлей зло скрежетнул зубами, но сдержался. Мунлайт между тем застегнул рюкзак, нацепил на себя все снаряжение, припрятал пистолет, предварительно проверив обойму и предохранитель. Через полминуты он бодро поглядел на попутчиков.

— Ну что? Потопали, бродяги?

Змей буркнул что-то нечленораздельное. Карташов ограничился легким кивком.

— Тогда я сзади, Сберкнижка впереди. Снейк посередине.

Сергей, собравшийся было уже идти следом за сталкерами, недобро поглядел на Мунлайта.

— Чего встали, вашеество?

— У вас это, кажется, называется «отмычки»? — припомнил Карташов. — Так я не совсем дурак, чтобы...

— Совсем, — оборвал Мунлайт. — До отмычки тебе еще дорасти надо. Пока пойдешь впереди. Здесь спокойно, я тут месяц гулял. Знаю. А Снейку сейчас надо просто топать. Посмотри на него, он думать после вчерашнего еще не научился. Куда его вперед?

— А сам? — поддел Карташов.

— Впереди дорога длинная. Хочешь, иди сзади сейчас. Потом поменяемся. Только тогда ты не отмычкой будешь, а мясом. Кстати, вторую часть денег верни сразу.

Сергей помялся.

— Ты ж мне их сам отдал. В качестве гарантий.

— Ты тогда о помощи просил, — напомнил Мунлайт, — а теперь своевольничать начинаешь. Я не в претензии. Мы тебя так и так поведем. Просто если ты станешь делать чего хочешь, а не чего говорят, то, скорее всего, до кордона мы без тебя дойдем. Так что отдай деньги, целее будут.

Старлей поглядел на седого изучающе. Сейчас на лице Мунлайта не было и тени улыбки. Сталкер был серьезен, как никогда, и Карташов сдался.

— Ладно. Куда идти?

— Правое плечо вперед, — бодро распорядился Мунлайт.

6

Мун не торопился. К чему спешить, если все равно ему понятно, что ночевать, скорее всего, придется на свежем воздухе. Добежать от деревни Резаного до кордона до темноты смог бы, наверное, только очень удачливый и очень рискованный человек. Сильно удачливым Мун себя не считал. Рисковать без особенного смысла мог, но исключительно в свое удовольствие. Сейчас был не тот случай. Потому наращивать темп и увеличивать риски, да еще с балластом на шее, не хотел.

Проще было понаблюдать за «балластом» и посмотреть, на что тот способен. Пока картинка выходила странной.

Белобрысый явно был новичком в Зоне. Такое лоховство не сыграть. При этом он выигрышно отличался, например, от Хлюпика, которого Мун подобрал на кордоне пару месяцев назад. В отличие от абсолютно интеллигентного городского жителя Игрок явно бывал в разных ситуациях, далеких от Москвы и ее жизни. В нем чувствовалась более серьезная физическая и моральная подготовка к нестандартным ситуациям. И понимание того, что в местных условиях он полный профан, у белобрысого тоже было.

По отдельным наблюдениям Мунлайт готов был поклясться, что назвавшийся Игроком из армейских. Но были черточки, которые активно рушили образ дуболома-вояки с одним уставом в голове. Да и чего бы делать военным так глубоко в Зоне?

Те, что дернули сюда на ПМЖ и «Долг» сварили, в расчет не идут. Игрок к ним явно не относится. А те, что контролируют Периметр, в Зону лезут только на вертолетах, да и то чаще в сопровождении каких-нибудь ботаников.

От мыслей оторвал пронзительный всписк. Мун подпрыгнул от неожиданности. На источник звука воззрился со смесью злости и удивления. Пищал Игрок. Сам он на мерзкие переливы тоже среагировал. Застыл и завертел башкой.

— Эй, Сберкнижка! — позвал Мун. — Чего у тебя там?

— Датчик аномалий, — поделился тот.

— Ааа, — протянул седой. — Нужная вещь в хозяйстве? Птиц со взлетной полосы отгоняет?

Мун обошел замершего Снейка и приблизился к белобрысому. Датчик, который тот держал теперь в руках, продолжал заливаться на одной ноте, что весьма бесило.

Седой оглядел дорогу перед Игроком, поморщился от назойливого звука.

— Слушай, у него кнопка есть?

— Какая кнопка? — не понял белобрысый.

— Сберкнижка, ты тупой? — посмотрел на него Мунлайт, как на собаку добрую, славную, но безмозглую, как валенок. — «Вкл. Выкл.».

Игрок бросил сердитый взгляд на датчик, словно искал там кнопку с похожей маркировкой, потом посмотрел на Муна. Тот не выдержал.

— Выруби эту хрень, чтоб она на нервы не действовала. Тот сообразил наконец, убрал звук. Теперь датчик не

пищал, а только помаргивал пульсирующей ниткой света, бегущей по монитору.

Мунлайт тут же потерял интерес к белобрысому с его гаджетом и начал медленно с прищуром разглядывать детали пейзажа. В руке невесть откуда появился болт. Сталкер принялся неторопливо крутить железку с резьбой в пальцах. Дорога была чистой. Вдоль дороги, вернее, раздолбанной колеи, змеилось нечто вроде обочины.

По правую руку заросшая жухлой травой полоска земли ширилась на полметра. Дальше начинались кусты, некогда густые, они облетели и стояли теперь колючими и голыми, как гигантские выщипанные метелки.

Слева расстояние до кустов и деревьев было побольше. Вот только от дорожки вниз шел небольшой обрыв, внизу которого на метровой глубине поблескивала мокрая жижа. Здесь ничего опасного не было. Впереди тоже.

Мун скосил глаза на датчик. Тот хоть больше и не пищал, но все так же помаргивал, рассказывая об опасности.

Болт в пальцах потеплел и намок. Опасности, вопреки показаниям хитрой машинки, видно не было. Хотя чем черт не шутит.

За плечом сопел Игрок. Мунлайт подбросил на руке болт.

— Это кто ж такие производит? — подал голос Снейк, обращаясь, видимо, к белобрысому и имея в виду датчик.

Игрок смолчал, полностью увлеченный действиями Муна. Тот снова подбросил болтик и резко метнул его вправо от дороги. Там впереди зияла в пожухлой траве проплешина, на которой кружились в ритме вальса несколько желтых листьев.

Болт пролетел над листьями, ударился в край проплешины и отрикошетил дальше в кусты.

— Китайцы их производят, — ядовито заметил Мунлайт. — Или наши вани за зарплату в сто рублей.

— Ничего подобного, — возмутился Игрок. — Это серьезная разработка.

— Ага, — ухмыльнулся Мунлайт. — Судя по тому, как она работает, ее серьезно разрабатывал какой-нибудь Ли Си Цын в своем гараже. Снейк, ты там как?

— Живой.

Бородач и вправду стал выглядеть поживее. Похмельная немощ ушла, вселенская тоска покинула чело. Да и вопросы задает, интересуется чем-то. Стало быть, отпустил синдром.

— Тогда ты в арьергарде, — бросил Мун и отпихнул плечом белобрысого.

Тот напыжился было, но не успел ответить.

— А ты давай за мной. И лучше след в след.

Ничего подозрительного на горизонте пока не наблюдалось, но дурацкий датчик взвинтил нервы. Кажется, психологи называют это фрустрацией. Обманутые ожидания и внутренний напруг в связи с этим.

Дорога скоро кончилась. Поперек раскисшей глинистой колеи шел глубокий разрез. Следом за ним веером расположились еще несколько. Словно кто-то полоснул по земле гигантской когтистой лапой. Причем коготки были по паре метров длиной.

Думать о том, каких размеров должна быть лапа, на которой могли вырасти такие когти, или чем еще можно было так расплосковать грунт, не хотелось. Мун заглянул в ближайший разлом. На дне глубокой канавы было что-то жидкое, похожее на грязь, вот только грязь обычно не светится.

— Слышь, Сберкнижка, — позвал Мунлайт. — А чего там твой датчик? Работает?

— Работает, — отозвался Игрок таким тоном, будто ждал нового подвоха.

— А звук ты включил?

— Включил, — сердито сказал белобрысый.

— Точно?

— Точно.

В голосе Игрока звучала из последних сил сдерживаемая ярость. Мун повернулся и улыбнулся плотоядно, так мог улыбаться саблезубый тигр при виде безоружного питекантропа или маньяк-насильник, узревший фигуристую блондинку в короткой юбке, которая сама зашла в темную подворотню.

— Ну тогда бери правее, — поведаль седой.

Подошедший сзади Снейк подбодрил Игрока коротким тычком в плечо. Тот скривился, видно, последствия драки в темном подвале остались не только на роже, но и под одеждой, на бородатого посмотрел с неудовольствием.

Он вообще смотрел на все без удовольствия, а с таким выражением, словно ему пообещали золотые горы и отправили мести двор.

«Занятно», — подумал Мунлайт и осторожно зашагал через кустарник.

Петлю пришлось заложить не большую, не маленькую. Кусты скоро кончились, а бороздки от «когтей», хоть и стали меньше, тянулись еще какое-то время. Он ждал, что разломы сойдут на нет постепенно, но те оборвались, словно по когтистой лапе кто-то вдарил в назидание, и та поспешно отдернулась, прекращая безобразие.

Поле, раскинувшееся перед ним, казалось знакомым. Громоздились остовы сельской техники прошлого века. Дальше на север торчали опоры ЛЭП с провисшими, а где-то и просто оторванными проводами.

Мун поежился. Воспоминания полуторамесячной давности оказались не самыми приятными. С другой стороны, все, что касалось похода на север, осталось в прошлом. Причем во всех смыслах.

Можно, конечно, было завернуть еще большую петлю, пойти мимо Янтаря, поискать приключений на задницу и побередить раны, но заниматься подобной глупостью он не собирался. Теперь все будет просто и быстро. Они вернутся на маршрут, по прямой выйдут к «Долгу», там заночуют, а завтра утром будут на кордоне.

Потом высокооплачиваемая работа «консультанта» — и прочь отсюда. Далеко и надолго. А может, навсегда. На пару со Снейком искать понимания и гармонии. Хотя он не очень-то верил в то, что в той, другой жизни их пути не разойдутся.

Кем он будет вне Зоны? Кем станет в мирной жизни Снейк? Кем Змей вообще был до того, как попал сюда? И почему он сюда попал?

Зона стирает прошлое. Оно становится не важным, несущественным. Считай, что его и не было никогда.

Зона отбирает у людей имена и биографии. Дарит клички и репутации, которые зарабатываются с нуля. Попал сюда — считай, родился заново. Никого не интересует, что было до, но все смотрят на то, что происходит здесь и сейчас.

Зона расставляет точки над «i». В ней нельзя жить воспоминаниями. В ней невозможно жить планами на будущее, потому что один неосторожный шаг — и будущего не станет. Неловкое движение — и все оборвется. И нельзя будет подать на апелляцию, невозможно

перезагрузиться и запустить сохранение. Сталкер, как сапер, ошибается один раз. И живет настоящим.

Во всяком случае, он так живет. Жил. А теперь вот подходит к некоему рубежу, за которым другая жизнь. И тут возникает закономерный вопрос: как в нее возвращаться? Кем? И с чем? Ведь там живут и завтрашним, и вчерашним. А те, кто сегодняшним, обычно не живут, а прожигают.

Боязно возвращаться.

Боязно!

Мун замер, ощутив эту боязнь всем естеством. Не какую-то эфемерную от столкновения с неведомым завтра, а вполне реальную от чего-то материального здесь и сейчас.

Сзади замерли тихие, взвешенные шаги.

— Чего там? — едва слышно спросил Игрок.

Но Мун лишь молча вскинул руку, заставляя заткнуться. Вокруг было тихо, как в брошенном под снос доме. Ни скрипа, ни шороха — ничего. Только ветер посвистывал. Не сильный, но ощутимый.

Мунлайт послунывал палец, поднял вверх. Восточный. И усохшая серо-коричневая трава стелилась по земле в соответствующем направлении. Только шагах в двадцати растительность закручивало против ветра.

Визуально это более всего напоминало человеческую макушку. Как ни зачесывай волосы в одном направлении, а на макушке один черт их завернет по кругу против твоего желания. И хотя ветер старательно зализывал эту «макушку», та нет-нет, да проявлялась.

Мун повернулся к Игроку и растекся в фирменной ухмылке:

— Чего, Сберкнижка, ссыкотно?

— Да иди ты! — не выдержал белокрысый. Видно, и впрямь нервы натянулись до опасного предела.

— Ладно-ладно, — примирительно заворковал седой. — А чего датчик твой, работает?

— Работает.

— И звук включен?

— Включен.

— Ну-ка дай его сюда, — протянул руку Мунлайт. Белокрысый посмотрел на протянутую ладонь с непониманием, но прибор отдал безропотно.

Машинка оказалась довольно тяжелой и неудобной. Все то же самое можно было собрать в более миниатюрном виде.

— Мейд ин Тайвань, — брезгливо поведал Мун и перехватил прибор поудобнее, рассчитывая траекторию.

Замах получился довольно внушительным. Иначе датчик рисковал не долететь куда надо. Прибор сорвался с руки и полетел вперед, туда, где жухлая трава пыталась закрутиться по спирали.

Что-то вскрикнул сзади Игрок. Кажется, даже дернулся к Муну, чтобы сказать все, что о нем думает, а слов накопилось, должно быть, много. Но так и застыл, недоскочив и недокричав.

Датчик преодолел расстояние до «макушки». Дотянул на последнем издыхании, можно сказать. Расчет тем не менее оказался точным, и прибор должен был приземлиться аккуратно в центр «макушки», но этого не случилось.

Вместо того чтобы, согласно законам физики, грянуться о землю и развалиться на запчасти, датчик сбавил скорость, оттолкнулся от воздуха, смещаясь в сторону, и завис сантиметрах в шестидесяти от земли. А затем, и вовсе наплевав на прописанные в школьных учебниках, как аксиомы, истины, изменил направление движения.

Теперь на глазах ошалевшего Игрока прибор с какой-то самостоятельной, непонятно чем обусловленной скоростью принялся двигаться по кругу. При этом он парил над землей и падать не собирался. Наоборот, поднимался все выше.

Круг, по которому носился датчик, увеличивался на глазах. Скорость вращения возрастала, пока не достигла совершенно невероятных масштабов.

— Осторожно, — миролюбиво предупредил сзади голос Снейка.

В следующую секунду раскрученный до неимоверной скорости прибор словно взорвало изнутри. Раздался хлопок, и в стороны полетели осколки металла и пластика.

— О! — обрадованно сообщил Мун, поворачиваясь к белокрысому. — Он в первый раз сработал как надо. Аномалию нашел.

Игрок смотрел на успокаивающуюся аномалию с открытым ртом. Впрочем, надо отдать ему должное, он быстро пришел в себя.

— Стоимость оборудования вычту из гонорара, — предупредил он.

— Вот еще, — фыркнул Мунлайт. — Спишешь.

— По какой статье расхода? — злобно поинтересовался белокрысый.

— А здесь одна статья — Зона, — вклинился Снейк и поглядел на напарника: — Слушай, адепт хаоса, ты будешь из себя Гарри Гудини изображать и фокусы показывать, или мы все-таки пойдем?

7

Внутри клокотало. Умом Сергей понимал, что датчик работал через пень-колоду и, по сути, был только обузой. Безвременная кончина прибора в аномалии, которую тот не разглядел, хотя был создан именно для этого, жалости также не вызвала. Но все это ничего не значило, потому что уничтоженное, пусть и бесполезное, имущество было только поводом для злости.

Причина сидела глубже. Карташова бесил этот седой выскочка с дрянным характером и идиотскими шутками. Старлей уже с теплотой вспоминал забулдугу Киряя с его ворчанием и сакраментальными вопросами к господу богу. Если бы бедный старый алкоголик безременно не сыграл в ящик, вся эта эпопея давно бы уже закончилась. И проводник был бы не менее профессиональным, но куда более приятным в обхождении.

С другой стороны, у седого есть перед Киряем одно большое преимущество. Карташов быстро оглянулся на идущего позади Змея.

Да, в дальнейшем общении с Мунлайтом это козырь. Седой, похоже, к своему напарнику всерьез хорошо относится. Таким образом, бородатый из разряда напарников переходит в разряд заложников. А это уже хоть какая-то возможность манипулировать этим своенравным седым говнюком.

Сергей почувствовал, как от этой мысли на душе становится спокойнее. Бальзам на сердце.

Карташов отбросил сторонние размышления и сконцентрировался на дороге. Сделав довольно внушительную петлю, они вернулись обратно к тропке. Та стала как будто шире и основательнее. Даже куски асфальта и щебенки мелькнули. Но где-то вдалеке, за деревьями.

Вместо того чтобы выйти на дорогу и идти, как все нормальные люди, седой пошел параллельно по поросшим чахлыми кустами буеракам.

— Там дорога, — не выдержал Сергей.

— Я знаю.

Мунлайт был спокоен и ехиден. Как обычно. На его реплику не то что не остановился, даже не обернулся.

— Может, пойдем по дороге?

— По дороге никто не ходит.

— Раньше же шли, — не унимался Сергей, хоть и понимал, что лучше прикусить язык.

— Раньше было раньше.

— Слушай, Сберкнижка, — осадил сзади голос Снейка. — Ты жить хочешь? Если нет, то иди куда считаешь нужным. Только к чему тебе проводник тогда был нужен?

— Заткнулись оба, — грубо оборвал Мунлайт. Карташов, оглянувшийся было на Змея, повернулся обратно и чуть не наскочил на застывшего соляным столпом Мунлайта.

Тот поднял руку, жестом призывая не двигаться. Старлей замер. Притихли за спиной шаги бородатого.

С тихим шорохом падали одинокие, запоздавшие с увяданием листья. Где-то очень далеко что-то потрескивало, словно стрекотал кузнечик размером с мотоколяску. Сперва Карташову показалось, что именно этот звук насторожил сталкера. Но седой не прислушивался, а присматривался.

Старлей проследил за его взглядом и остолбенел, чувствуя, как у него самого появляются седые волосы. Впереди на внушительном расстоянии, но вполне заметный, стоял человек. Абсолютно прозрачный.

Переливчато присвистнул Змей. Сергей дернулся от этого звука, показавшегося в установившейся тишине неимоверно резким. Мысли поскакали бешеным галопом. Эта прозрачная тварь все-таки увидела его тогда, около деревни, и следила за ним. И теперь пришла за ним. Или за кем-то из его провожатых? А может, случайность?

— Судя по всему, — произнес Мунлайт очень тихо, — вы его тоже видите.

— Видим, — отозвался Змей. — А кто-нибудь такое раньше видел?

Седой повернулся к Карташову. Глазки сталкера показались Сергею маленькими и колючими, словно Мунлайт поймал его за руку на воровстве. И старлей вдруг удивительно ясно понял, что не может сказать правду.

— Я — пас, — пробормотал он, стараясь не глядеть на седого.

— Двое нас, — процедил Мунлайт сквозь зубы и добавил: — Ненавижу преферанс.

Карташов глядел на призрака. Точно, вот кого напоминал дрожащий прозрачный силуэт. Призрак из фильмов про охотников за привидениями. Неестественный, прозрачный, дымящийся. Словно какой-то ненормальный стеклодув выдул фигуру человека и принялся накачивать ее табачным дымом.

Призрак не двигался. Если не считать неспешного хаотичного движения составлявших его тело дымков. И от этой застывшей фигуры было жутко до дрожи.

«Чего встали?» — хотел спросить Сергей. Но язык прилип к небу, а тело будто онемело. Это от мутанта или человека можно убежать. В него можно выстрелить. Его можно, хоть и трудно, убить. А что делать с куском тумана? И что может сделать ему этот прозрачный бесплотный мужик? Это ведь не средневековый замок с нафантазированными привидениями. Здесь пугают не неупокоившимся духом, а вполне себе конкретной сущностью неясного происхождения.

— Так, медленно поворачиваем и уходим, — начал Мунлайт вкрадчивым голосом.

И в этот момент прозрачная фигура пришла в движение. Она качнулась, будто ей наскучило ждать, когда люди примут какое-то решение, и двинулась им навстречу.

Время застыло, словно в замедленном кадре. Страшное, невозможное, непостижимое сделало шаг, еще один.

Нервы сдали, и Карташов дернул с плеча «Калашников». Тело сработало на рефлексах. Руки перехватили автомат, палец сдернул предохранитель из одного крайнего положения в другое. Другой лег на спуск.

— Аааааа!

«Калаш» затрещал, забился в руках. Сергей орал что-то матом. Накопившийся за месяц страх вырвался наружу и его руками поливал свинцом кусты и удаляющийся куда-то силуэт. Призрак уходил прочь без какого-либо вреда.

Что-то проорал Змей. Гаркнул Мунлайт, хватая за разгоряченное плечо. Старлей снова закричал нецензурно, теперь уже проводникам. От звука собственного голоса в голове будто перемкнуло, и все закончилось. Почти все.

Рев продолжался. И ревел теперь не старлей.

Карташов повернулся к проводникам, пытаясь понять, что происходит. Змей с Мунлайтом стояли с автоматами наперевес. Бородатый был бледен, седой зол и раздражен.

— Отходим, — пятясь прорычал Мунлайт.

— Куда? — не понял Карташов.

Седой ответил витиевато со вкусом, из чего стало ясно, что Сберкнижка может отходить туда, откуда на свет появился.

Карташов резко обернулся и снова дернул спусковую скобу. «Калашников» сухо ответил пустым магазином. Сергей попятился, на ходу меняя рожок. Снова захотелось закричать, но глотку перехватило спазмом.

Между деревьев, там, куда он полностью расстрелял магазин, прозрачной человеческой фигуры не было. Призрак ушел. Зато его место заняла огромная неповоротливая тварь из детского ночного кошмара.

Гладкое, лишенное шерсти тело покрывали вздувшиеся бугры жил. Верхние конечности казались недоразвитыми, точно крылья цыпленка, зато нижние походили на оторванные от избушки на курьих ножках. Нелепая громоздкая поломанная фигура выглядела так, словно обезумевший мясник порубил на части кучу плоти, а придя в себя, раскаялся в содеянном и кое-как слепил гору мяса обратно.

Вышло нечто непропорциональное с огромной головой, лишенной шеи. С невероятных размеров морды бессмысленно таращились злые мелкие глазки. Нос отсутствовал как класс. Зато пасть была чуть ли не в полбашки, и зубы в этой пасти торчали в два ряда, острые и крупные, как у акулы.

«А еще я в нее кушаю», — пронеслось в воспаленном сознании.

Ростом монстр был едва ли ниже Карташова, а у старлея в медицинской карте значилось сто семьдесят восемь сантиметров. Но если на его метр семьдесят восемь приходилось восемьдесят два кило живого веса, то в монстре было никак не меньше пары центнеров.

И эти центнеры с зубами, подвывая, ковыляли на них. По правой ноге монстра бежала густая темная струйка. Не иначе Карташов подстрелил тварь, пока шарашил по призраку. Это твари не понравилось, и сейчас она хотела сатисфакции.

Все это оттикнулось в мозгу за какую-то тысячную долю секунды. Пустой магазин шлепнулся на землю. Сергей поспешно всобачил взамен него свежий.

Он продолжал пятиться. Хотелось развернуться и побежать, но проводники отчего-то не бежали, а также отползали, словно раки, медленно спиной вперед. То ли дело тварь!

Груда мышц запрокинула огромную, как колода, голову с мелкими глазками, взвыла и бросилась к людям, наращивая темп.

Мунлайт выматерился и дал короткую очередь. С другой стороны коротко рывкнул автомат Змея.

Карташов тоже выстрелил, стараясь бить прицельно, но руки тряслись, как у хмельного. Тварь рванула вперед здоровыми скачками.

— Бежим!

Кажется, это крикнул Мунлайт. Сергей уже не разбирался в таких тонкостях, просто принял это как приказ. Убрав от греха палец со спуска на скобу, он развернулся и побежал прочь. Сзади ревела тварь. Видимо, сопротивление жертвы в ее планы не входило.

Монстр догонял. Скачки его, гулкие и тяжелые, были слышны уже довольно отчетливо. Сталкеры тоже двигались рывками, поочередно оборачиваясь и стреляя в зверюгу короткими с разворота.

— Снейк, давай в стороны, — на этот раз кричал точно Мунлайт.

Змей послушно свернул налево, сам Мунлайт дернул вправо. Сергей замешкался, плохо соображая, за кем держаться.

— Вперед, Сберкнижечка! — отчаянно гаркнул седой. И, подчиняясь приказу, Карташов побежал вперед.

Под ногами хлюпало. В ушах стучала кровь. Оглянулся Сергей только один раз, когда чавкающие шлепки звериных ног по хлипкой грязи сбавили темп.

Отвратительный, безобразный мутант остановился, растерянно завертелся, будто соображая, каким образом единая цель разделилась на три и за которой из трех теперь бежать. Из глотки зверя вырвался рык, полный боли и обиды, и монстр кинулся дальше, по прямой, за Сергеем.

Хана, метнулось в голове.

Карташов завертелся в поисках поддержки, но проводники разбежались в разные стороны, а зверь несся теперь на него.

Бросили. Все бросили. Кранты.

Старлей развернулся и побежал. Побежал так, как не бегал никогда в жизни. Ни в школе, ни в учебке, ни...

Мысли оборвались. Назад-то дороги нет. Там же развалы и эта аномальная дрянь, которая разорвала на части датчик.

Сергей замешкался на мгновение, и это решило дело. Секундное сомнение сбilo с ритма. Нога запнулась. Он споткнулся и, не успевая поймать равновесие, полетел вниз в хлипкую осеннюю грязь. Позади чавкали шаги монстра.

Карташов перекатился на спину и нажал на спуск. Автомат задержался конвульсивно, словно тоже прощался с жизнью и стрелял из последних сил. Несколько пуль с чавкающим звуком вошли в плоть странной твари, но не остановили.

Монстр взвыл и кинулся на Сергея, до которого оставалось всего несколько скачков.

Старлей вскинул автомат, стиснул палец на спусковой скобе и зажмурился, не желая видеть, как жуткие челюсти вгрызутся в его тело. Затрещало. Треск автоматных очередей раздвоился, разстроился... Или это отдавало эхом в голове у Карташова?

А потом раздался дикий протяжный рев, и что-то немилосердно ударило по ногам. Земля дрогнула, будто на нее упало небо. Нижние конечности словно попали под пресс. И все стихло.

Карташов лежал на спине без сил и слушал себя и окружающий мир, боясь открыть глаза. Может, он уже умер и в другом мире?

Где-то вдалеке хриплый голос затянул «Moonlight and vodka». Ноги давило, не давая пошевелиться. В руках был по-прежнему зажат выжатый до последнего патрона АК. И Сергей понял, что все еще жив.

— Эй, Сберкнижка, уснул? — Голос был ядовитый, но в нем чувствовалось несказанное облегчение.

Карташов открыл глаза и содрогнулся. Мерзкая, дохлая теперь уже тварь валялась рядом, тупой мордой прижав к земле его ноги. Сергей тщетно задержался, пытаясь высвободиться.

— Не дергайся, — посоветовал подошедший Змей и поглядел на седого приятеля. — Ну что, на раз-два?

— Взяли, — согласился Мунлайт.

Старлей с брезгливостью наблюдал, как сталкеры подхватили тварь за огромные, похожие на птичьи конечности, потянули. Туша шла тяжело, видимо, и вправду весила не меньше двух центнеров. Ноги рвало и тянуло так, словно по ним ехал трактор.

Наконец Сергей смог высвободиться. Поднялся с трудом. Все болело. Но, кажется, все было цело.

— Что это было?

Мунлайт выудил из кармана коробок со спичками, открыл. Выдернул одну, но пальцы слушались плохо, и спичка нырнула в грязь. Седой чертыхнулся, достал другую.

— Псевдогигант, — пояснил Змей. — Сильная тварь и живучая, это плохо.

Мунлайт зажевал наконец спичку, добавил с ухмылкой:

— Но неповоротливая и тупая, как валенок. Это хорошо.

Змей поглядел на Сергея изучающе.

— Сберкнижка, ты идти-то сможешь?

— Смогу, — бодро, как ему казалось, сказал Карташов, но голос свистел и сипел подобно дырявой волынке.

— Тогда топай за мной и без самостоятельности, — серьезно посоветовал Мунлайт. — Усек? А то...

— А то что? — набычился старлей.

— А то в другой раз я тебе сам ноги сломаю, — мягко, удивительно по-доброму пообещал Змей.

8

Добраться до кордона, как он и полагал, не успели. Впрочем, ночевать под открытым небом Мун не собирался. Не для того он обзаводился знакомствами в разных уголках Зоны, чтобы спать на свежем воздухе.

Блокпост возле базы «Долга» ничуть не изменился. Мунлайт даже заприметил там знакомые рожи. Фигуры привычно напряглись. Лязгнуло оружие. «Бдят ребята», — мысленно отметил Мун и тихонько засвистел знакомый мотивчик.

— Еперный театр, — воскликнул тот из «долговцев», что стоял ближе других, немолодой дядька с металлическими коронками на передних зубах. — Да это ж Мун.

— Здрасьте, на фиг, — отозвался седой.

И тут же оказался в центре внимания. Сонные и суровые, как ноябрьское утро, часовые высыпали к подернувшемуся ржой шлагбауму и принялись донимать глупыми вопросами. Мун слушал вполуха, отвечал через раз, улыбался.

Задерживаться здесь не хотелось, а скупающие «долговцы», похоже, нашли себе развлекуху. Белобрысого оттеснили, и он предпочел не отсвечивать. Снейк стоял в стороне и смотрел на происходящее с легким оттенком ревности. Мун поймал его укоризненный взгляд и оборвал поток красноречия.

— А что, в «Сотке» свободно?

— Дык, — сказал мужик с железными зубами. — Мертвый сезон начинается. Все как обычно. Ты скажи лучше, где тебя носило?

— И чего у тебя с головой, — хохотнул второй, помоложе. — Или так теперь модно?

— Ну ты нах, — отмахнулся Мун от молодого. — За такие вопросы знаешь, чего бывает?

— Чего?

— Вот у него спроси, — авторитетно заявил седой и кивнул на мужика с коронками.

С шутками и прибаутками они оставили за спиной блокпост. Снейк сократил расстояние и топал теперь почти вровень с Мунлайтом. Белобрысый, глядя на него, тоже расслабился и зашагал плечом к плечу с бородатым.

Мун и сам шел легко, как по парку Горького, и насвистывал.

— Чего это он все свистит? — заинтересовался Игрок.

— Moonlight and vodka, — напел бородатый в тон. Сверху посыпала снежная крупа. Холодная, плотная, неприятная. Мун петлял знакомыми переходами и с грустью думал о подступающей зиме. Одно грело, зимовать здесь не придется. Они срубят денег и...

И? Мунлайт вздохнул и вышел на площадку, которая могла претендовать на звание центральной площади. Фасад одного дома был увенчан вывеской «Арена», на стене другого красовалась стрелка с подписью «Сто рентген».

— Эй, Сберкнижка, как тебе местные реалии? На что похоже?

— На кино про wild wild west⁶. Только вывески «Салун» не хватает.

— Будет тебе салун, — пообещал Снейк.

Мунлайт тем временем нырнул под вывеску с рентгенами.

— Midnight in Moscow is sunshine in L.A., — пропел он. — Yes, in the good old U.S.A.⁷

Последние повороты и закутки проскользнул ужом с каким-то неясным предвкушением. словно ждал встречи со старым добрым знакомым. Скатился вниз по лестнице и уткнулся в вечно дежурящего на входе хмыря. Тот был уныл и молчалив, как обычно. Мун бросил ему автомат, подмигнул и, оставив попутчиков разоружаться, устремился в зал с такой прытью, что халдей не успел даже буркнуть свое коронное: «проходи, не задерживайся».

⁶ Дикий дикий запад (англ.)

⁷ Полночь в Москве, а в Лос-Анджелесе светит солнце. Да, в старых добрых Штатах (англ.)

Зал был пуст. Не было даже привычного жужжания голосов. Только в дальнем углу выпивали двое бродяг, и еще один устроился прямо у входа с тарелкой чего-то дурно пахнущего. Бюджетный вариант, не иначе.

Бармен стоял за стойкой один. За те полтора месяца, что Мун его не видел, хозяин «Сотки» отожрался и погрузнел еще больше. Кроме того, отпустил густые, мохнатые, как мочалка, усы и напоминал теперь старого обрюзгшего моржа.

— Здравсьте, на фиг, — подкатил к стойке Мун. — Ты это к зиме приготовился? Жирок нарастил?

— На себя посмотри, — в тон ему отозвался бармен, хотя было видно, что ему приятно встретить давно не виденное лицо старого знакомого.

— А со мной-то чего не так?

— Вэлла, вы великолепно, — продекламировал бармен. — Это какой же парикмахер тебя так выкрасил?

— Шутник.

Мун поглядел на бармена. Да, этого заведения ему, наверное, будет не хватать. И этого барыги тоже.

— Пива лучше налей.

— Кружку?

Сталкер отклонился назад от стойки, посмотрел на застрявших при входе попутчиков. Качнулся обратно.

— Три.

Бармен нагнулся, крикнул и снова распрямился, выудив из-под стойки три кружки. Переваливаясь с боку на бок, как здоровый жирный гусь, добрался до холодильника, выудил три бутылки пива и вернулся обратно. Пробка отлетела со щелчком. Пиво золотистой струйкой потекло по стеклянным стенкам, заполняя кружку и поднимая жиденькую волну пены.

— Только учти, — важно поведал барыга. — У нас сезонное повышение цен.

— Учел уже, — усмехнулся Мун. — Сезонных скидок у тебя отродясь не было.

— Жизнь дорожает, — поведал бармен.

Мун подхватил наполнившуюся кружку и сделал жадный глоток.

— Давай-давай, расскажи мне, старый спекулянт, про инфляцию. А Сынка куда дел? В рабство продал от безденежья?

— В Севастополь уехал. У него там тётка, — вздохнул бармен. — Обещал вернуться в апреле. Надеюсь, не передумает. С тебя...

— Погоди, счетовод, — перебил Мунлайт. — Еще рано. Сделай чего-нибудь пожрать побольше и посытнее, чтобы накормить двух голодных мужиков.

Бармен с удивлением поглядел на седого. Потом перевел взгляд Муну за спину. Тот обернулся. От входа к стойке заворачивали Снейк с Игроком.

— Этых, — кивнул Мунлайт.

— А сам чего?

— Ты же меня знаешь. Я уже пиво пью. На кой мне жратва? Кальмары есть?

— Есть, — отозвался бармен, вытаскивая из-под стойки, как фокусник из коробки, здоровую пачку сушеного кальмара.

— Свежие?

— Относительно.

— Значит, просроченные, — пояснил Мун вставшему рядом Игроку.

Тот выглядел вконец уставшим и нервным, как истеричка во время менструации. Казалось, только тронь, разорется на весь бар. Но белобрысый, при всем при том, в руках себя ещё держал.

— На дату посмотри, да и все, — буркнул он.

— В тот день, когда хоть на одном товаре, проданном в этих стенах, будет стоять срок годности или дата выпуска, в радиусе тридцати пяти километров передохнут все слепые псы, — патетически поведал Снейк.

Бармен на остроты в свой адрес не реагировал. Он теперь был занят готовкой. Хотя готовкой это мог назвать только студент или сталкер. Из глубокозамороженных, покрытых даже не инеем, а снежной коркой картонных коробок были добыты пластиковые лоточки с чем-то одревеневшим. Первый из них уже крутился в замызанной микроволновке, второй стоял рядом и ждал своей очереди. На коробках сквозь проталины светилась надпись: «готовый обед».

— Да, тяжело тебе без Сынка, я гляжу, — оценил стряпню бармена Мунлайт.

— Ничего. Зиму перекантуюсь. Не один Сынок в цивилизацию подался. А те, кто зимует, привыкли и без разносолов.

Дзынькнула микроволновка, сообщая, что блюдо готово к употреблению. Бармен выудил лоток и заменил его задубевшим в морозилке собратом. Содержимое лотка, перевернутого ловким движением вверх ногами, шлепнулось на тарелку. Количество пара поуменилось, видимо, сверху «готовый обед» прогрелся лучше, чем снизу.

Бармен поставил тарелку перед Игроком. Тот смотрел на странный полуфабрикат, как на самое изысканное блюдо, видимо, оголодал в своей землянке.

— Телятинка по-домашнему, — сообщил хозяин заведения.

Белобрысый жадно потянулся к тарелке.

— погоди, — осадил бармен. — Вилку дам.

Получив прибор, Игрок с таким остервенением накинулся на плохо прогретый полуфабрикат, что смотреть на него было жутко. Создавалось впечатление, будто он не ел по крайней мере неделю.

Вторая тарелка грохнулась на стойку перед Снейком. Тот подошел к еде с достоинством. Ел неспешно и со вкусом. Каждый отправленный в рот кусок сопровождал маленьким глоточком пива. Глядя на него, Мунлайт подумал, что людей, не умеющих получать удовольствие от, скажем, дешевого пива, ему жалко почти так же, как людей, не понимающих разницы между дешевым бутылочным пивом и дорогим разливным чешским или немецким.

Сам он неторопливо жевал резинового несвежего кальмара и запивал второй кружкой горького пенного светлого.

— А ещё нам комната нужна, — между делом поведал он бармену.

— На неделю, на две? — оживился тот.

— Губу закатай, — усмехнулся Мун. — Нам переночевать только. Завтра утром уйдем.

— В Зону? — На лице барыги возникло такое выражение, словно в голове включился калькулятор и большие циферки множились там сейчас на еще большие. — А может, того, заказик примешь?

Мун покачал головой.

— Не приму. Мне твои расценки не нравятся.

— Мы не в Зону, мы за кордон, — подал голос Снейк.

— На кой? — заинтересовался бармен.

— Сие тайна великая езьм, — напустил тумана бородатый.

— И вы, значит, уходите. До весны?

— А может, и совсем, — отмахнулся Мун. — Ты ключик дашь?

Бармен поглядел на троицу. Лоб барыги пошел морщинами, становясь похожим на стиральную доску. Он сделал неопределенный жест, развернулся и нырнул в заднюю дверь, оставив троих у стойки.

— Куда это он? — любопытствовал белобрысый. Тарелка перед ним стояла не просто пустая, а вылизанная до блеска. Пива в кружке было чуть больше, чем на глоток. Сам Игрок стоял соловый, на подбитой роже, кажется, впервые было выражение удовлетворения.

— За ключами, — поделился Снейк. — Выберет нам комнату получше и подороже, чтоб клиенту угодить и самому внакладе не остаться.

— Щаз! — нарочито проговорил Мун. — Так он тебе и станет выбирать получше. Мертвый сезон хоть и на подходе, но ещё не начался толком. Думаю, у него здесь желающих комнатку снять и без нас находится прилично. Так что он там сейчас судорожно

прикидывает, куда и за счёт кого нас на одну ночку пристроить, да еще побольше денег содрать.

— Хаосит несчастный, — поморщился Снейк.

— Типа того, — нагло улыбнулся Мунлайт. — Охота верить в добрые чувства и альтруистические порывы — верь. Я тоже иногда верю. Редко, но случается. Только тут не тот случай. Этот куркуль родного папу с мамой по три раза на дню продает, перепродает и снова покупает.

Дверь по ту сторону барной стойки приоткрылась, и бармен угрём вывернулся на эту сторону, поспешно затворив дверь снова. Такая прыть при его габаритах выглядела удивительно и забавно одновременно. Скользкий тип. Это затасканное определение подходило сейчас барыге как нельзя лучше.

— К сожалению, большой комнаты предложить вам не могу, — с наигранной досадой сообщил он. — Нету, заняты. Но будет уютно.

— Я же говорил, — ухмыльнулся Мунлайт и повернулся к бармену. — Ключ давай.

Тот снял с толстого пальца колечко, на котором блеснул ключик, и хлопнул им по стойке, укрыв ладонью, как шалашиком.

— От сердца отрываю, — сказал барыга со слезой в голосе. — Но расценки с учетом сезонного увеличения.

— Сколько скажешь, столько заплатим, — кивнул Мун. Удовлетворенный ответом бармен убрал руку, и седой потянулся за ключом. Тот лежал на стойке сиротливо, словно выдернутый из привычного мирка, где есть только одна дверь, и заброшенный в большой мир с тысячами незнакомых дверей с неподходящими ему замками.

Маленький светленький ключик с прозрачным стеклянным брелоком, внутри которого была лазером выбита крохотная прозрачная пальма.

Мун замер, еще не успев сообразить, что напрягло. Пальцы дрогнули. Улыбку с лица как рукой сняло. Седой медленно, словно тот мог взорваться и разнести вдребезги полбара, поднял ключ.

Нет, ошибки не было.

— Это же Угрюмого, — с каким-то ледяным бездушным спокойствием произнес он.

— Он не ночует, — небрежно отозвался бармен. — Там чисто, комната уютная.

Мунлайт судорожно сглотнул вставший поперек горла комок.

— И давно не ночует? — поинтересовался Мун небрежно.

— Дык как вы ушли последний раз, так ни слуху ни духу. Тут заказов вал, а кому их сдавать? Вы все привередливые, молодняк дурной, ничего поручить нельзя. А какие и вовсе мрут как мухи. А ставки поднимать, так это я, считай, совсем за бесплатно работать стану. А я ж всё-таки не просто так, я посредник.

— Я знаю, — холодно кивнул Мунлайт и стиснул в ладони ключ. — Далеко не уходи, я ещё спущусь.

И, не говоря больше ни слова, пошел к лесенке в углу, что вела на другой этаж.

9

Перемена в поведении седого вышла настолько разительной, что не заметить её было нельзя. Весельчак с не сползающей с рожи сатанинской ухмылкой в одну секунду замкнулся, стал злым, резким и постарел, кажется, лет на десять.

Лезть с вопросами Карташов не решился, подумав про себя, что эти слова про какого-то Угрюмого, должно быть, что-то значили.

Змей бросил недопитое пиво и поспешил за приятелем. В глазах его появилось что-то, похожее на сочувствие. Не то слюнявое, в котором мужчина не нуждается, а внутреннее настоящее понимание чужой боли. И эту боль не надо успокаивать или лечить. Такое не лечится. Это надо просто пережить, одному. А тем, кто рядом, достаточно просто понять это, не сюсюкать и не мешать.

Не дожидаясь особого приглашения, Сергей допил пиво и потопал следом. Сталкеров нагнал уже возле лестницы. Мунлайт шёл тяжело, чеканя шаг. Бородатый Змей двигался за ним тенью. Наверху бросил тихо:

— Успокойся. Может, они дошли до Монолита и сейчас где-нибудь на Кубе мохито пьют.

Мунлайт мотнул головой, шагнул к ближайшей двери. Ключ проворно ткнулся в замочную скважину. Скрежетнуло. Дверь распахнулась так легко и быстро, словно седой открывал ее не в первый раз.

Обстановку внутри назвать чистой и уютной у старлея не повернулся бы язык. Грязи здесь было более чем достаточно. Пахло пылью. Воздух стоял спертый, затхлый. Меблировка оказалась чуть менее скудная, чем в землянке у Киряя. Правда, вместо матраса на арбузных ящиках здесь была койка, под которой лежали какие-то коробки. Зато, кажется, электричество отсутствовало как факт. Во всяком случае, при беглом осмотре помещения выключателей Сергей не обнаружил, а закопченная буржуйка в углу говорила о многом.

Мунлайт прошел к окну, повернул ручку и дернул на себя раму. Створка распахнулась с недовольным всхристом. В убогонькую комнатенку потянуло свежим холодным воздухом. За окном густели сумерки, ещё чуть — и стемнеет. Седой скинул с плеча рюкзак, бросил в угол. Посмотрел на замерших в дверях попутчиков.

— Чего встали? Снейк, койку уступишь Сберкнижке, чтоб он себе не отморозил почки, мочевого пузырь, прямую кишку и копчик. Спальник под кроватью. У Угрюмого их там несколько было. Печку сами раскочегарите.

Карташов не совсем понимал, что происходит, но то, что происходило, ему не шибко нравилось, а непонимание ситуации — еще меньше. Змей смотрел на седого с неодобрением.

— А ты? — спросил Карташов Мунлайта.

— Что я?

— Сам спать где будешь?

— Я терминатор, — невесело пошутил Мун, — а роботы не спят. Им только подзарядка нужна.

Он повернулся к Змею.

— Снейк, наши денежки у тебя? Давай сюда.

— Зачем? — понуро спросил бородатый.

— Сам не знаешь, — зло ухмыльнулся Мунлайт. — Барыге за харчи и комнату заплатить надо.

Снейк прикрыл дверь и прошел к буржуйке. Сбросив рюкзак, принялся тягать из-за печки серые от пыли дрова и пихать в пахнущее застарелой гарью печное нутро.

— Снейк, скотина, — напомнил о себе Мунлайт. — Половина денег моя.

— Ага, — недовольно бросил тот. — Вот всё получим, располовиним, и делай, что хочешь.

Мунлайт цыкнул сколотым зубом и повернулся к старлею.

— Сберкнижка, давай вторую половину, — потребовал он.

Сергей помялся. С одной стороны, он сам отдавал седому все деньги разом еще утром. И не видел ничего зазорного в том, чтобы расплатиться вперед. Судя по всему, этот кидать не станет. Тем более за кордоном его другой заказ ждет и он заинтересован кровно. С другой стороны, что-то здесь было не так.

— Слышь, Сберкнижка, — лицо Мунлайта стало жёстким и неприятным, черты заострились, — тебе проводник нужен, или ты уже пришел?

— Нужен, — сухо ответил Сергей.

— Тогда давай вторую половину бабла, и завтра утром у тебя снова будет проводник. А если нет, то половину гонорара я отработал, и пошел ты в пень. Вон пусть тебя этот добродетельный Чингачгук провожает и консультирует.

Карташов поглядел на Змея. Тот сидел спиной к попутчикам и демонстративно не обращал на них внимания. Зато уже накидал в буржуйку полешек, подпихнул щепы и с чувством, с толком, с расстановкой разжигал огонь.

Старлей скинул рюкзак, распустил застёжки и выудил вторую банковскую пачку.

Мунлайт проворно выдернул из пальцев перетянутые бумажной лентой банкноты. Глаза его сатанински блеснули в полумраке, а быть может, это отразился огонек разгорающейся стараниями Змея печки.

Рядом мгновенно возник бородатый.

— Слышь, хаосит, не дури, а? Нам завтра в дорогу.

— Сэр, я взрослый мальчик, — отозвался Мунлайт, — не люби мозги. Сам все знаю.

Седой раздербанил пачку. Половину сунул Змею, остальные деньги убрал ловким движением. Затем в руке сталкера возник невесть как пронесенный через охрану пистолет.

— Держи, — протянул он бородатому ствол. — Вам тут особо ничего не грозит, но так... на всякий случай. Хотя бэпэшка, конечно, не «калаш».

— ПБ, — рефлекторно поправил стоящий рядом старлей, прикусил язык, но поздно.

— Лопата, — напомнил Мунлайт. — Совковая, штыковая, зачистная, хлебная, мусорный совок... выбирай.

Карташов сердито поглядел на седого и завалился на койку. Ничего не хотелось. Все надоело. Вся эта Зона с ее завихрениями. Все эти сталкеры безбашенные. Все эти непонятки.

— Все не пропей, — попросил бородатый.

— Утром увидимся, — ухмыльнулся седой и вышел.

Хлопнула дверь. Где-то далеко, в другой задверной реальности, протопали по лестнице шаги. Совсем издалека донесся наигранно бодрый голос: «Всем по сто!».

В комнате было тихо. Только потрескивала сухими поленьями разгорающаяся буржуйка и сопел бородатый Змей.

Скрипнуло. Карташов приподнялся на локте и поглядел в почти утонувшую во мраке комнатенку. Бородатый прикрыл окно и стоял, размышляя не то о судьбе человечества, не то о спальнике, который ждал под койкой.

— Зря ты ему деньги дал, — сказал тихо.

— А что такое? — сердито буркнул старлей. — Что происходит вообще?

— Ничего, — качнул усталой головой, словно конь, бородатый. — Свои дела. Просто зря, и все.

Сергей не ответил. К черту этих полоумных. У них тут от радиации крыши текут, а он переживать из-за этого должен? Хрен на руль. Завтра сдаст их Хворостину, и все. А дальше, если все пойдет как задумано, вся эта дурь прекратит свое существование. Сумасшедших надо держать в психушке или отстреливать, в этом старший лейтенант был уверен. А неизлечимых сумасшедших надо просто стрелять, как бешеных собак.

Карташов закрыл глаза и задремал.

Проснулся он от гитарного перебора и пьяного голоса Мунлайта.

Старлей открыл глаза. В комнатухе все было так же. Потрескивала печурка, горел огонек. Змей все так же стоял у окна. Только на полу раскинулся смятый спальник, а бородатый избавился от ботинок и портупей. И смотрел он теперь не на Карташова, а за окно, где нестройно брэнчала плохая гитара и в хламиду пьяный сталкер орал дурным фальцетом:

*This time I think I'm gonna let it all out
Open up the book and rip the bad pages out
God I'm so sorry for the bad things I have done
Satan don't you worry I still owe you one⁸*

⁸ На этот раз я думаю, что должен выпустить всё это наружу,
Открыть книгу и вырвать плохие страницы.
Господь, прошу прощения за всю ту погань, что я совершил.
Сатана, не беспокойся, я с тобой еще не завершил...
Фрагмент песни Fuck Off And Die группы Backyard Babies

Змей отвернулся от окна и споткнулся о взгляд Карташова.

— Ты чего не спишь, Сберкнижка?

— Уснёшь тут, — недовольно буркнул Сергей. — Где только гитару взял.

— А что тебя удивляет? — не понял бородатый. — Здесь тоже люди живут. А человек всегда тащит за собой все свои привычки. Все, что составляет его жизнь. Плохое, хорошее — не важно.

Змей замолчал и снова посмотрел за окно. В мутном стекле отсвечивал огонек буржуйки и размытый профиль бородатого, похожего на Деда Мороза сталкера. А дальше была тьма уже потусторонняя, в которой редко блестели звезды.

— Небо ясное, — тихо заметил Змей.

— И что? — не понял Карташов.

— Редко в Зоне чистое небо увидишь, — тихо добавил сталкер и снова замолчал.

— *So leave now cause I'm gonna stay*, — надрылся Мунлайт за окном, —

*I'm gonna stay for judgement day
Fuck off and die! — You're the evil in my eye
Fuck off and die! — Time to say goodbye
I'm just about to get even with you
But what else can I do
When my nightmare becomes true...⁹*

Змей отошел от окна и присел к печке. Приоткрыл створку, поворошил угли и осторожно подкинул пару поленьев. Огонь жадно набросился на свежее дерево, словно его год не кормили.

Сталкер прикрыл заслонку и вернулся в спальник.

— *Fuck off and die!* — неслось из-за окна.

Вжикнула молния. Карташов отвернулся к стене.

— Раньше он другие песни пел, — словно оправдываясь за друга, сказал зачем-то бородатый.

Старлей не ответил. Ему-то какое дело до всего этого балагана?

Как заснул снова, Карташов не заметил. Сон был бредовым, но довольно ярким, чтобы не сразу сообразить, что он спит.

Во сне Сергей был еще школьником, только летом, на даче у родителей и почему-то с непонятно откуда взявшимся умением летать. Осознание этого таланта было настолько неожиданным, что юный Карташов поспешил поделиться этим открытием с родителями. Те долго смеялись, а когда Сережа легко оторвался от пола и поднялся в воздух, повиснув под потолком терраски, мама почему-то заволновалась, а папа принялся хватать его за ноги, но не для того, чтобы спустить на землю, а только чтобы сообщить, что у сына ноги мокрые. Умение левитировать предки со странным упрямством игнорировали.

Это вывело Сережу из себя, он выскочил на улицу и взлетел над дачными участками. Он стремился ввысь, в небо. Туда, где кружил, шурша винтами, неизвестно откуда взявшийся вертолет. Черное металлическое тело гладко поблескивало на солнце. Карташов ринулся навстречу вертолету, но тот открыл по нему пулеметный огонь из двух стволов, и юный летун камнем метнулся вниз, спеша скрыться под крышей терраски, которую усиленно дырявили пулеметы.

⁹ *Итак, уходи сейчас, потому что я должен остаться.*

Я должен остаться для судного дня.

Иди на хрен и сдохни! Ты зло в моем глазу.

Иди на хрен и сдохни! Время сказать прощай.

Я сейчас собираюсь поquitаться с тобой,

Да и что я еще могу сделать,

Когда мой ночной кошмар воплотился в реальность?

Вскоре вертолет пропал, а вместо него появились соседи на джипе и потребовали ответить, на каком основании Карташовы атаковали их вертолет ракетой. Карташов-старший развел руками и патетически поинтересовался, из чего же он по ним стрелял. А осмелевший летун поведал, что соседи обязаны починить им крышу, которую расстреляли, если не хотят суда.

Проснулся Сергей снова на даче. Было пять утра, и он все еще оставался маленьким. По дорожке мимо участка пыхтела тележка на гусеничном ходу. На ней верхом на ворохе лопат и метелок сидела вульгарного вида девка в плаще и фетровой шляпе со скишшими полями. Под плащом в такт пофыркиванию мотора, что толкал тележку, нагло колыхались белые упругие груди.

Девка прыгнула с тележки, перемахнула через забор соседнего участка, сверкнув белыми ляжками, и тут же вернулась обратно, только с вилами и тяпкой.

Воровка, подумал Сережа и выскочил на улицу. Какое-то время он бежал за тележкой, пока не догнал и не сдернул девку за край плаща. Та прыгнула, поднялась в полный рост и улыбнулась.

Тележка остановилась. Гусеницы крутились вхолостую. Моторчик продолжал фыркать натруженно и устало.

— Воровка, — сказал Сережа не так уверенно.

Девка улыбнулась и склонилась над кучей упёртого инструмента. Плащ чуть распахнулся, колыхнулась грудь. Сережа задохнулся от запретного зрелища.

Воровка потянула из кучи за деревянный черенок.

— Триллеры любишь? — спросила она, улыбаясь наглой улыбкой Мунлайта.

— Эротические, — невпопад ответил Сережа. Улыбки он не заметил, все внимание его было привязано к крупной, укрытой плащом груди. Только руку протяни и дерни пуговицу, а там...

Карташов почему-то был сейчас уверен, что он поймал преступницу за руку на воровстве и та сейчас сделает ему все что угодно, только бы он ее отпустил.

— Будет тебе, — растеклась девка в гнусной глумливой ухмылке и выдернула из кучи инструмента косу. — Будет тебе эротический триллер.

Глаза ее стали бешеными, она взмахнула косой, и Сережа понял, что никто ему ничего не даст, а самое умное сейчас — бежать. И он побежал, а сзади шлепали легкие шаги, со свистом рассекала воздух коса, и маленький Карташов удивительно ясно понял, что сейчас умрет...

...И проснулся в комнатенке в «Сотке».

Сначала пришло ощущение того, что это был сон, потом он стал прислушиваться к другим ощущениям. Страх не было. Сердце не стучало с частотой отбойного молотка, пульс не зашкаливал, кровь не шумела в ушах. Ничего этого не было, как не было и других последствий ночных кошмаров. Он с удивлением понял, что от сна осталось только одно ощущение.

Абсолютно спокойное, убийственно логичное ощущение скорой смерти. Он не знал как, но совершенно точно знал, что старая с косой уже дышит в затылок. И почему-то казалось, что это будет не девка с большими сиськами, за которые так и тянет подержаться, а глумливый сталкер с мерзкой улыбкой.

— Бред какой-то, — пробормотал Карташов себе под нос и уселся на койке, отбрасывая ненужное ощущение.

В комнате было светло мягким утренним светом. Печка не горела уже давно, отдавая сейчас последнее тепло. Змей сидел на корточках и шнуровал высокие ботинки. Рядом валялся упакованный рюкзак и свернутый, уложенный в чехол спальник.

— Хорошо, что проснулся, Сберкнижка, — спокойно проговорил бородатый. — Не люблю людей будить. Вставай, пошли.

Карташов потянулся до хруста и прыгнул с койки.

— А этот? Певец?

— Внизу ждет, — поднялся бородатый, подхватил спальник и кинул его на освободившуюся койку. — Кстати, рюкзак его прихвати.

Старлей посмотрел на Змея, прикинул разницу в габаритах между ним и собой и подумал, что бородатый не развалился бы, если б сам прихватил рюкзак своего приятеля. Впрочем, вслух Сергей ничего такого не сказал.

— Ты иди, я догоню, — поведаль Змею.

Тот оценивающе посмотрел на Карташова, кивнул:

— Добре.

Сергей принялся обуваться. Бородатый подхватил свои вещи, резко дернул рукой. Карташов заметил движение краем глаза. Скорее, даже почувствовал. Тело сработало на рефлекс, пальцы тиснули налету ключик с прозрачным брелоком.

— Запереть не забудь, — пояснил сталкер.

Старлей кивнул, дождался, пока за бородатым закроется дверь, и спешно полез в рюкзак за наладонником. Надо было отправить маленькую весточку за кордон.

Мунлайт в самом деле ждал внизу. Он сидел у стойки и цедил пиво из бутылки. Барыга-бармен сидел рядом с красными от недосыпа глазами. У седого глазки тоже были кроличьими, но явно не от нехватки сна, о чем красноречиво говорила опухшая рожа.

— Здрасьте, на фиг, — хрипло приветствовал он. — Глотку сорвал.

— Еще бы, — злорадно отметил Карташов. — Так верещать.

— Слушай, Сбкркнижка, тебя анально не дефлорировали случаем? А то чего-то ты все время какой-то напряженный. Выпей чайку, оттягивает. — Он повернулся к бармену. — Эгей, корчмарь, у тебя чай есть?

— У меня все есть, — ответил бармен устало. — Только высококачественное обслуживание будет включено в стоимость.

Седой махнул рукой, и бармен поплелся делать чай. За ночь его сходство с моржом увеличилось. Причем не просто с моржом, а с тем, что бултыхается в московском зоопарке, отекишим, утомленным и печальным.

Змей смотрел на приятеля со смешанным чувством.

— Все пропилил?

— Я не так талантлив, — отозвался Мунлайт. — И половины не спустил.

Перед Сергеем на стойку с тихим стуком опустился граненый стакан в старом металлическом подстаканнике. Звякнула ложечка. В мутном кипятке плавал, отдавая воде цвет, чайный пакетик. Сверху болталась бледно-желтая долька лимона.

Карташов обвел взглядом помещение занюханых «Ста рентген». Задержался на помятом Мунлайте, уткнулся в стакан с чаем и брезгливо поморщился. Слава богу, терпеть все это осталось недолго.

10

Чай Игрок пить не стал, пригубил только. Мун добил пиво, расплатился с барыгой, и они пошли на выход.

Похмелья не было. А скорее всего, он просто не успел до конца протрезветь. Так бывает, если, прекратив пить, не ложиться спать, а ещё малость покуролесить, а потом долбануть еще стакан или хлопнуть бутылочку пива.

Тогда возвращается и способность ясно мыслить, и четкость движений. Главное после этого — не засыпать. Если только заснешь, проснешься через пару часов с полным похмельным букетом и уж сутки промаешься, к гадалке не ходи.

Мунлайт спать не стал. Он пил, потом пел. Потом гулял, вдыхая морозный ночной воздух. Здесь, на базе «Долга», ничего не менялось. Все осталось так же. Только мертвый сезон подступил, потому стало поменьше народу. Да уехал вечно торчащий в баре Сынок. Да нет Угрюмого.

Он мотнул головой, отгоняя мрачные мысли.

Зачем он шлялся по базе «Долга» полночи, Мунлайт объяснить не мог даже себе. Просто так было нужно. Прощался, что ли? Хотя с чем там прощаться, ничего приятного, красивого и запоминающегося. Грязный, замызганный кусок земли с полуобжитыми избитыми временем постройками.

Но отчего-то это казалось теперь важным. И он уже сейчас чувствовал, что чего-то ему будет не хватать.

Мимо блокпоста прошли не так бурно, как накануне. Утро было ранним, часовые сонными. Лишь помахали седому рукой, тот кивнул в ответ, и база «Долга» осталась за спиной.

До дороги он не дошел метров пятьдесят. Повернул направо к кордону и пошел, насвистывая.

Все, кажется, было как раньше, но что-то было не так. Изменилось что-то. Последний раз сталкивался с таким ощущением в юности, когда несколько лет не гостил у бабушки, а потом вдруг собрался да приехал. Сам, а не когда родители привезут. Дом и двор узнал сразу. Во дворе стояла пара столбов, между которыми натянулись веревки для белья, росли три каштана. В детстве дворик казался необъятным, в нем был сосредоточен целый мир. А в тот приезд он перемахнул его в несколько шагов и поразился, какой, оказывается, это крохотный пятачок. Всего несколько лет — и огромный мир превратился в крохотную, в несколько шагов, площадку.

— Слушай, Змей, отчего все не так? Ты не заметил, мир не изменился?

— Это похмелье, — зло бросил Игрок.

— Не изменился, — пропыхтел Снейк. — Мир вообще не меняется. Это мы меняемся. Может, кто-то наконец повзрослел, и детство в задку свербить перестало.

— Детство давно кончилось, — вздохнул Мун. — Тут старость, похоже, на носу.

— И кризис среднего возраста, — сердито пробурчал Снейк.

Мун не стал препираться. Не хотелось. Хотелось сохранить странные похмельные наблюдения. Зафиксировать этот миг. Он почему-то казался значимым. Кажется, кто-то стал чересчур сентиментальным.

Сзади неслышно двигался Игрок. Все-таки Сберкнижка не лузер, далеко не лузер.

Мун долго шёл и вслушивался в походку белобрысого. Так ходят те, кто ходить умеет не только от дома до работы и от работы до магазина.

Зона просыпалась. Снег, что сыпал вчера, стаял. А вернее, даже не лег, падал и влагой питал раскисшую землю. Когда подморозило, снежная крупа сыпать уже перестала. Сейчас утреннее солнце, редкое для этих мест, плавило подмерзшую грязь. Под ногами начинало похлопывать.

— Снейк, — позвал негромко, когда до кордона оставалось уже всего ничего.

— Чего тебе? — недовольно отозвался тот. Обиделся бородатый за вчерашний загул. Ну и хрен с ним. Обижаться — занятие глупое и бесперспективное. А ему побоку. Охота кому-то на него дуться, нехай.

— Как через кордон пойдем? — не обращая внимания на надутость приятеля, спросил Мун.

— Денег воякам пихнем, да и все.

— Денег? — отчего-то оживился белобрысый, словно узнал что-то новое.

— Не бойсь, Сберкнижка, — по-своему понял его Мун, — это наши расходы.

Игрок послушно притих. Мун тоже топал молча. Говорить не хотелось, да и издеваться над этим дурнем надоело. Слишком просто его поддеть.

Деревья, что загустели было, образовывая перелесок, снова стали редеть. Там впереди взгорок, чуть в стороне над дорогой покореженный железнодорожный мост, рельсы, криво тянутая колючая проволока. А под мостом обустроились вояки. Армейские живут не шибко богато, если денег дать — пропустят. Хоть в ту сторону, хоть в эту. Главное — знать, с кем договариваешься.

Последние расходы, последний проход через кордон. А дальше...

Мунлайт остановился. Скинул рюкзак.

— Тормози, — бросил не оборачиваясь на всякий случай, хотя и Игрок, и Снейк сами уже остановились.

— Чего такое-то? — нетерпеливо спросил белобрысый.

— Поглядеть надо, — пояснил Мун, вытаскивая старенький бинокль.

— Чего тут глядеть? — не унимался Игрок. — Вон кордон, пошли уже.

Он вел себя так, словно ему в штаны муравьев напустили. Мунлайт поднял бинокль и принялся очень медленно оглядывать окрестный пейзаж. На блокпосту царило невиданное оживление. Солдатиков было больше обычного, и ни одной знакомой хари седой не увидел.

Дальше вдоль железнодорожного полотна прогуливалась еще одна группа. Человек пять с автоматами. И снова ни единого знакомого, хоть даже смутно, лица. А еще куда-то запропали вечно гоняющие по этим склонам слепые собаки.

Выходит, люди ходили здесь давно, и их было много. Возможно, больше, чем он углядел. Паршиво.

— Хочешь побыстрее на тот свет? — Мунлайт опустил бинокль.

— Чего там? — тихо спросил бородатый.

— Армейские что-то активизировались. Не пройдем.

Снейк задумчиво поворочил бороду.

— Может, через туннель, по старинке?

— А «электры»? Там такой рассадник этой дряни, что мама не горюй. И мы не в том составе и не с тем снаряжением, чтобы через такую полосу препятствий топать.

Мун снова поднял бинокль и принялся разглядывать окрестности. Хреново выходит. Где проблем не ждали, там-то они и всплыли. Расслабился рано. Чёрт.

— Чего делать-то будем? — буркнул Снейк.

— Да в чем проблемы-то? — взвился вдруг Игрок. Бородатый схватил его за плечи и зажал широченной ладонью рот.

— Не ори, — тихо попросил он, сурово сверкнув очами, и ослабил хватку.

Отпущенный Игрок посмотрел с привычным для него раздражением. Отошел в сторону.

— Я не ору, — сказал тихо, отойдя на такое расстояние, где уж точно никто не достанет. — Только чего бы не выйти на дорогу и не пойти тихо-мирно вперед?

— Ты дурак или прикидываешься? — искренне удивился Снейк.

— Да пусть идет, — рыкнул вдруг Мунлайт, которому все это порядком надоело. — Слышь, Сберкнижка, мы тебя к кордону привели, деньги ты заплатил. Охота — топай на все четыре. Выходи на дорогу и шуруй тихо-мирно, куда хочешь, если тебе жить надоело.

— Да пожалуйста, — небрежно отмахнулся белобрысый. И прежде чем сталкеры успели что-то сообразить, резко выбежал из-за деревьев на открытое пространство. Снейк взвыл и схватился за голову. Мун тихо и емко выматерился. Теперь оставалось только наблюдать за развитием событий со стороны.

Игрок двигался резвой походкой. Он отошел совсем недалеко. Всего шагов на пятнадцать от спасительной тени деревьев. Муну показалось на секунду, что дурак одумается и вернется, но не тут-то было.

Белобрысый вскинул руку и приветственно замахал той группе армейских, что прогуливалась вдоль железнодорожного полотна.

— Идиот, — безнадежно махнул рукой застывший рядом в напряжении Снейк.

Игрок тем временем продолжал махать руками, пока его не заметили с насыпи. Мунлайт ждал, что оттуда раздастся очередь, но автоматы молчали. Кто-то из армейских даже махнул рукой в ответ.

— Все, пора рвать когти, — тихо произнес седой, поворачиваясь к приятелю, не совсем понимая ещё, что происходит.

И так и застыл на полуслове. Снейк стоял на том же месте, но лицо его было настолько мрачным, что Муну сделалось не по себе. Он вопросительно посмотрел на бородатого. Тот вместо ответа стрельнул глазами куда-то в сторону.

Предчувствие рванулось наружу, выступило на спине мерзким липким потом. Ещё не понимая, что произошло, Мун осторожно посмотрел туда, куда указал взглядом бородатый. Там в десятке шагов от них между деревьями стояли четверо солдат с автоматами и держали их на мушке.

Слова кончились не только у него, но, по всей вероятности, и у Снейка. Солдатня тоже разговорчивостью не отличалась. И не двигалась. Вояки застыли, как манекены или фигуры из музея мадам Тюссо. Молчание затягивалось и от этого вдруг стало жутко смешно.

— Fuck off and die! Time to say goodbye, — пропел седой и расхохотался.

— Спокойно, — ворвался в ситуацию ставший до боли знакомым за последние два дня голос.

Мунлайт обернулся. Игрок снова был с ними. Только вел теперь себя несколько иначе. В его движениях прибавилось уверенности. Ушла растерянность, ушла неуютность и раздражение. Сейчас он был хозяином ситуации, и от этого его распирало. Человек в знакомой обстановке, в привычной ситуации, в своей тарелке — другой человек.

Вот оно, осенило вдруг, все это время у белобрысого был вид человека, севшего не в свои сани.

Игрок подошел ближе, но все же сохранил между собой и сталкерами расстояние шагов в пять. Видимо, опасался за свое здоровье, вдруг кто из проводников осерчает и раскрасит вторую половину лица. Что ж, разумно.

— Спокойно, — повторил Игрок. — Это свои.

— Кому свои? — недовольно пробурчал Мун.

— Мне, — коротко ответил белобрысый. — И вам, если вы беретесь выполнить основную часть работы. Вы ведь беретесь?

Интерлюдия

Если бы я мог поговорить с отцом, я бы спросил его, что такое человек. А еще — что такое человечность. Я давно заметил, что это неравнозначные понятия. Казалось бы, одно должно характеризовать другое, быть его отличительной чертой, раз уж два этих слова имеют общее звучание, но нет.

Я не до конца понимаю это. Я вообще многое не понимаю до конца. Я вообще многое не понимаю.

Как можно быть бесчеловечным, будучи человеком?

Или как можно любить и делать больно?

Я знаю, что можно. Чувствую это. Помню. Но не понимаю. Возможно, надо было вырасти в другом месте, в иных условиях, чтобы понять это. Или же надо было успеть спросить об этом отца.

Это было бы познавательно. Разговор о человеческом естестве. Что естественно, а что нет. Насколько естественное для меня естественно для нормального человека.

Естественное, естество.

Мне нравится повторять похожие слова. Не вслух, а про себя. Есть в этом что-то такое мистическое.

Если долго вслушиваться в звучание слова, можно сойти с ума?

Если долго вслушиваться в звучание слова, можно понять суть вещей?

Я могу долго повторять что-то. Повторять слова, повторять мысли, но с ума пока не сошел и сути не понял. Может быть, я просто повторяю недостаточно долго? Долго — это сколько?

Мне не нравятся разные слова. Я не так много знаю разных слов. Да и зачем? Чтобы передать суть, достаточно немногих слов. Многие слова запутывают. Люди говорят, они дают оттенки. Мне думается, что эти оттенки нужны людям лишь для того, чтобы уйти от сути. Спрятать за словами главное. Сделать из главного не главное.

Если повторять одно слово и вслушиваться в его звучание, можно понять суть.

Если говорить много слов об одном и том же, суть потеряется.

Вот суть человека — странная вещь. Она как речь. Или как стекло.

Если одно слово, то суть проста и понятна.

Если много слов, то есть оттенки, но нет сути. Смысл размывается и теряется.

Если одно стекло, то через него видно насквозь.

Если на стекло оседает грязь, грязь размывает вода, или просто кто-то долго тычет пальцем, показывая: вот оно — оно прозрачно и просто, то стекло мутнеет и ничего не видно. И уже не прозрачно. И не просто что-то разглядеть.

Мне кажется, если бы люди смотрели на суть и обращались к сути, было бы проще и честнее.

Я заметил, что люди не всегда честны. Откуда берется эта нечестность? Может быть, от страха, что суть твоя прозрачна и каждый может ее углядеть? Может быть, от этого напускается туман, размывается смысл и теряется суть?

Но неужели это так страшно, когда каждый видит, кто ты есть на самом деле?

Или страшно, что это толкает быть чище, честнее, прозрачнее?

Неужели это такой большой труд — сохранить свою чистоту? Неужели размывать и затуманивать суть проще?

Я знаю, я рассуждаю наивно. Мне трудно. Всегда было трудно. Всегда не хватало отца. Быть может, он объяснил бы мне то, чего я не понимаю? Быть может, он понял бы что-то и смог бы мне объяснить? Быть может, мы хотя бы поняли что-то вместе?

Он ведь хотел понять. Я знаю. Я слышал это. Я чувствовал.

Понял ли он? Или нет? Кто теперь ответит? И кто теперь объяснит, как человек может быть бесчеловечным. Ведь так не может быть. Это просто. Надо только вслушаться в слова и поймать суть.

Человек. Человечность.

Попробуйте. Может быть, если понять наконец суть, то все встанет на свои места. Люди вслушаются в слова и узнают, в чем неправы. И мир станет лучше. Нет?

Наверное, я думаю глупо, неправильно. Не знаю. Я ведь вырос не там и не так, чтобы понимать то, что для других просто.

Часть третья. Зачистка

1

— Итак, суть работы тебе ясна?

Мунлайт стоял посреди чистой, просторной комнаты и смотрел на старого хрена в генеральских погонах. «Старый хрен» не представился, и те, кто привел сюда седого, тоже обошлись без церемонии представления, потому Мун без зазрения совести прицепил генералу собственное погонышко. В глаза обращаться так к старому хрену он пока не рискнул, зато про себя думал о нем именно в такой тональности и получал от этого извращенное удовольствие.

Впрочем, стариком генерал не был. Полвека. Плюс-минус.

Мысль о том, что ему подфартило напоследок, издохла так же быстро, как возникла сутки назад. Хорошего от военных Мун не ждал. Нет, не то чтобы он ставил знак равенства между «военный» и «деревянный», но все без исключения нечастые стычки с армейскими наталкивали на мысль о том, что держаться от них лучше подальше.

Сейчас использовать это нехитрое знание на практике не получалось. Послать на фиг пяток человек с автоматами и попытаться держаться в стороне, особенно если все эти автоматы смотрят на тебя с разных сторон, было трудно. Уйти живым и здоровым оттуда, куда его привели, казалось невозможным.

Выбор выходил невелик: либо сотрудничать, либо подписать себе смертный приговор или, если очень повезет, срок в одном из исправительных заведений стран бывшего СССР.

Где ему сидеть, «на Украине милой» или в каких-нибудь «диких степях Забайкалья», без него решат. Вот только вне зависимости от решения результат вряд ли понравится.

А направленные в живот автоматы были настолько красноречивы, что пришлось согласиться на то, на что изначально подписывался.

И он согласился, но не сдался. Потому всю дорогу до базы вояк Игроку, Сберкнижке или как там его на самом деле пришлось выслушать о себе столько ядовитых отзывов, сколько он не слышал, должно быть, за всю жизнь.

Первую скабрзность Мун отпустил в адрес белобрысого, готовясь занять по минимуму — разбитое лицо, по максимуму — отбитые почки. Но Игрок непристойность в свой адрес проглотил. После третьей подначки седой сообразил, что в нем нуждаются больше, чем можно предположить, и принялся отрываться по полной.

Белобрысый проглатывал язвительные гадости, а Мунлайт мстил за обман. Он трещал не замолкая всю дорогу. Снейк в отличие от приятеля шел молча со смесью усталого достоинства и наплевательства. С таким видом мог идти слон, сбежавший из зоопарка, пойманный и возвращающийся под конвоем обратно. Дескать, поймали вы меня только потому, что я не очень-то убегал, а иду я с вами исключительно от скуки.

База, на которую их привели, напоминала обычную сталкерскую дерегушку. Только раскованности в поведении местных было поменьше.

Сталкероу подвели к аккуратному домику, остановили у крыльца. Обезоружили их еще у кордона, теперь же каждого ощупали со всей тщательностью, повиытаскивая из карманов все, что было крупнее и прочнее спичечного коробка.

Внутри все было чисто и аккуратно. На мгновение Мунлайт почти забыл, где находится. Но память быстро вернулась, когда Снейка оттеснили в сторону, а его впили в какую-то дверь.

За дверью оказалась просторная комната и старый хрен в генеральских погонах, который первым делом выставил всех, оставив одного Муна. После чего плотно прикрыл дверь, вернулся к столу, оперся на край, скрестил руки на груди и, прицельно посмотрев на Мунлайта, задал тот самый вопрос:

— Итак, суть работы тебе ясна?

— Если считать, что суть работы заключается в том, чтобы довести дурака до...

— Да или нет? — жестко оборвал генерал.

Мун ухмыльнулся. Крысеныш старый пиписьками померяться вздумал? Так пусть командует своими дуболомами, Урфин Джус недоделанный.

— Если считать, — медленно, с расстановкой повторил Мунлайт, — что суть работы заключается в том, чтобы довести дурака до кордона и проконсультировать кучку ему подобных на тему достопримечательностей Зоны отчуждения, то да.

Генерал дослушал до конца, поигрывая желваками.

— Все?

Седой кивнул. Лицо генерала сделалось суровым, черты будто окаменели. Глаза превратились в узкие щелочки, а взгляд стал колючим, словно на Муна смотрело пулеметное дуло через амбразуру.

— А теперь слушай и запоминай, сучий потрох, — холодно процедил генерал. — Я спрашиваю, ты отвечаешь. Четко и по делу. Треп оставь для девочек, понял? Не терплю болтовни.

— А я не терплю насилия, — беспечно отозвался Мунлайт, добавив в голос наигранно-плаксивые нотки, — у меня тонкая душевная организация, а вы, военные, такие грубые. Фи.

Генерал стиснул челюсти так, что скулы снова взбурились. Фигура его покачнулась, отпрянула от столешницы. Старый хрен обошел стол кругом и лихо дернул ящик.

«Как в тридцать седьмом, — возникла лихая мысль. — Сейчас вынет пистолет и...»

Но генерал оказался оригинальнее. В руке мелькнула махонькая черненькая коробочка с короткой антенкой.

Мунлайт напрягся сильнее, чем если бы увидел пистолет. Рука генерала описала дугу и опустила рацию на стол. Пальцы разжались.

Мун уставился на коробочку. Ничего хорошего такая демонстрация не предвещала.

— Знаешь, что это? — удивительно спокойно спросил генерал.

— Шайтан-машинка, — в голосе седого появился липовый акцент. — Кнопка нажмёшь, и прилетит вдруг волшебника в голубой вертолёт.

— Примерно так, — растянул губы в недоброй улыбке генерал. — Кнопку нажму, произнесу короткое заклинание крекс-фекс-пекс — и твоего приятеля не станет.

Мунлайт вздрогнул, как от удара. Посмотрел на дверь.

— Его там нет, — миролюбиво сказал старый хрен. — Он ждет тебя на улице. Будешь хорошо себя вести — дождется.

В голове застряла злая мысль: вот интересно, успеет он одним ударом вбить генералу нос в мозги, если тот решится отдать приказ убить Снейка? Или не успеет, и его раньше грохнут?

— Чего надо? — грубо спросил Мунлайт.

Генерал со скрипом выдвинул стул с высокой обшарпанной спинкой и уселся за стол. Сталкер глядел на него уныло, понимая, что старый хрен его сейчас переигрывает по всем статьям.

— Грубо, — победно припечатал генерал. — И куда только тонкая душевная организация подевалась?

Мун молча выудил из кармана спичечный коробок, достал спичку, сунул в рот. Генерал наблюдал за ним благосклонно.

— Я вижу, мы друг друга поняли, — сказал он наконец. — Продолжаем разговор. Насколько хорошо ты ориентируешься в Зоне?

— В Зоне нельзя хорошо ориентироваться, — пожал плечами Мун, давая злость. — Зона не статична. Она меняется. Постоянно. Можно тысячу раз пройти по одному месту, составить детальную карту, пометить все ловушки и намеки на ловушки. Рассчитать маршрут с точностью до сантиметра. Потом сделать один шаг, руководствуясь картой, и умереть в муках.

— И тем не менее?

— Я здесь не год и не два. Я был везде. Разве что на самой станции не довелось.

— Хочешь? — заинтересовался старый хрен.

— Нет, — честно ответил Мунлайт.

— А как же исполнитель желаний? Или ты в него не веришь?

Зубы заговаривает, мелькнуло в голове. Рассеивает внимание.

— Мне до лампочки исполнитель. Денег дай, я сам исполнителем стану.

— Дам, — легко согласился генерал, — только их придется отработать.

— Дедуля, — осторожно ухмыльнулся Мунлайт, — не тяни кота. Ему больно. Говори уже, чего надо.

Генерал медленно протянул вперед руку и тронул коробочку рации за антенку. Седой мысленно выругался. Палец на антенне двинулся задумчиво взад-вперед и снова отстранился. У Муна отлегло от сердца.

Он поймал себя на том, что нервничает, и это разозлило.

— Нужно будет просто отвечать на вопросы. Может быть, показать что-то на месте. Но без риска. На своих двоих в Припять тебя никто тащить не заставит. Не бойсь. Если справишься, никто кидать тебя не собирается. Получишь свои деньги и вали на все четыре.

— Сколько? — просто спросил Мунлайт.

Генерал посмотрел на сталкера. Тот глядел в ответ с вызовом. Старый хрен фыркнул, как лошадь, которой в ноздрю попала муха, взял со стола шариковую ручку, листок бумаги и накарывал какие-то цифры. Протянул листок седому.

Мун кинул на бумагу беглый взгляд.

— Твой гонорар в случае выполнения всей работы.

— А отказаться я могу?

— Можешь, — легко согласился генерал. — Тогда я убью твоего приятеля. И совесть меня не замучит.

— А не боитесь, что я стукану?

Генерал запрокинул голову и от души расхохотался.

— Кому? Стуканет он... Даже если ты когда-нибудь доберешься до тех людей, которых я опасуюсь, и расскажешь им обо всех моих грехах, это будет выглядеть ничуть не серьезнее, чем бомж, приперевшийся в ОВД с жалобой на опера. По закону-то, может, бомжа и стоит выслушать, а по факту его даже на порог не пустят.

Мунлайт помрачнел. Он и сам понимал, что угрозы бессмысленны, но не ждал, что над ним посмеются.

— Добавь два нуля, — не касаясь листочка с цифрами, сказал Мун. — И пятьдесят процентов авансом. Тогда поговорим.

Генерал снова засмеялся, только на этот раз суше и короче. Неискренне.

— Нахал, — оценил он седого, отсмеявшись. — Люблю таких. Особенно мордой об стол прикладывать. Ладно, я сегодня добрый. Дорисуем ноль и десять процентов авансом. Хотя не совсем понимаю, на что тебе здесь тратить деньги.

— Пусть будут, — сухо отозвался Мун.

Генерал не стал спорить. Он встал из-за стола и пошел в дальний, глухой угол комнаты. Там стоял и отсвечивал вздутыми дээспешными дверцами старый шкаф. Старый хрен отворил дверцу и нырнул внутрь.

Теперь от Муна его загромождала разбухшая от влаги деревяшка. Но по лязгающим звукам, трескам и шорохам можно было предположить, что в шкафу спрятан сейф.

Вскоре мышьяная возня в шкафу закончилась, и генерал вернулся к столу с безразличной миной и несколькими банковскими пачками в руках. Не произнес ни слова, старый хрен принялся выкладывать пачки горкой на стол. Пальцы генерала двигались ловко. Пачки ложились ровно и четко, как каменные блоки пирамиды Хеопса. В генерала-бухгалтера Мунлайт не верил, но было очевидно, что оперировать такими суммами тому не впервой. Мун подтянул к себе деньги.

— Пакетик дать? — язвительно полюбопытствовал генерал.

— Не надо, — ухмыльнулся Мун. — Так справлюсь.

И принялся пихать деньги за пазуху.

— Базу не покидать, — принялся чеканить генерал. — Кормить вас покормят, поселят. Я распорядился. Работать начнем завтра. Вещи вам вернут. Оружие пока нет. Попытайтесь сбежать...

Генерал сделал многозначительную паузу и пристально посмотрел на Мунлайта.

— ...и считай, что тебе очень повезет, если тебя просто убьют. Потому что я могу сделать гораздо больше. Не забывай об этом.

И он снова тронул пальцем черную антенку.

— Теперь свободен.

Мун встал и пошел к выходу.

— И подумай на досуге, где лучше всего высадить в Зоне десант.

Седой замер, внутри похолодело.

— Что? — спросил он сорвавшимся голосом.

— Допустим, мы хотели бы устроить в Зоне отчуждения базу, — не моргнув ответил генерал. — Надо понять, где безболезненнее всего высадиться и сделать это. Думай. Работать начнем завтра.

2

Дверь за седым захлопнулась. Хворостин взял рацию, в которой даже батарейки не было, и бросил обратно в ящик стола. Впрочем, со сталкером он не шутил. И для того чтобы похоронить и Муна, и его бородатого приятеля, понадобились бы всего пара минут. И нажимать кнопки не потребовалось бы.

Мунлайт вызвал двойкие впечатления. Он был способен на поступок и этим нравился. Он был способен на необдуманный поступок и тем бесил.

В дверь деликатно постучали. Генерал оторвался от раздумий и посмотрел на грубо окрашенную створку так, словно был способен просветить ее взглядом, как рентгеновскими лучами.

— Да, — сказал Хворостин.

Дверь распахнулась. На пороге возник старший лейтенант Карташов. Он уже успел привести себя в порядок и выглядел щеголевато, хоть и устало.

— Товарищ генерал, разрешите...

— Заходи, старлей, — махнул рукой Хворостин. — И дверь прикрой.

Карташов угрем юркнул в приоткрытую створку, прикрыл за собой дверь поплотнее. Перед генералом вытянулся во фрунт.

«Жополиз, — усмехнулся про себя Хворостин, — но правильный жополиз. Далеко пойдет».

— Где ты его нашёл?

— А что-то не так? — Старлей насторожился настолько, что потерял субординацию.

— Дерзит, хамит.

— Позволю себе заметить, товарищ генерал, они там все дисциплиной не отличаются. Больные наглухо... простите, — спохватился вдруг Карташов и замолчал.

Хворостин благосклонно мотнул головой.

Ничего, главное, по существу. В любом случае менять что-то уже поздно.

Поздно менять. Протянули. Старлей больше месяца где-то шатался. Хотя сработал на результат, так что за свои доклады не по форме и не по графику, считай, реабилитировался.

Стоило бы, конечно, повоспитывать старшего лейтенанта, но теперь не до того. Отправить Карташова в опалу не проблема. А с кем потом работать?

— Не доверяю я этому седому, старлей, — поделился генерал с подчиненным.

— Никуда он не денется, товарищ генерал.

— Думаешь?

— Уверен, — легко сказал Сергей. — Он безоружен. В Зону без оружия не сбежишь. А куда здесь еще бежать? Мы его везде догоним. Да и есть у него стимул остаться.

— Какой? — лукаво прищурился генерал.

— Деньги. А если ему дать задаток, чтоб понял, что его не кидают...

— Поучи жену щи варить, — набычился Хворостин.

— Простите, товарищ генерал.

— Еще соображения есть?

Старлей замялся. Хворостин поглядел на душевные терзания Карташова. Замкнуло лейтенанта. С одной стороны, требуют соображений, с другой — ругают за попытки советовать. А слово поперек сказать Сергей может, да явно не хочет.

— Не тяни кота, — поторопил генерал. — Говори как есть уже.

— Дружок его может выступить в качестве дополнительного стимула, — поспешно выпалил Карташов.

Генерал задумался. Выходит, мысль не оригинальна. Фактически он, старлей, озвучил его, Хворостина, мысли. Но лейтенант молодой и главную ставку делает на бумажки. Вот только за бумажки, хоть за тугрики, хоть за доллары, человек может умереть или сделать что-то. А за ближнего своего он умрет, но сделает.

Правда, и здесь есть свои «за» и «против». Человек, которому угрожают, способен на большее, но опаснее. Человек, который работает за деньги, безопасен, но может развернуться и уйти, потому что терять ему нечего, кроме денег. А есть ситуации, в которых деньги теряют ценность даже для того, кто не принимает вообще никаких иных ценностей. У каждого есть какая-то слабинка, надавив на которую можно заставить делать человека что угодно.

Но в любом случае мыслит старлей верно. Кнут и пряник — лучший стимул. Ничего более простого и гениального человечество не изобрело. Либо ты делаешь и получаешь все, либо не делаешь и все теряешь.

Хворостин поймал себя на том, что сидит напряженный, и лицо жесткое до немоты. Карташов глядел на начальство с опаской. Генерал немного расслабился и по-свойски кивнул старшему лейтенанту.

— Верно мыслишь, старлей. Только я все равно твоему консультанту не доверяю. Ты вот что, пригляди за ними. Чтоб без глупостей. А то мало ли куда их потянет? По уму-то ты прав, кроме Зоны, бежать им некуда, а в Зону без оружия — самоубийство, только это по уму. А на деле там, где кончается устав, начинается человеческий фактор. Так что последи.

— Слушаюсь, товарищ генерал.

Карташов щелкнул каблуками.

— О размещении я уже распорядился. На довольствие их поставят. Завтра с утра, часов в восемь, приведешь ко мне. Не сюда, а в штаб.

— Обоих?

— Седого. Хотя можешь и обоих. Второй для подстраховки сгодится. Одна голова хорошо, а... ну ты знаешь.

Старлей вытянулся, как на параде.

— Так точно. Разрешите выполнять?

Генерал махнул рукой, давая понять, что аудиенция закончена.

Дверь тихонько скрипнула, и Хворостин остался один. Сегодня он чувствовал себя усталым. С самого утра. Бывает такое, откроешь глаза и ощущаешь себя паршивее, чем когда ложился. День не задается с самого начала. Все раздражает и хочется спать. И знаешь, что заснуть, даже если ляжешь, не сможешь. Абсолютно вареное состояние. Не то погода, не то возраст.

И при всей этой усталости генерал понимал, что отдохнуть не придется. Все предварительные договоренности есть, правда, в частном порядке, неофициально, так сказать, но это пока. Когда дело сделает, тогда даст ему огласку и станет героем этой войны. А пока, чтоб не оказаться в проигрыше, надо быть осторожным. И делать все четко и быстро.

3

Вляпался. Нашел приключений на задницу.

Мысли в голове кружились, как мухи над дерьмом, злые, остервенелые, и каждая кружила по одной и той же бездумной траектории.

Надо остановиться, сойти с круга. Подумать, переосмыслить. Жизнь дает возможность понять что-то. Бла-бла-бла! Остановился, переосмыслил.

С другой стороны, при чем здесь жизнь? Шанс у него действительно был, и никто ему денежных заказов напоследок не навязывал. Сам хотел. Значит, просто шансом не воспользовался. Сам пошел на новый круг. Не жизнь виновата, он сам виноват. Незачем было брать заказ, идти на новые риски. Пусть даже дело выглядело совсем безопасным. Видимость.

Безопасного честного дела за такие деньги не бывает. Это самообман. Если не рискуешь жизнью, то подставляешь под удар честь, совесть, репутацию. Репутация, если он так и так уходит, не дорого стоит, на честь и совесть всегда было плюнуть и растереть. Во всяком случае, сам себя он убеждал именно в этом. Но если все так радужно, то отчего внутри ноет и дергает, как больные зубы.

Снейк был мрачнее, чем с похмелья. Поговорить с бородатым Мун не успел, но видел, что тому все происходящее, мягко говоря, очень не нравится. А ведь он и половины не знает. Для него они пока просто получили заказ от военных. Впрочем, почему «только»? Для многих в Зоне такой заказ уже запахло. А тот, кто его берет, — пасюк.

За такими мыслями Мунлайт протопал через половину базы. Шли молча. Охраны поубавилось. Да и если до базы их вели под конвоем, то после общения с генералом от всего конвоя остался один солдатик. Да и тот был скорее проводник. Им вроде как доверяли. Их вроде как освободили. Но ощущение того, что «большой браг следит», не отпускало.

Их довели до барака, проводили внутрь. Провели сумрачным, стильным коридором с дощатым полом, доски которого были настелены, кажется, прямо на землю. Во всяком случае, снизу тянуло могильным холодом. Провожатый толкнул одну из последних дверей. Комнатка за дверью оказалась крохотной. По обе стороны от двери стояли двухъярусные кровати. Между ними в узком проходе устроилась крохотная тумбочка с покосившейся дверкой и зияющей сверху дырой. По всей вероятности, прежде там был ящик.

На стене справа над нижним ярусом болталась глянцевая фотография какой-то голосистой девки из журнала «Плейбой». О принадлежности девицы к журнальной фотографии говорил формат. Картинка была длиной в три листа формата А4. Чуть ниже крупной груди и по в меру стриженной интимности пролегали полосы, оставшиеся на бумаге в местах сгибов. На верхней койке валялась ободранная гитарка. Ленинградская, оценил Мун знакомые очертания. Дрова, а не инструмент. Хотя и они не в филармонии.

Левая сторона комнатенки выглядела необжитой.

— Ваше место, — кивнул провожатый на пустые койки слева.

— Возле параша? — мрачно съязвил Мунлайт.

— Туалет налево в конце коридора, — проигнорировал остроту солдатик. — В помещении курить запрещено. Только на улице.

Мун почувствовал, как возникает желание закурить, несмотря на то, что давно забросил привычку. Но сейчас высмолил бы пару сигарет с удовольствием, просто чтобы посмотреть, что этот рядовой необученный станет делать. Но сигарет не было.

— Завтрак, обед и ужин по часам, — продолжал солдатик тоном обиженной жизнью школьной учительницы. — Я зайду и провожу.

— Чтобы вести кого-то, нужно самому не быть блуждающим в темноте, — туманно поведаль Снейк.

Провожатый замолк. На бородатого поглядел странно и поспешил выйти. Хлопнула тихонько дверь. Сталкеры остались вдвоем.

Мунлайт прилепил улыбку, втиснулся в узкий, чуть шире, чем в купе поезда, просвет между койками и плюхнулся на нижний ярус.

— Жить можно, — поведаль он. — Только я, пожалуй, сверху. А то вдруг эта штука не выдержит, меня ж тогда под тобой, большой Змей, похоронит.

— Порождение Тьмы, — недовольно пробурчал Снейк.

— Само такое.

— Ты какого черта не сказал, кто он?

Вопрос вышел невнятным, но седой прекрасно понял о ком речь.

— Не шуми. Думаешь, я знал? Для меня это такое же открытие. Кто мог предположить, что этот дурачок с приборчиком для поиска аномалий — вояка?

— Кто угодно.

— Значит, мы с тобой два дурака, — пожал плечами Мун. — Зато при деньгах.

Седой запустил руку за пазуху и принялся выкладывать на тумбочку банковские пачки. Снейк смотрел за ним без удовольствия. Наконец на тумбочке выстроилась небольшая, но внушительная пирамидка. Снейк почесал бороду.

— Когда продаешь душу дьяволу, главное — не продешевить.

— Это задаток, — похвалился Мунлайт наигранно-бодро и принялся перекидывать пачки в возвращенный ему, как и было обещано, рюкзак. Правда, содержимое рюкзака подверглось тщательному досмотру, и кое-чего внутри не хватало.

— Я не работаю на военных, — пробурчал бородатый.

— Работать буду я. А потом мы уйдем отсюда. Вместе. С деньгами. Навсегда.

Снейк зло стукнул по стене кулачищем. Мун покачал головой, хотел сказать что-то, но не успел.

Дверь распахнулась, заставляя Снейка отступить в сторону, и на пороге появились хозяева комнаты.

Двое крепких молодых парней с рязанскими рожами.

— Здрасьте, на фиг, — ухмыльнулся вошедшим Мунлайт.

Один из парней молча кивнул, второй просто проигнорировал. Дружелюбием они не отличались. По всей вероятности, о том, кто их новые соседи, они знали. И вероятно, это их не радовало.

Мун молча наблюдал, как двое армейских пытаются существовать в крохотной комнатухе в обычном режиме, стараясь не замечать непрощенных соседей.

Тот, что не реагировал на новых соседей вовсе, сунулся в проход. Седой откинулся, лег на кровать, убирая с прохода ноги. Вояка продефилировал мимо так, словно Мунлайт был мебелью. Уселся напротив к тумбочке, выволок из нее лист бумаги, карандаш и принялся что-то писать.

— Стихами балуешься? — любопытствовал Мун. Парень поглядел недобро, перевернул лист, словно боялся, что седой прочитает, хотя Мунлайт лежал так, что при всём желании увидеть, что там написано, не мог.

— Ты чё нарываешься? — спросил так, словно собирался убить.

— Вообще-то просто светскую беседу поддерживаю, — усмехнулся Мун. — Гитару увидел, подумал, может, песенки сочиняешь.

Парень побагровел и начал медленно подниматься с койки.

— Федя, спокойно! — вмешался второй, тот, что выглядел чуть более дружелюбно.

Федя угрожающе качнулся и плюхнулся назад, так и не поднявшись в полный рост.

— Это моя гитара, — неприязненно проговорил второй.

— Да хоть генерала вашего, — фыркнул Мун. — Чего беситься-то?

— У него брата две недели назад на кордоне подстрелили, — едва слышно сказал гитарист. — Еле-еле откачали парня. Сейчас в Москве в госпитале Бурденко.

Мун поперхнулся. Понятно тогда, чего на них эти солдатики волком смотрят. Они для них враги. С другой стороны, если тебе поздно вечером во дворе встретились гопники и отобрали телефон, это вовсе не значит, что все, кто выходит на улицу после десяти часов вечера, — гопники.

— Я, что ли, в него стрелял? — зло поинтересовался Мунлайт.

— Ваши, — прошипел Федя, словно ему каблуком наступили на причинное место.

Мунлайт обидно расхохотался, так что парень снова начат багроветь.

— Наши? Нету там наших. Ваши, может, и есть. А наших нету. Каждый сам за себя. Сам за себя делает, сам за себя отвечает.

— Хорош заливать, — вступился гитарист. — А как же группировки?

— Продвинутый? — ухмыльнулся Мунлайт. — Это ты откуда взял?

— В учебке. Рассказывали, фильмы крутили.

— Тех группировок не так много. Раз-два и обчелся. Вольных сталкеров куда больше. А ещё есть бандиты, которых мы любим примерно так же, как вы. Так вот, если вы сами не нападали, то по кордону стрелять никто не станет. Разве только гопота.

— Свистишь, — неуверенно сказал Федя.

— Ни разу. Готов поклясться остатками совести. Вы сами в Зоне были?

— На кордоне.

— На кордоне, — передразнил седой. — Вам всякую хрень втирают, а вы и уши развесили. Там всё неоднозначно.

Парни смотрели недоверчиво. Мун ответил честным открытым взглядом. Наконец тот из солдат, что лез в бычку, встал и протянул руку:

— Федор.

— Мунлайт. — Седой пожал здоровенную, как лопата, ладонь.

— Игорь, — представился второй. — А по-нормальному как?

— По-нормальному Мунлайт, — повторил Мун. — А по паспорту не помню, посмотреть надо. Только паспорт в кондом завернут, кондом в схроне, схрон в Зоне. А до Зоны идти далеко, и вас генерал не отпустит.

И седой расплылся в фирменной улыбке.

— Шутник, — неуверенно заметил Федя.

— Как говорил один мой осетинский друг, «клоун-пидарас». Тот тоже пошутить любил. Пока ноги не выдернули.

Игорь ответил неуверенной улыбкой.

— А почему Мунлайт?

— Теперь говорят, потому что голова как луна, — тоскливо ухмыльнулся седой. — А раньше... Гитару дай-ка.

Игорь подхватил инструмент с верхнего яруса и пихнул Муну.

Сталкер перебрал струны, пытаясь изобразить пару аккордов из песенки Криса де Бурга. Гитара отозвалась фальшью. Мунлайт поморщился.

— Кто так строит?

Он затренькал по струнам и принялся ловко вертеть колки. Гитара звучала ровно на свои возможности, но по крайней мере в руках Муна она начала хоть как-то звучать.

Наконец он провел рукой по струнам и начал натренькивать нехитрый мотив.

— *And if you save yourself*, — хрипло запел сталкер.

You will make him happy.

He'll keep you in a jar,

And you'll think you're happy...

Парни, что только-только готовы были игнорировать седого, а затем и вовсе собирались набить ему морду, смотрели теперь с интересом. Пальцы Мунлайта резво бегали по струнам.

He'll give you breathing holes,

And you'll think you're happy.

He'll cover you with grass,

And you'll think you're happy now...

Мун пел хрипло, видно, глотку ночью все же сорвал. Допосылался всех и вся в музыкальном формате.

Снейк тихо тронул дверь и вышел. За дверью было несопоставимо холоднее. Словно не в коридор зашел, а в склеп.

You're in a laundry room

You're in a laundry room

The conclusion came to you, oh...¹⁰

— неслось в спину.

¹⁰ *И если спасешься,*

Ты сделаешь его счастливым.

Он положит тебя в баночку,

И ты будешь думать, что счастлив.

Он проделает в крышке отверстия,

Чтобы тебе легче дышалось.

Он укроет тебя травой,

И ты будешь думать, что наконец счастлив.

Ты в прачечной!

Ты в прачечной!

Делай выводы... (англ.)

Фрагмент песни Sappu Курта Кобейна

Мун ударил по струнам, и куплет с незначительными изменениями понесся по кругу.

На улице тихо кружились снежинки. Мягкие, крупные. Кружились, падали на раскисшую грязь и тут же таяли. Лишь особенно упорные, объединившиеся между собой, залегли кое-где белесыми пятнами, но и те не способны были удержаться. Как только перестанет сыпать, все стает. Снег придет и утвердится позже. А пока у него нет шансов.

Снейк оперся о гнутые перила и стал смотреть на снег, время от времени подставляя ладонь под пушистые белые хлопья.

Через стены, коридор и запертые окна голоса Муна практически не было слышно. Снейк скорее угадывал, что тот перешел на третий куплет, а потом, пропев про прачечную, наталкивающую на мыслительный процесс, тренькнул последним аккордом.

Какое-то время ничего не происходило. Видимо, песенное творчество себя исчерпало, и Мун со своими новыми знакомцами перешел к простому человеческому общению.

Но надежда на подобный исход не оправдалась. Не прошло и пяти минут, как гитара зазвучала снова. Причем проще, примитивнее и громче.

*Стоит сосна, река жемчужная течет,
А вдоль нее парнишка с девушкой идет.
Они идут, не замедляя быстрый шаг.
А у того парнишки слезы на глазах.*

Голос нового песнопевца был фальшив. А если по-честному, то голосом там и не пахло. Зато искренности было, хоть отбавляй.

*«Я ухожу, — сказал парнишка ей сквозь грусть. —
Я ухожу, но обязательно вернусь».
И он ушел, не встретив первую весну...
Домой пришел в солдатском цинковом гробу.*

Снейк поморщился. Народное творчество во всех смыслах. Автор теперь уже так и останется никому не известным. И поют это все кому не лень, включая тех, которые представления не имеют ни об Афганистане, ни о том, что там происходило. И всю историю той войны знают разве что по старому плохому фильму одного лысого режиссера.

Скрипнуло. Снейк повернулся к двери. На крыльце стоял Мунлайт.

— Друзей новых нашел, — тихо пробурчал Снейк.

— Змей, не дури. В конце концов, нам с ними под одной крышей торчать какое-то время. И лучше мирно, чем...

— Чем? Про кордон и гопников ты все красиво загнул, но только все это неправда. Потому что они стреляют в нас, а мы в них.

— Снейк, здесь все во всех стреляют. И верить никому нельзя. Я вот, кроме тебя, никому не верю. Разве что Угрюмому еще. Но не потому, что мы с ним близки сильно были, а потому что такие, как он, скорее себе врут, чем окружающим. И я никому не врал, потому что мы сейчас ни в кого не стреляем.

— А потом?

— А потом мы уйдем. Совсем, как и договаривались.

Бородатый недовольно мотнул головой.

— Давай сейчас.

— Что сейчас? — не понял Мунлайт.

— Сейчас уйдем.

— Мы впряглись в работу.

— Оставь аванс и пошли. Кто мешает? Сбежим без денег.

Мун поглядел так, словно у него внутри сходились Ленский с Онегиным. Больно, ярко и столь могуче, что еще на две сотни лет потомкам будет над чем пострадать.

— Мы не можем сейчас уйти, Снейк.

— Денег пожалел, — фыркнул бородатый.

— Дурак ты, — беззлобно, с тоской ругнулся Мун. — Ну считай, что пожалел.

К вечеру седой снова набрался. Федя с Игорем надыбали где-то литр медицинского спирта и вместе со своим новым знакомцем набрались под гитару и сталкерские байки.

Снейк просидел с ними с полчаса и пошел на воздух.

А мы берет на лоб надвинем,

И автомат удобней вскинем.

И с улыбкою веселой

Будем жечь дома и села.

А мы по локоть закатаем рукава,

А мы деревню раскатаем на дрова.

Мы будем водку жрать и девок будем драть,

И нам на совесть наплевать,

— горланил пьяный Мунлайт.

Бородатый обошел барак кругом. С той его стороны, откуда выходили окна комнат, звуки проходящей внутри жизни доносились куда лучше:

Ты берет и я берет,

Оба мы зелёные.

Ты меня не надерешь,

А я тебя тем более...

Да. Раньше он пел другие песни. И не работал на военных. И не набирался из-за того, что Угрюмый ушел и не вернулся. Ведь это ничего не значит. Сам же Мун тоже пропадал все это время.

А у Угрюмого, может, все хорошо. Может, он тоже изменился. Может, он вообще уже давно не Угрюмый.

Все же меняются. Это только на глупых коллективных встречах с людьми, с которыми не виделся по десять лет, принято орать: «Ой, а ты все такой же, ты ничуть не изменился». Если бы никто не менялся, то эти встречи можно было бы продолжать бесконечно. А они обычно себя исчерпывают через пару часов, когда все повспоминали как было и рассказали друг другу вкратце, что произошло за последние десять лет. И все. Точки соприкосновения кончились. Потому что все изменились.

Тот, кто скажет, что есть товарищи, которые не меняются вовсе, либо дурак, либо просто очень плохо разбирается в людях. Но от некоторых изменений некоторых индивидов отчего-то становится горько.

Подморозило. Снег сделался жестким и, ложась на землю, теперь не таял. Благодаря ему вокруг медленно, но верно становилось светлее. Только вдалеке чернел лес и не используемые военными дома.

Снейк посмотрел на светящиеся окна барака. За одним из них бренчала гитара. Может быть, надо было каждому идти своей дорогой? Каждому решать за себя? А они придумали объединить два решения и теперь снова катятся по порочному кругу, который собирались остановить.

Или Зона — это такой лабиринт, из которого нет выхода? Нет, выход есть.

Вот взять и сбежать прямо сейчас, порвать круг. Доказать, что выход есть. Себе, Муну, да кому угодно.

Снейк замер, мысли остановились, как впечатавшийся в стену локомотив. Впереди из-за угла ближайшей избенки выдвинулся знакомый силуэт. Застыл, преграждая дорогу.

— Куда намылился, Змей?

— Гуляю я, Сберкнижечка, — отозвался Снейк.

— Какая я тебе Сберкнижка, — набылчился тот, что называл себя Игроком.

— Да, в самом деле, сберкнижка из тебя теперь аннулированная. Башляешь-то не ты.

Снейк вдруг с удивлением заметил, что в отсутствие Муна передергивает его манеру. С седым рядом он не стал бы изгаляться над Игроком, да это было и не обязательно, Мунлайт прекрасно справился бы сам, а сейчас...

Старший лейтенант шагнул вперед и серьезно поглядел на Снейка.

— В общем, так, — сказал с угрозой. — Завязывай прогулку и чеши спать. И этому своему скажи, чтобы вечер народного творчества прекращал. Если через десять минут не будет тихо, ему станет грустно. Это я могу обещать, хоть и не башляю.

4

Утром их разбудил Игрок. Подтянутый, свежий, чисто выбритый, в новой форме с погонами старшего лейтенанта. Даже рожа уже не выглядела такой избитой. Опухоль спала, синяки чуть побледнели, ссадина подзатянулась.

— Старший лейтенант Сберкнижкин, — гадко ухмыльнулся Мунлайт с верхней койки.

— Разговорчики!

— Ой, он еще и командовать придумал, — всплеснул руками Мунлайт. — Вы на него поглядите. Вонючка подрейтузная. Там где-то Федя был, ты вот им покомандуй. Федя! Федя, где ты?

Мунлайт дурашливо свесился вниз головой и оглядел застеленные койки соседей. Феди и Игоря не было, а вместе с ними и еще чего-то не хватало.

— Гитара где? — посерьезнел Мун.

— Изъята, — мстительно разулыбался Игрок.

Мун легко перевернулся и прыгнул вниз. На нижней койке сидел сонный Снейк.

Седой поглядел на лейтенанта так, словно готовясь двинуть ему в челюсть с другой стороны.

— Сука ты, старшой, — с тихой угрозой произнес Мун.

— Вас генерал ждет. У вас десять минут. Время пошло, — самодовольно отозвался Игрок и вышел.

Генерал ждал не у себя, а в так называемом штабном домике. Понять, на кой нужен был в текущих условиях этот домик и почему бы генералу не гонять всех прочих к себе, Мун не мог. Разве что старый хрен хотел сохранить какое-то личное пространство. Но опять же зачем? Семью сюда не привезешь, если ты только не клиент Кащенко. Шалав генералу здесь взять тоже вроде бы неоткуда.

Старлей взбежал по ступеням и распахнул дверь.

— Вперед.

Снейк напрягся, приказы со стороны старлея его, кажется, особенно раздражали.

— А пошел ты, Сберкнижка, в задницу, — от души послал бородатый и повернулся к Муну. — Ещё всякая шелупонь будет мне приказы отдавать. Не хочу в этом участвовать.

— Точно решил? — прищурился Мунлайт. Змей неопределенно мотнул головой.

— Хорошо, — кивнул Мун, — оставайся.

— Генерал ждет обоих, — жестко произнес Игрок.

— Это я буду обсуждать с генералом. — Голос Муна зазвенел металлом. — А ты, сывка, дорогу показывай.

Лейтенант налился краской. Пальцы стиснули дверную ручку с такой силой, что на мгновение показалось — не выдержит ручка, треснет и отвалится с легким щелчком. Пальцы побелели, но щелчка, разумеется, не последовало.

Мун ухмыльнулся. Лейтенант справился с эмоцией, сохранил выдержку и молча кивнул на вход. Седой прошел мимо как ни в чем не бывало.

— А ты здесь жди, — зло прорычал старлей Снейку и с силой захлопнул дверь.

Темный душный предбанник сменился светлой хорошо проветренной комнатой. Старый хрен сидел за столом и листал какие-то бумажки. Не то в самом деле работал с документами, не то создавал видимость. Мунлайт отчего-то заподозрил второе.

— Здрасьте, на фиг, — сообщил с порога.

Генерал оторвался от своих бумажек и поглядел на старлея и сталкера.

— Второй где? — спросил сухо.

Старлей злорадно поглядел на Мунлайта и кивнул на него: мол, его работа, с него и спрос. Генерал перевел взгляд на седого.

— У меня условие, — тихо и веско сказал Мун.

— Ты уже условия ставишь? — вскинул бровь генерал. — Напоминаю, ты взял аванс.

— Я помню. И от работы не отказываюсь, но Снейка в это попрошу не втягивать.

Лицо генерала сделалось удивленным.

— А на хрен мне его тогда на довольствии держать, если он работать не станет?

— Работать стану я. Этот, — Мун кивнул на Игрока, — со мной договаривался. И подряжался к тебе тоже я, не Снейк. А на довольствии он повисит. Много не съест. Если считаешь иначе, отпусти его прямо сейчас, и всё.

— Вот еще, — фыркнул генерал. — Ладно, допустим. Только у меня требование. Про вчерашний концерт твой я знаю. Так вот, чтобы он был первым и последним. Нечего мне дисциплину гробить. Усек?

— Хорошо, — согласился Мун. — Только скажи своему хорьку, чтобы парням гитару вернул. Должна быть у людей хоть какая-то радость.

Генерал поглядел на сталкера, и тот снова почуял себя так, словно на него смотрели через амбразуру.

— Ладно, верю тебе на слово, — подтвердил общие договоренности генерал. — Старлей, скажи второму, пусть погуляет. И гитару верни потом.

— Слушаюсь, товарищ генерал.

Судя по голосу, Игроку приказ не понравился, но спорить он не осмелился.

— Сейчас, — заупрямился Мун. Генерал стиснул челюсти.

— Детский сад. Верни им балалайку, старлей, и возвращайся, — подытожил он и повернулся к Мунлайту. — Но тебе все это придется отработать.

Мун кивнул. За лейтенантом тихонечко закрылась дверь.

— И ещё, — тихо сказал седой. — Я хочу знать, для чего вам все это надо.

— Что, совесть беспокоит?

— Хочу знать, в чем я участвую.

— Я тебе уже сказал, — не моргнув отозвался генерал.

— Не припомню.

— Нам нужна база внутри Периметра. У вас там свои интересы, у нас свои. Доступно?

— Доступно, — недовольно проворчал Мунлайт.

Все вроде было честно и понятно, но что-то не нравилось. То ли Снейк со своим предвзятым отношением, что на вояк работать нельзя, то ли генерал все же где-то лукавил. Понимания не было, было смутное ускользающее ощущение, что что-то не так.

Генерал встал из-за стола, подошел к стене и отдернул шторку, за какими у иных хозяек прячутся кладовочки. За этой шторкой никаких кладовок не было. Там расположился здоровенный, в полстены, экран, который можно было, бы ожидать увидеть в новомодном офисе в центре крупного города, но никак не здесь.

Седой присвистнул. Генерал принялся колдовать над пристегнутым к панели ноутбуком. Экран осветился синим, затем моргнул и высветил общую карту Зоны.

— Начнем с общих моментов.

— Начнем, — кивнул Мун на экран в полстены. — Где ты это дерьмо мамонта достал?

— Вообще-то модель новая и не для массового потребителя, — сердито ответил генерал.

— Я не про панель. Я про карту. На ней темных пятен больше, чем на той, по которой Колумб в Индию плыл.

— Другой нет.

Мун сунул руку в карман, пальцы нащупали наладонник.

— Ламеры, — протянул он и гнусно ухмыльнулся.

Когда старлей вернулся, в комнате было шумно. Экран на стене заполнила карта настолько подробная, что с ней он, пожалуй, и сам мог попытаться выйти из Зоны. Хотя если верить местным, то внутри все не статично. И аномалии возникают и исчезают, и снова возникают в других местах, так что их на карте не нарисуешь. А насколько эффективны датчики, он ещё помнил.

На столе валялся наладонник седого, что отметало последние сомнения касательно того, откуда взялись новые карты. Впрочем, сомнений и так не было.

Хворостин с седым общались на равных. Как профессионал с профессионалом. И сейчас Карташов должен был отдать Мунлайту должное. Он не хвастал, он и в самом деле знал Зону в разы лучше, а быть может, и вообще как никто другой. В любом случае польза от седого была, и Сергей успокоил себя тем, что не напрасно терпел идиотские выходки и дрянной характер.

Старлей тихо прошел к окну, приоткрыл форточку, благо в комнате становилось душно, и тихонько присел в сторонке.

Генерал спрашивал обо всем. Расспросы его касались самых разных вещей, казались не связанными между собой. Он прыгал с темы на тему, и Сергей не сразу понял, к чему эти перепрыгивания. Картинка начала вырисовываться только полчаса спустя. Наметились какие-то закономерности.

Хворостин играл. Тонко и изящно. Две трети его вопросов к делу не относились, а оставшиеся задавались в такой форме и последовательности, что понять, к чему они задаются, можно было лишь в том случае, если знать, чего добивался генерал.

Для непосвященного со стороны все это выглядело как детская викторина: «Хочу все знать».

Мунлайт посвящен не был, это старлей знал наверняка. И если подозревал о чем-то и пытался что-то просчитать, то его явно ждало разочарование. Генерал на сто процентов вжился в роль и не отступал от нее ни на йоту, выуживая между делом необходимую информацию и получая в нагрузку кучу информации ненужной. Хотя как сказать. Информация бесполезной не бывает.

Седой отвечал четко и по делу. Сталкерских баек не травил, историй из своей юности с моральями не рассказывал и советов тоже не давал. Во всяком случае, пока Хворостин не перешел к основной части.

— Куда предложишь высаживаться? — без обиняков в лоб спросил генерал.

Он защелкал кнопками, уменьшая масштаб. Последние частности, о которых шла речь, съезжились. Экран заполнился общей картой. Грязноватой, ошетилившейся массой разношерстных обозначений. Даже в схематическом виде Зона отчуждения выглядела недружелюбно.

Мунлайт молча ткнул в карту. Там, куда указал палец сталкера, расположился комплекс серых многоугольников.

— Что за постройки?

— Агропром. Раньше НИИ «Агропром».

— Почему туда? — любопытствовал генерал. Несмотря на раскрытую настежь форточку, ему было жарко. Лицо покраснелось, на лбу выступила испарина. Но Хворостин держался стойко, даже верхнюю пуговицу расстегнуть себе не позволил. Только иногда промакивал лоб платочком, стараясь делать это незаметно.

— Вам ведь нужна база?

Генерал кивнул.

— Во-первых, Агропром находится на отшибе, здесь поспокойней во всех отношениях. Потом Агропром — это готовые помещения. Это раз. Пусть они давно не используются, но

они есть и в терпимом состоянии. При небольших затратах их можно обжить. Во-вторых, как я уже сказал, помещения не используются. Там никто не базируется.

— Думаешь, нас напугает сборище охламонов вроде тебя? — подал голос лейтенант и тут же прикусил язык, поймав красноречивый взгляд Хворостина.

— Думаю, — небрежно отозвался Мун, — что лучше ни с кем не конфликтовать, если это не требуется. Вы же туда не на один день. Кроме того, кого ты собрался выкуривать, Сберкнижка? «Долг»? Это бывшие военные, и Зону они топчут в отличие от тебя не один день. «Свободу»? Они очень хорошо экипированы и достаточно решительны. В свое время попёрли с военных складов ваших коллег. Можешь навести справки. Думаешь, у тебя получится их оттуда так просто выбить? А может, ты хочешь в Припяти базу? Или на ЧАЭС?

Генерал поморщился, постучал ладонью по экрану.

— Хватит болтать. Давай дальше. То есть Агропром хорош тем, что легко может быть оборудован и там никого нет?

— Я не сказал, что там никого нет, — ухмыльнулся Мунлайт. — Я сказал, что там никто не базируется. Какие-то бандюки там тусуются. Иногда одиночки заходят, но редко. Большею частью бандитская территория.

— И много там этих бандитов?

Мунлайт пожал плечами.

— Кто ж их знает. Но взвода, чтобы их оттуда выбить и держать территорию, вам хватить должно. Аномалий в окрестностях немного. Мутантов там толком нет. Разве что по подвалам пройтись. В канализации местной, правда, черт знает что водится, но канализация вам и не нужна. Она своей жизнью живет, зачем туда соваться?

— Значит, Агропром, — задумчиво произнес Хворостин и приблизил серые прямоугольники. Здания на карте приняли более четкие очертания, появилась детальная прорисовка.

Сергей тоже взгляделся в карту. Что там видят седой сталкер и генерал, он не знал. Даже представить себе не мог, да и не хотел представлять. Достаточно было того, что видит в этих серых крышах он, старший лейтенант Карташов.

А он видел там первую веху, первый шаг на пути очищения маленького кусочка истерзанной взрывами земли от большой кучи человеческого мусора.

В барак Мун вернулся уже по темноте и уставший, как собака.

Игорь спал, смешно посапывая. Гитара его стояла в углу, прислоненная к стене.

Федя сидел возле тумбочки и что-то старательно царапал карандашом на клетчатом листочке с оборванным краем. На открывшуюся дверь он поднял голову и молча кивнул. Мунлайт ответил тем же. Сил на разговоры не было. Да и чего бубнить, когда люди спят.

Снейк тоже дрых. Или притворялся, решив не поднимать щекотливые темы. Ладно, потерпит. Сам отказался, пусть теперь томится в неведении. Главное, и дальше не посвящать его во все это. Старый хрен обещал, что не потянет Змея в свои игры. Верить генералу, конечно, не стоит, но пока он слово держит. Будем надеяться, продержит до конца. А тогда он возьмет деньги, Снейка, и они сдернут отсюда. Навсегда. Или хотя бы очень надолго. И армейская база в Зоне останется на его совести, а не на совести бородатого.

С этой мыслью Мун забрался наверх и с наслаждением вытянулся, закинув руки за голову. Заснул он быстро. Во сне явился почти забытый за пьянками и суматохой последних дней образ. Тень не приставала с расспросами о смысле жизни вообще и его существования в частности. Прозрачный двойник смотрел на Муна и гнусно улыбался его же улыбкой. А в дымчатых глазах, за которыми не могло быть никакой души, стояло осуждение. И от этого взгляда он проснулся.

В комнатенке было темно и душно. Пахло казармой. Снизу неся переливчатый храп на два голоса. Мун перевернулся на другой бок и попытался отключиться, но сон не шел. Стоило только закрыть глаза, как перед внутренним взором поднимался дымчатый силуэт с осуждающим взглядом.

Следующие три дня прошли по той же схеме и, признаться, основательно вымотали.

Каждое утро в комнату вламывался старлей, поднимал его, норовя гаркнуть погромче, чтобы разбудить заодно и Снейка, и уходил. Мун поднимался, приводил себя в порядок, памятуя о том, что в любых условиях главное оставаться чистым, и топал к штабному домику.

На значащийся в распорядке завтрак он при таком режиме не попадал. Старый хрен не завтракал, только кофе глушил, но смекнул, что у кого-то аппетит может быть и получше. Потому вместе с кофе, растворимым и довольно паршивым, стали появляться бутерброды.

Консультировать приходилось много. Генерал сыпал вопросы как из рога изобилия. Его интересовало, кажется, все. Помимо него на их совещаниях присутствовал удивительно молчаливый старший лейтенант, которого именовать Сберкнижкой теперь было ни к чему, а другого достойного погоняла не придумалось. Помимо него несколько раз появлялся хмурый мужик лет тридцати с капитанскими погонами.

С капитаном Мун успел даже поговорить несколько раз тет-а-тет. Его звали Андрюхой, и оказался он куда приятнее в общении, чем все его сослуживцы вместе взятые. Генерал был себе на уме, старлей седой в последнее время и за человека считать перестал, Федя с Игорем были просты и примитивны до туповатости, как два валенка. А капитан Андрюха был человеком. Мун пожалел даже, что не встретился с ним в другом месте и при других обстоятельствах.

Работа шла рывками. Параллельно что-то происходило. Или жизнь на кордоне была такой суетной. Хотя с чего бы им суетиться? Но тем не менее какое-то скрытое движение в окружающем мире присутствовало. Периодически убегал куда-то капитан Андрюша. Время от времени уходил, и надолго, старший лейтенант. Да и сам генерал временами прерывал работу и удалялся или выгонял Муна на часок погулять.

В такие моменты он шел искать Снейка. Бородатый слонялся по базе без дела, как тень. Мрачный и понурый, витал где-то в своих мыслях. Сперва пытался приставать с расспросами, но седой жестко расставил точки над «і»: мол, не хотел в это соваться, вот и не суйся. Змей обиделся, но виду не подал.

Правда, с Муном говорил теперь неохотно, все чаще бурчал, называя приятеля порождением Хаоса, но бежать больше не предлагал. Почему Змей отказался от этой мысли, седой не догадывался, да и не думал об этом. Просто был благодарен за то, что тот отнесся с пониманием и не приседает на уши.

На четвертый день генерал вытурил Муна, когда только-только начало смеркаться, и назад не позвал.

Подморозило. Болтаться на воздухе было холодно, и седой засел в бараке. Пальцы тихо перебирали дешевые пластиковые струны, а в голову стучалась мысль: может быть, это конец? В его услугах уже не нуждаются и работа выполнена?

Мысль была приятной, смущало в ней только одно. Мун не верил в легкие деньги. По опыту знал, что бесплатный сыр бывает исключительно в мышеловке. И этот опыт активно портил настроение.

5

Штабной домик не спал. И работа здесь шла, несмотря на то, что консультанта отправили на заслуженный отдых. А вернее сказать, отослали за ненадобностью. Не потому, что советы Мунлайта здесь были теперь не нужны, а потому как не нужны были лишние уши.

А сказано было здесь уже очень много. И присутствуя при этом седой сталкер, ему бы многое очень и очень не понравилось. Потому как говорили сейчас не только и не столько о том, что Мунлайту было известно, а больше о том, о чем ему умалчивалось.

Сперва в комнате было довольно много народа. Потом стало чуть меньше. А с отъездом летчиков остались всего трое.

Хворостин устало тер виски и покашливал. Откуда при эдакой духоте взялось у него это покашливание, капитан Берденко не знал, да и не сильно интересовался.

Старлей Серёга был бодр, активен и неутомим. Больше всего он напоминал капитану взявшего след сеттера. Столько же радости, рвения и такое же отсутствие мозгов. Хотя нет, безмозглым старлея назвать было трудно. Но изменился Серёжа сильно.

Андрей давно заметил, что бывший приятель несколько отдалился. Если прежде было между ними вроде бы что-то теплое, свойское, дружеское, то с появлением на кордоне нового начальства Сережу как подменили.

Карташов стал надменнее, что ли, холоднее. Ничего теплого и свойского в их отношениях не остаюсь. Да и отношений толком не осталось. Из чего капитан делал неутешительный вывод, что дружбы у него с Серегой никогда и не было.

С его стороны было дружеское расположение, а с карташовской — холодный расчет. А дружба такая штука, которая в одни ворота не бывает.

Капитан тяжело вздохнул. Сам он не разделял ни решимости генерала, ни радужных настроений старлея, ни готовности исполнять приказ, с каким отбыли из расположения летчики. Теперь Андрей мог признаться уже не только себе, ему категорически не нравилось то, что здесь происходит. Ни новая метла, ни её непонятные, отдающие самодурством заметы.

Генерал взял со стола стакан в железном подстаканнике с золотистым чаем, хлебнул шумно и снова покашлял.

«Нервное это у него, что ли? — подумал Андрей. — Или аллергическое? А может, генерал — астматик?»

— Так, проговорим все ещё раз для верности, — откашлявшись, сообщил Хворостин.

Андрей зажмурился и потер глаза. Все, что генерал собирался проговорить ещё раз для верности, он уже сам заучил наизусть, хоть в хворостинских планах капитану Берденко отводилась весьма скромная роль.

Тем не менее он мог с точностью до миллиметра показать на карте и рассказать, откуда зайдут вертолеты, как деморализуют противника ударом с воздуха, куда приземлится под прикрытием вертолет с десантом и по какой схеме взвод в четверть сотни человек во главе со старшим лейтенантом Карташовым начнет чистить территорию несчастного Агропрома.

Генерал говорил тихо и нудно, на одной ноте. И если бы он не покашливал, Андрей, наверное, заснул бы прямо здесь. Зато Серега слушал и повторял с прилежностью зубрилки-отличника.

Выслуживается, гад. Андрея вдруг разобрала злость. Один дурит, другой выслуживается, а о последствиях хоть кто-то подумал? И тут же нахлынула апатия. С другой стороны, что он, самый умный? Если ему приходят в голову какие-то вещи, то уж старшему и по званию, и по возрасту они должны бы тоже прийти.

— Все, старлей, — оторвал от невеселых мыслей голос Хворостина, ставший снова живым, а не монотонным. В нем даже засквозили какие-то отеческие нотки. — До завтрашнего утра свободен. Отбой.

Сергей вытянулся по стойке «смирно» и чуть резче, чем следовало бы, рывкнул: «Слушаюсь!».

— И ты свободен, капитан, — повернулся к Андрею генерал. — Задача ясна?

— Так точно, товарищ генерал, — отозвался Берденко.

— Тогда отбой.

Капитан поднялся, проследил за идущим к двери лейтенантом. Тот притормозил в дверях, но Андрей в сторону выхода не двинулся, и Карташов дернул ручку.

Берденко повернулся к лейтенанту спиной, поглядел на Хворостина.

— Разрешите вопрос, товарищ генерал, — отчеканил Андрей, слушая, как за спиной с тихим скрипом отворяется дверь.

— Валяй, — небрежно разрешил Хворостин.

В этой небрежности, которую периодически замечал за генералом, Хворостину, должно быть, чудилось нечто, роднящее его с подчиненными. Мол, он не просто генерал, а «слуга

царю, отец солдатам». Но на деле выглядело это настолько фальшиво, что вызывало обратный эффект. Во всяком случае, в отношении Андрея эта вольность и закос под равноправие отдавали фамильярностью и панибратством и раздражали.

Скрипнуло второй раз. Дверь с тихим стуком ударилась о косяк. В предбаннике зашлепали шаги.

— Что вы намерены делать с консультантами потом? — тихо спросил Андрей.

Начал издали, хотя его больше волновал другой вопрос.

— А что с ними делать? — пожал плечами Хворостин. — Заберут свои деньги и нехай катятся на все четыре. Или ты думаешь, я ради этих охламонов мараться стану?

— Никак нет, — соврал Берденко.

Мысли о том, что консультантов по завершении работы просто пустят в расход втихаря, посещали капитана последние дни не единожды. Так хотя бы в этом плане немного отлегло от сердца.

— Отработаем завтрашнюю операцию. Помогут подготовить основную и пусть гуляют. За свои слова, капитан, я отвечаю. Еще вопросы есть?

Хворостин поглядел жестко, колюче. Так, что захотелось отвести глаза. Но капитан взгляда не отвел.

— Есть. — Голос его вдруг осип и Андрей замолчал, собираясь с силами, наконец заговорил тихо и быстро, словно заранее оправдываясь за назойливость. — Товарищ генерал, мы на территории другого, пусть и союзного, государства. На каком уровне решается вопрос по завтрашней операции?

Генерал полоснул взглядом, словно шашкой. Кхекнул и одним глотком допил остатки чая. Внутри оборвалось. Андрей понял, что знает ответ, что оправдываются самые худшие опасения, что он уже не хочет этого слышать, что хочет услышать что-то другое... всё что угодно, но только не то, что ему теперь ответят.

— Вот потому, капитан, завтра командовать там будет старший лейтенант Карташов, а не ты, — зло процедил Хворостин. — Вопрос решается на уровне повыше твоих капитанских звездочек.

Самое разумное сейчас было извиниться и уйти, но Берденко вдруг словно разорвало изнутри. Будто где-то там долгие недели копилось что-то царапающее, скребущее, недовольное. Наполняло, распирало, как гелий резиновый шарик. А теперь кто-то поднес к этому шарiku иголку, и все накачанное рвануло наружу. Бах!

— Такие вопросы, — проговорил он неожиданно твердо, — решаются на уровне сильно выше моих или ваших звездочек.

— Зарываешься, капитан. — Хворостин расправил плечи, словно петух, готовый задавить соперника внушительностью встопорщенных перьев.

— В Кремле знают? — в лоб спросил Андрей.

— В Кремле узнают тогда, когда я буду внутри Периметра. Когда я буду удерживать и контролировать какую-то территорию. Когда станет ясно, что победа у нас в кармане, и будет понимание того, что мы с этой победы можем поиметь. Вот тогда подключится тяжелая артиллерия.

— Товарищ генерал, это беспредел. Я не стану в этом участвовать.

Хворостин посерел. Губы его побледнели и превратились в тонкую сурую нитку. Когда генерал заговорил снова, слова вылетали из него так, будто он сплевывал каждое.

— Закрой рот, капитан, и думай впредь, кому и что говорить. Понял? Ты не на гражданке. Твое дело выполнять приказы. Понял?

— Так точно, — зло отозвался Андрей.

— Тогда свободен.

Берденко развернулся и, не сказав больше ни слова, покинул помещение.

Решение созрело само собой, так же резко, как возник предшествующий ему выплеск эмоций. Просто что-то щелкнуло в голове, и стало ясно, что так надо. Только так. По-другому нельзя.

Он выскочил из штабного домика и вприпрыжку кинулся к казарме. Свой домик был оборудован только для генерала. И Берденко, и Карташов, и младшие офицеры жили в бараках, на общих условиях. Разве что имели отдельные комнаты.

В комнату он вломился шумно, с рывка, как несущийся через лес кабан. Дверь резко хлопнула в установившейся после отбоя тишине. Щелкнул выключатель, тусклая желтая лампочка вспыхнула на контрасте так ярко, что чуть не ослепила, заставляя сощуриться.

«Что ты делаешь? — дернулось в голове остатками здравого смысла. — Ты солдат, твое дело — выполнять приказы».

Рука решительно дернула дверцу тумбочки. Так надо. Это честно. Есть приказы, которые выполнять нельзя. Если приказ идёт против совести и совесть эта ещё есть. Может, это и против присяги, но зато по-человечески. А законы человеческие никто не отменял. И нет такого закона, который обязал бы солдата стрелять в своих соотечественников. Здесь присяга не работает. Только личные интересы, этой присягой оправданные, и совесть. Что пережмет. А дальше выбор. У каждого свой. В каждом случае индивидуальный.

* * *

Хворостина в его избенке не оказалось, но в штабной домик возвращаться Берденко не стал. Он стоял у крылечка, смотрел на низкие, закрывающие луну облака и курил. Дымил одну за одной, чего с ним не случалось больше десяти лет. С тех самых пор, как первая любовь вильнула хвостом и ушла к другому.

Генерал появился на четвертой сигарете. Злой и уставший. Андрей заприметил его раньше, чем заметил капитана Хворостин. Потому успел отметить и ссутулившуюся спину и шаркающую походку, какой за грозным генералом прежде не замечал.

Берденко отбросил окурок и вышел вперед, заступив дорогу.

Хворостин не дрогнул от неожиданности, но поспешно выпрямился.

— Разрешите обратиться, товарищ генерал.

— Что тебе еще? — хмуро поглядел Хворостин. Андрей молча достал подготовленную бумагу и протянул генералу. Тот принял, глянул мельком, фыркнул брезгливо.

— Ты и правда дурак, капитан. Что, очко выиграло?

— Прошу...

— Я вижу, что ты просишь, — перебил генерал. — И вот что я тебе скажу.

Он перехватил капитанский рапорт за уголки и дернул. Бумага с треском порвалась на две части. Хворостин сложил вместе получившиеся половинки и дернул снова и снова. Берденко смотрел на начальство зло. Будто ему связали руки за спиной, а потом плюнули в лицо, не оставив возможности ответить.

Наконец Хворостин закончил раздирать останки несчастного листка и медленно посыпал обрывки на землю.

— До конца операции, капитан, ты будешь сидеть здесь, на кордоне, и выполнять свои непосредственные обязанности. Когда все закончится, я подпишу тебе любой рапорт. Хоть о переводе, хоть об увольнении в запас. Мне не нужны такие люди, как ты. А сейчас кругом! Шагом марш! И сделай так, чтоб я тебя не видел.

И Хворостин пошел прочь, яростно чеканя шаг.

6

Сон не шел. Он проворочался почти до самого утра. Никак не мог найти удобную позу, а в голову лезли дурацкие мысли. Когда наконец забылся, в глаза резко ударил свет, а по комнате разнеслось оглушительное:

— Камера, встать!

Мунлайт вздрогнул, выматерился и приоткрыл один глаз. По ту сторону комнаты были по струнке застелены койки, улыбалась с картинки перегнутая в двух местах девка. Феди с Игорем не было, несмотря на ранний час, а в дверях торчал лейтенант экс-Сберкнижка.

— Старшой, — сердито буркнул Мун. — Ты не на Колыме стажировался? Мы в Зоне, а не на зоне. Какая камера? И чего за церберские замашки? Будешь гавкать, вообще не встанем.

— Можете не вставать, — победно сверкнул глазами старлей. — Можете ползти, лететь, телепортироваться — ваше дело. Но если через десять минут вас не будет у генерала, встать вы уже не сможете, даже если захотите. И будет вам вместо гонорара пожизненный эгих с гвоздями.

— Ишь образованный какой, — проворчал Мун. — Ладно, не гунди, встаю.

— Оба, — отрезал Игрок и покинул помещение. Мунлайт спрыгнул вниз с верхней койки и принялся собираться. Жутко хотелось спать. Глаза слипались, ощущение было таким, словно в них кто-то щедро сыпанул песка. Снейк был в разы бодрее. Еще бы, храпел всю ночь, только в путь.

Интересно, на кой им Снейк понадобился? Ведь договорились, что его во все это не тянут. Или генерал решил что-то переиграть?

Седой рассчитывал получить ответ возле штабного домика, но ответа не было. Вместо него там стоял заляпанный джип. На улице было ещё темно, и определить цвет машины под толстым слоем грязи не представлялось возможным. Рядом дежурили четверо рядовых с автоматами.

Генерал был тут же. Сидел на заднем сиденье за спиной водителя и вид имел крайне недовольный.

— В машину, — резко бросил он подошедшему консультанту.

Мун открыл было рот, но генерал не дал сказать:

— Вопросы потом. Сейчас в машину. Живо. Твой приятель вперед, ты ко мне. И без фокусов.

Снейк, и без того в последние дни не пышущий оптимизмом, помрачнел еще сильнее. Но спорить не стал, первым полез на переднее сиденье. Мун сел позади бородатого. Хлопнул дверцей.

Следом захлопнулась дверца со стороны генерала. Щелкнуло, водитель заблокировал все двери разом. Значит, едут вчетвером. Интересно бы знать куда?

— Поехали, — тихо распорядился генерал, и машина тронулась с места.

Водитель не гнал. Скорость была невелика, но при тех буераках, которые здесь именовались дорогой, чувствовалась весьма ощутимо. Машину швыряло, подбрасывало, мотало из стороны в сторону. Создавалось такое впечатление, что на подвеску водителю глубоко наплевать. Либо подвеска там бессмертная. Впрочем, второй вариант больше походил на правду, так как за полчаса пути джип так и не развалился, хотя имел на то все шансы.

Мунлайт разглядывал через тонированное заляпанное грязью стекло дорогу, пытаюсь сообразить, куда они едут. Но понять толком ничего не смог, зато заметил, что за ними едет еще один наглухо тонированный внедорожник.

Джип проскакал козлом по предместьям Зоны, выпрыгнул к очередному блокпосту, за которым начиналось некое подобие дороги, и притормозил. Машина застыла перед шламбаумом. Второй внедорожник остановился следом почти вплитык. Сопровождение, что ли?

Седой приготовился проторчать здесь с четверть часа, но ждать пришлось недолго. Водитель даже не отпер дверей и не опустил стекла. Просто перекаладина шламбаума сама собой поползла вверх. А впереди у шламбаума появился человек в военной форме, вытянулся по стойке «смирно» и взял под козырек.

Шламбаум принял вертикальное положение, и джип рванул с места.

Мун обрадовался было появившемуся под колесами намеку на дорогу, как машина снова свернула в сторону. За окном потянулся нескончаемый ряд облысевших на зиму деревьев, лишь мелькали то тут, то там черные ели, разнообразя тоскливый пейзаж.

Отчаявшись что-либо разглядеть, Мунлайт попробовал пристать с расспросами к генералу, но старый хрен не стал утруждать себя даже просьбой закрыть рот. И седой заткнулся самостоятельно.

Трясло все так же, пейзаж не менялся, и Мунлайт прикрыл глаза.

Открыл он их лишь тогда, когда машина дрогнула и остановилась. Уже совсем рассвело. Машина стояла посреди леса. Впереди маячил шлагбаум.

На этот раз блокпост, у которого они встали, выглядел основательно, и водителю пришлось оторвать задницу от сиденья. Он выскочил из машины и усвистал куда-то. Вернулся через три минуты.

— Чего там? — недовольно поинтересовался старый хрен.

— Всё в порядке, товарищ генерал, можем ехать.

За шлагбаумом неожиданно началась нормальная дорога. Джип шел мягко по идеально укатанному асфальту. Несколько сотен метров они катились по узкой полоске асфальта между нависшими справа и слева стенами леса, а потом деревья испуганно отпрянули, и впереди раскинулось огромное асфальтированное пространство, уставленное военной авиатехникой.

Как-то с одним товарищем по кличке Вурдалак они набрали на свалку подобной техники в Зоне. Мун тогда был зелен и плохо соображал, куда лезет. Вурдалак был опытен, но глуп. Не соображалкой глуп, а поведением. Знал, как находить и обходить аномалии, умел обращаться с оружием и в Зоне мог выжить на раз. Вот только тянуло его всё время куда не надо. Причем манили не выгоды, а идиотские приключения. Хотелось Вурдалаку забраться туда, куда ещё никто не лазал. Словно каждым своим шагом он пытался вписать новую строчку в «Книгу рекордов Гиннесса».

Вурдалак помер спустя полгода после того. Нахватался в своих безумных походах радиации по самое дальше некуда и двинул кони.

Мунлайт, пообщавшись с Вурдалаком, сделал выводы и жестко разграничивал для себя риски. Все те моменты, которые грозили мгновенной смертью, седого не пугали. А вот те места, которые в случае чего обещали смерть долгую, постепенную и мучительную, он старался обходить.

На ту свалку он больше никогда не совался, но зрелище запомнил навсегда. Мертвое, побитое временем поле, пробивающаяся сквозь бетон и асфальт трава, легко крошащая то, что у людей принято считать прочным, и покореженные силуэты железных монстров в предрассветном мареве. Все это выглядело завораживающе.

Летное поле здесь, в получасе езды от Зоны, очень походило на ту свалку. Только оно было живым. Не новые, но исправные машины поблескивали чистыми корпусами. Сновали люди. В стороне, на краю, в готовый к взлету Ми-8 запрыгивали один за другим десантники в полной экипировке. Движения их были четкими и отточенными.

«Солидные ребята, — оценил Мунлайт, — это не Федя с Игорем, это серьезно».

Генеральский джип тормознул в сотне метров. Рядом припарковался внедорожник сопровождения.

Водитель вывернулся на генерала, видимо, сделал из его непроницаемого вида какие-то выводы и тяжело вздохнул. Пальцы бойца выволокли из «бардачка» пачку сигарет. Дернули одну за фильтр. Водила помял сигарету в пальцах, поднес к носу, ловя ноздрями запах табака, и с очередным тяжким вздохом отправил ее обратно в пачку.

Десантура закончила погрузку. Ми-8 стоял теперь один-одинешенек, хоть и с набитым нутром. Винт вращался, гоняя поземку. Мощно урчал мотор.

Генерал глянул на часы, бросил резко:

— Пора.

И распахнул дверцу. Уже вылезая, оглянулся:

— Вы двое, за мной. Или вам отдельное приглашение нужно?

Отдельного приглашения Мун ждать не стал и полез из машины. На летном поле было ветрено. И вихри, которые поднимали винты вертолета, оказались цветочками. Ветер здесь гулял такой, что сдувало с ног.

Внедорожник, что все время от самой Зоны болтался на хвосте, встопорщился дверцами. Из него выбрались два крепыша и встали, ожидая приказа. Ну точно, охрана.

Генерал посмотрел на сталкеров, хотел сказать что-то, но захлебнулся и только рукой махнул, указывая направление. Мун со Снейком послушно побрели следом. Охранники зашагали на небольшом расстоянии, замыкая процессию.

Идти пришлось хоть и тяжело, ветер не давал дышать, но недолго. Чуть поодаль их ждал Ми-24. В отличие от своего пузатого собрата с восьмым номером «двадцатьчетверка» выглядела хищно.

— Полезай, — велел генерал.

— Мы летим туда, куда я думаю? — остановился Мунлайт возле «вертушки».

— Я не знаю, чего ты там думаешь, — недовольно буркнул старый хрен. — Не тяни кота.

Но Мун твердо стоял, не двигаясь с места.

— Я в Зону без оружия не сунусь.

— Ты же туда на не своих двоих.

— Плевать, — отрезал седой. — Хоть на своих двоих, хоть на вертолете, хоть на верблюдах.

— На борту ждет пара автоматов, — неохотно сказал генерал. — Будешь дальше время тянуть или уже залезешь внутрь?

Мунлайт поглядел на старого хрена. Тот выглядел как обычно и смотрел честно и открыто. Похоже, не врет. И сталкер молча полез в вертолет.

Внутри Ми-24 оказался просторным. Вернее, не то чтобы слишком, но для пятерых пассажиров места здесь было выше крыши. И надо отдать должное генералу, по поводу автоматов он не врал. Их действительно ждали несколько АК.

Седой не без удовольствия взял в руки оружие, осмотрел придиричиво, словно жену выбирал, после чего протянул автомат Снейку, а сам с той же тщательностью осмотрел второй. Осмотром остался доволен. Что-что, а оружие вояки держали в полном порядке.

Ощущение от ствола в руках было приятным. Он чувствовал, что его лишили чего-то жизненно важного и держали без этого много дней, а теперь вернули. Словно бы он сломал руку и какое-то время прошатался в гипсе. В принципе и в гипсе жить можно, но с двумя рабочими руками все же лучше.

Снейк автомат принял без дрожи. Всю приятность мысли о возвращенном оружии бородатому скрадывало их нынешнее положение, потому радости он особо не испытал. Разве что стал чуть меньше хмуриться.

Зато нахмурился генерал. Присутствие двух не подчиняющихся ему мужиков с автоматами его явно не вдохновляло, даже несмотря на наличие пары телохранителей.

При взгляде на старого хрена и зародившуюся в его глазах опаску на мгновение вспыхнула шальная мысль. А ну как взять и пристрелить генерала вместе с охраной или взять заложником и...

На этом мысль потухла. И что? Даже если их не грохнут прямо здесь, что вряд ли, и им удастся сбежать, что дальше? А дальше они вне закона, потому что это не Зона со своими правилами и сталкерами, не подчиняющимися никому. Они убийцы и преступники. Их портреты, обезображенные милицейским фотороботом, но вполне узнаваемые, на каждом столбе. И что потом? Куда потом? Обратно в Зону разве что.

Генерал раскрыл лэптоп. На экране возникла знакомая интерактивная карта. Только с некоторыми доработками. Глянувший искоса на экран Снейк выматерился и недобро поглядел на седого. Взгляд был таким, каким, должно быть, смотрела на него и слабохарактерного дворника его классически убиенная собачка. Не иначе картинки знакомые увидел. А и хрен с ним, все равно бы узнал когда-нибудь, чем он там у генерала занимался. Хотя генерал, скотина, фактически нарушил сейчас свое обещание.

Шум мотора и винтов слышно было куда лучше, чем хотелось бы. Вертолет дрогнул и оторвался от земли.

— Эй, — позвал Мун генерала.

— Закрой рот, — резко бросил тот. — Когда понадобится твое слово, я скажу.

Мун зло скрежетнул зубами, но трогать генерала не стал. Он глянул в иллюминатор, однако разглядеть толком ничего не удалось.

Вертолет взял курс и потрещал в знакомом до боли направлении.

7

Хотелось бы сказать, что урчание винтов и покачивание «вертушки» убаюкивало. На самом деле ни фига оно не баюкало. За время полета Мунлайт понял, что не питает теплых чувств к вертолетам.

Видно из «вертушки» было не шибко много, потому о том, что рядом что-то начинает происходить, он понял, когда ожил эфир и через шуршащий фон прорезался голос. Будничный и серьезный одновременно. Так мог бы говорить человек, который каждый день спасает мир, привык спасать мир и устал от этого смертельно.

Впрочем, о спасении мира не было ни слова. Голос выдал нелепые позывные и сообщил, что вышел на заданные координаты. А следом все то же самое практически слово в слово, за исключением разве что позывных, повторилось еще дважды. А потом...

Потом Мунлайт что-то видел, что-то слышал, а большей частью просто догадывался по урывкам и отголоскам происходящего.

Два Ми-24, что летели до Агропрома вровень, разошлись в стороны, словно на показательном выступлении на каком-нибудь глупом параде. Закружили над Агропромом, хищные, но осторожные. Словно две осы, кружащие над взрезанным арбузом, готовые впиться в сочную мякоть, но выжидающие чего-то. Какого-то сигнала.

В эфир над Агропромом ворвался голос генерала, коротко и четко отдавая приказы.

Ми-24, разошедшиеся в стороны на приличное расстояние, принялись плевать тепловыми ловушками. Звездочки ловушек разлетались в стороны, оставляя корявые, похожие на паучие лапы, дуги трассеров.

Фейерверки пускали скорее для порядка. Мунлайт сомневался, что на всю Зону отыщется хоть один «Стингер» или что-то похожее, чем можно достать с земли вертолет. Хотя, может, и найдется, вот только однозначно не у бандюков с Агропрома.

Военные, видимо, решили, что лучше перебдеть, чем недобдеть.

Разбросав ловушки, первый Ми-24 чуть накренился. Голос, тот самый, первый, что устал от каждодневного спасения мира, бросил в эфир небрежное: «Пошел», — и в ту же секунду загрохотало, перекрывая треск винтов.

Ми-24 методично отрабатывал цель. Чуть накренившийся вертолет соединился с землей широкими белесыми трассами от НУРСов. Мунлайт не без ядовитости подумал, что если б здесь был старший лейтенант, то обязательно поправил бы: мол, не НУРС, а НАР.¹¹

Снаряды вздыбили землю. Шума военные не боялись. Да и с чего бы им переживать по такому прозаическому поводу?

Вертолет накренился и пошел по дуге, уходя на круг. Второй Ми-24, закончивший с ловушками, подхватил незавершенное первым дело и принялся с той же тщательностью утюжить Агропром.

Звуки сплелись в сплошную какофонию, журчали винты вертолетов, жахали ракеты, гудел сквозь нескончаемый фон эфир, что-то громко и требовательно говорил генерал, тихо матерился себе под нос Снейк.

Внизу началось какое-то шевеление. Появились злые, напуганные люди.

¹¹ НУРС — неуправляемый реактивный снаряд. НАР — неуправляемая авиационная ракета.

Если генерал хотел сильно проредить ракетным ударом ряды противника, то это удалось вряд ли. А вот если желал навести панику и противника деморализовать, то с этим справился прекрасно.

Бандюки бежали. Впрочем, даже в такой ситуации они огрызались.

— Фраер, — хихикнул пилот закружившего над Агропромом третьего Ми-24, в котором, собственно, находились и генерал, и стalkerы.

— Что? — не понял Хворостин.

— Из подствольника по нам шарахнул, — весело поделился летчик. — Дурик.

Генерал юмора не разделил, напротив, зло стиснул челюсти и принялся яростно сыпать в эфир новыми распоряжениями.

Два двадцать четвертых снова пошли по кругу, повторяя маневр. Чуть в стороне на пожухлую поляну под их прикрытием опускался давешний Ми-8. Колеса ткнулись в землю. Вертолет дрогнул, ловя сцепку с землей. На идущую волнами от разгоняемого винтами воздуха серо-коричневую траву принялись выпрыгивать десантники.

Первым из Ми-8 выскочил старлей. Сейчас он был серьезен и решителен. На посуровевшем лице не было и тени сомнения. Карташов гаркнул что-то, пытаясь переорать шум винтов, но вышло паршиво, и он принялся жестикулировать, дробя взвод на группы и направляя их.

Солдаты рассредоточились мелкими группками и короткими перебежками, прикрывая друг друга, устремились на штурм. Застрекотали автоматные очереди.

Бандиты, что засели в никем не востребованных стенах бывшего НИИ, похоже решили без боя не сдаваться. Паника отступила, и то тут, то там начали огрызаться разнокалиберные выстрелы.

Пара двадцать четвертых больше не атаковала, лишь продолжала барражировать над Агропромом. Генерал поглядел вниз.

— Садись, — велел пилоту.

И вертолет начал снижение.

Из вертолета генерал выскочил первым. Следом кинулись безмолвные бодигарды, как окрестил их для себя Мун.

Звуки боя отдалились и приобрели некую бессистемность. Если раньше стрельба шла равномерной волной, то теперь вырывалась всплесками то тут, то там. Агропром потихоньку сдавал позиции, обретал нового владельца.

Ми-24 улетать, по всей вероятности, не собирался. Двигатели затихли. Винты начали сбавлять скорость, пока не остановились вовсе. Мунлайт вылез из вертолета, спрыгнул и с удовольствием ощутил твердую незыблемую землю под ногами.

Он, смакуя каждый шаг, прошелся чуть в сторону от замершего вертолета. Рука нырнула в карман, пальцы нащупали почти опустевший коробочек. Седой выудил спичку и, цыкнув сколотым зубом, зажевал деревянный кончик.

Генерал, учуяв запах победы, рванул к ближайшим постройкам, как Ленин в Петроград. Мунлайт проводил старого хрена взглядом. Тот довольно прытко покрыл приличное расстояние, остановился и, дернув бинокль, принялся оглядывать агропромовские строения.

Державшиеся рядом телохранители смотрели на бой, чуть слюну не пуская. Старый хрен не обращал на них внимания.

— Товарищ генерал, — донеслось издалека просительное, — разрешите участвовать в операции.

Генерал оторвался от бинокля и в порыве великодушия благостно махнул рукой. Охрана проворно побежала вперед, туда, где грохотали звуки боя. Старый хрен снова прильнул к биноклю. Расслабился, не иначе уже победу празднует.

Мун отвернулся.

Шума стало меньше. Только потрескивали в стороне автоматы да шуршали где-то высоко в небе барражирующие Ми-24. Впрочем, вертолеты довольно скоро заложили

прощальный крюк и полетели обратно, в сторону аэродрома. Стало тише. Не орал на взводе генерал, не глушил шум винтов, не рвались НУРСы, не матерился Снейк.

Мун поспешно обернулся. Бородатый стоял в нескольких шагах. Хмурый и непривычно злой. На приятеля смотрел так, словно видел его насквозь. Седой поежился. Если бы совесть могла иметь физическое воплощение, возможно, она выглядела бы так, как смотрелся сейчас Снейк.

— Порождение тьмы, — выдавил бородатый.

— Ты сам не захотел в этом участвовать. Договорились же, что ты вне этого.

— Я вне этого? — зло бросил Снейк. — Да я во всем этом по уши. А ты... Это же предательство.

Мунлайт набычился и зло сплюнул спичку.

— Да, сэр? И кого же я предал? Здесь постреляли гопников, которых ты сам готов был мочить при первой возможности. И заметь, мы ни в кого не стреляли. Я всего лишь рассказал то, что они узнали бы и без меня. Это работа. Такая же, как и любая другая. Не лучше и не хуже.

— Ты сам-то веришь в то, что говоришь? — поморщился Снейк. — Зачем им Агропром?

— Им нужна здесь база, — пожал плечами Мун. — Может, ученых нагонят и станут артефакты исследовать. Откуда мне знать.

— Ты здесь хоть одного ученого видел? — жестко осадил бородатый.

Мунлайт закусил губу. Не видел он тут ученых и иллюзий никаких относительно вояк не питал. Но только хорошо помнил генеральское обещание пристрелить в два счета того, кто давил сейчас на совесть.

Господи, что ж так все вечно через задницу выходит?

— Помнишь, о чем мы говорили? — тихо проговорил Змей. — Тогда, у Резаного на хуторе?

«Хутор Резаного» прозвучало настолько нелепо, что Мун усмехнулся.

— Помню.

— Нам дали шанс, а мы его в очередной раз профукали. И я в этом больше не участвую.

Снейк резко развернулся и пошел прочь. В сторону от Агропрома и уходящей в его недра стрельбы. В сторону от генерала с биноклем, к которому подбежал уже какой-то десантник и что-то бойко докладывал. В сторону от вертолета. В сторону от него — Муна.

— Стой, — голос Муна прозвучал не громко, но сильно. Бородатый притормозил и обернулся.

— Мы не можем сейчас уйти, — быстро проговорил седой.

— Почему?

— Дурень, — разозлился Мун. — Они же пристрелят тебя.

Снейк посветлел и даже улыбнулся.

— Что с тобой стало? Раньше ты не сильно переживал за свою шкуру.

Раньше он не сильно переживал за свою шкуру. Он и сейчас за нее не сильно переживает. И переживает он не за свою. Только нет таких слов, чтобы объяснить все это без слюней и пафоса. Тем и отличается мужчина от всех остальных, что не распаляется на слова, а берет и делает. Не объясняя, не оправдываясь. Зная, что поступил правильно.

Вот он поступил правильно, потому что не мог позволить старому хрену пустить Снейку пулю в лоб. И он никому не должен ничего объяснять. Он решил, он сделал.

А теперь решил и сделал Снейк. Решил, что участвовать в этом гадко, развернулся и ушел. Наплевав на все. И он тоже не должен никому ничего объяснять. Потому что прав. Прав не какой-то общей для всех правдой, которой не бывает, а своей, собственной. За которую не надо оправдываться. Которой нельзя стыдиться.

Змей отошел уже на приличное расстояние. Он шагал, распрямив спину, расправив плечи. И никто, кажется, за общей суетой не заметил этого.

Мунлайт поглядел на громаду Агропрома. Стрельба понемногу замирала. Оставшийся без охраны генерал углубился на территорию бывшего НИИ и уже песочил кого-то.

Мун перевел взгляд на Снейка, чертыхнулся и поспешил следом.

Бородатый отдалился на довольно приличное расстояние и шагал, взяв хороший темп. А для Зоны так не просто хороший, а на грани риска.

Сократить расстояние теперь было не так просто. А окликнуть сталкера означало привлечь ненужное внимание. Это внимание Мун и без того чувствовал где-то между лопаток. Казалось, что генерал уже отвлекся от своих важных дел, заметил дезертирующих сталкеров и сейчас отдает приказ стрелять на поражение.

Мунлайт считал шаги и тихо поминал каких-то абстрактных матерей и бабок. А выстрелов в спину все не было.

— Товарищ генерал! — Карташов щелкнул каблуками. — Разрешите обратиться.

Хворостин поглядел на старлея. Тот стоял грязный, взмыленный, уставший, но рожа довольная. Значит, все идет хорошо.

— Давай, лейтенант, без церемонии, — разрешил генерал. — Что там у нас?

— Противник с территории выбит.

— Всех перестреляли?

— Не исключено, что кому-то удалось уйти, — честно отрапортовал Карташов. — Но трупов много. Сейчас ребята проверяют здания, но сопротивления нет. Если только какая шелупонь где затаилась.

— Наши потери?

— Двое раненых.

Хворостин растянул тонкие губы в хищной улыбке.

— Хорошо.

Он кивнул старлею и зашагал обратно к вертолету. Карташов послушно засеменил рядом.

— Закончите с зачисткой территории, организуй охрану. Нам здесь нужно плотно закрепиться. Охрану менять в две смены. Смотреть в оба. Если кто-то сбежал, то может, наверное, и вернуться.

— Может, — эхом повторил Карташов. Не то согласился, не то спросил.

— А это мы сейчас у консультанта спросим. В любом случае какое-то время нам тут придется удерживаться имеющимися силами. Раненых отправь вертолетом обратно за кордон.

Генерал дошагал до вертолета и забрался внутрь. Внутри Ми-24 было пусто. Только первый пилот сидел на своем месте, уткнувшись в ПДА, и гонял какую-то бессмысленную игрушку с разноцветными шариками. Второй и вовсе дремал, словно рядом не было войны. Словно не стреляли, не убивали в нескольких сотнях метров.

Догадка хлестанула, словно бичом. В одну секунду внутри все оледенело от понимания ситуации и вспыхнуло яростью в первую очередь на самого себя, во вторую — на всех причастных.

— Где? — задыхаясь от гнева, спросил Хворостин. Пилот оторвал взгляд от разноцветных шариков на экране. С досадой поглядел на Хворостина.

— Ушли, товарищ генерал.

— И ты отпустил?

Пилот пожал плечами.

— Никаких распоряжений относительно того, что я должен охранять пассажиров, я не получал.

— Под трибунал пойдешь, — взревел генерал, чувствуя, что его несет, но не в состоянии уже остановиться. — Куда пошли?

Летчик немного побледнел, стиснул челюсти, но промолчал, только указал направление.

— Свяжись, — заговорил он сбивчиво, — верни вертолеты. Пусть проследят, куда свинтили эти двое.

— Невозможно, товарищ генерал, — напрягся пилот. — Связи нет.

— Как нет? — взревел тот.

— Не могу знать, — совсем струхнул летчик. Хворостин скрежетнул зубами и вылетел из «вертушки» значительно быстрее, чем в первый раз.

Карташов стоял здесь же.

— Слышал? — рывкнул генерал.

— Так точно.

— Тогда бросай все и дуй за ними, старлей. Кордонами без тебя займутся. И учти, на бородатого мне плевать, но седой нужен как воздух.

Старлей кивнул и, не тратя времени, пошустрил следом за слинявшими сталкерами.

На бородатого и в самом деле начхать. Теперь от него толку точно не будет. Но седой нужен. Без консультанта не обойтись. Им сейчас здесь надо закрепиться и выжить. Для этого нужен местный с пониманием местных законов. А нового консультанта искать... Где? Когда?

И самое паршивое, что на этот раз собак спускать не на кого. Облажался не кто-нибудь, облажался он сам. Хотя кто мог предположить, что сталкеры решат сдернуть на этом этапе? Когда уже приличная часть работы выполнена, когда все повязаны, когда деньги все ближе...

Дьявол! Ведь сам же только недавно поминал, что деньги не самый главный стимул. Даже для того, кто их очень любит.

— Чёрт!

И Хворостин зло и смачно сплюнул.

8

Старший лейтенант Сергей Карташов чувствовал себя проигравшим. Нет, не партию, но крупную фигуру, причем по глупости.

Сбежавшие сталкеры в его картину мира не вписывались. Если бы они смылись, получив на руки деньги в полном объеме, все было бы логично. Но генерал не столь наивен, чтобы выплачивать вперед даже половину суммы. А от таких сумм нормальные люди, находящиеся в здравом уме, не бегают.

Конечно, всегда остается шанс, что тебя натянут и не заплатят, но ведь все, что было сделано и уже выплачено, говорило в пользу серьезности намерений генерала. Ведь можно же было уже понять, что кидать консультантов никто не станет. Любому нормальному человеку понятно...

Стоп, оборвал себя Карташов. Нормальному человеку! Ни один нормальный человек не полезет в этот гадючник диаметром в тридцать пять километров. Нормальные люди не лезут в такой экстрим забавы ради. Нормальные люди не рискуют настолько даже ради серьезных гонораров. Потому что трупам гонорар не нужен. А сдохнуть до того, как тебе кто-то хоть что-то заплатит, здесь легче легкого.

Следовало честно признать, что Сергей просчитался. Впрочем, проигрывать старлей не собирался. И партия, раз уж сам назвался Игроком, еще не окончена. Одна ошибка — это еще не поражение.

Он вышел на открытое пространство и приободрился. Впереди, хоть и на достаточном расстоянии, были видны знакомые фигуры.

Аномалий и мутантов здесь практически нет, припомнил Карташов наущения седого, главное, под землю не соваться. А он и не станет лезть под землю.

Старлей перехватил автомат поудобнее и прибавил шагу.

Бородатого Змея он убьет сразу, еще до того, как начнет о чем-то говорить, благо генерал фактически дал на это добро. Нет, ничего личного к Змею он не питает, просто седой

должен понять, что с ним не шутят. И лучше доказательство их серьезности придумать трудно. Да и если начнется потасовка, то с двоими ему однозначно не справиться. С одним бы совладать.

Карташов подумал, что, если возникнет критическая ситуация, он просто стрелнет седому по ногам. В конце концов, для работы консультанту ходить не обязательно.

Раздробленные осколки мыслей сложились, кажется, в нечто целостное. Сергей готов был уже спокойно вздохнуть, когда из кустов прямо перед ним вывалился прозрачный, словно сотканный из дыма силуэт.

Автомат рефлекторно качнул стволом. Палец привычно лег на спуск и даже надавил чуть. Но память живо подбросила воспоминание о том, насколько бесполезно стрелять по таким «касперам». Только патроны потратит и привлечет внимание беглецов, которые его, кажется, пока не заметили.

Старлей замер. Полупрозрачная фигура вышла из кустов метрах в пятнадцати от него и повернулась спиной. Призрак смотрел, если он, конечно, мог смотреть, туда, куда Карташов собирался стрелять.

«А ведь он меня не заметил, — возникло в голове. — Он топает куда-то по своим делам и меня не тронет. Надо только его обойти».

Словно услышав его мысли, фигура вдруг обернулась и посмотрела на Сергея. Теперь он готов был поклясться, что эта тварь может смотреть.

У призрака имелись не только глаза, но и вполне осмысленный взгляд. А еще у призрака было лицо. До боли знакомое, хоть и прозрачное. И улыбался этот бестелесный знакомо до омерзения.

— Что ты такое, твою мать? — прошептал Карташов, отступая на шаг.

И удостоился ещё одной прозрачной кривой ухмылки, какими одаривал его не единожды седой сталкер с поганым характером.

Снейк рисковал. Он двигался не просто быстро, а очень быстро для Зоны. Прогулки с такой скоростью в этих краях либо требовали высочайшей концентрации внимания, либо объяснялись непомерной самоуверенностью или глупостью. Ни дураком, ни напыщенным индюком бородатый не был. Да и не живут здесь долго самоуверенные и не очень умные.

Мунлайт тоже ни одним из вышеперечисленных недостатков не страдал, но идти сейчас приходилось ещё быстрее. Наконец он не выдержал и позвал негромко:

— Снейк!

Бородатый не услышал. Мун чертыхнулся и прибавил шагу. Места здесь, конечно, тихие, в этом он старому хрену ни разу не соврал, но даже в самом тихом омуте порой заводятся черти.

— Змей, твою бога душу!

На этот раз вопль получился громче, но и результативнее. Бородатый притормозил и оглянулся. Мун поспешил сократить оставшееся между ними расстояние.

— О! Это снова ты, адепт хаоса.

— Само такое, — беззлобно огрызнулся Мун. — И куда ты теперь пойдешь, скажи на милость?

— Это ты куда пойдешь? — отозвался Снейк. — Без денег.

— Ты думаешь, я это из-за денег? — взвился седой. — Дурак ты, Змей.

— Ты больно умный. Чего за мной тогда пошел? Вернись и доделай то, на что подписался.

— Я, между прочим, аванс взял, — напомнил Мун.

— Ничего, ты его уже отработал, ещё пару таких объектов по твоей наводке расстреляют, и остальные денежки у тебя в кармане.

Мунлайт налился краской, казалось, сейчас звезданет со всей дури по бородатой физиономии приятеля. Но этого не случилось. Тихо хлопнуло. За спиной у Снейка надломилась толстая ветка. Бородатый хотел повернуться на треск, но в этот момент

Мунлайт кинулся на него всем корпусом. И хотя весовые категории у сталкеров были разные, причем с разницей не в пользу седого, он сумел завалить Снейка.

Бородатый рухнул, как подкошенное дерево. Упал плашмя на спину с такой силой, что Мунлайт на секунду испугался за его позвоночник. Но беспокоился зря. Снейк дернулся было подняться, но тут хлопнуло второй раз. Уже явственно, знакомо, расставляя все точки над «і». С таким звуком чавкает глушитель тихого пистолета, слепленного на основе ИМ.

— Не дергайся, дурило! — рыкнул Мун, сползая с бородатого и перекатываясь на бок.

Снейк и не дергался. Он перевернулся на живот, чуть приподнял голову и высматривал противника.

Их оказалось четверо. Они шли не таясь и не заботясь о собственной безопасности. Ломились прямо через кусты. Трое с пистолетами, один с обрезом. Движения нападавших были ломаными, неуклюжими, как и сами они. Но Мунлайт знал по опыту, что такого противника завалить в разы труднее, чем Снейка. Даже если в него стрелять.

— Твою налево, — выдал наблюдение бородатый. — Зомби.

Мун кивнул, вылезая из лямок рюкзака и подтягивая автомат. Хотя слово «зомби» не любил. Зомби отдавали каким-то нелепым детским страшильным кино, где сомнительных достоинств красotka Мила Йовович лупит ожившие трупы. Те картонные монстры тоже назывались зомбиями, и ассоциация застряла в голове у Муна очень жестко.

Те, которых называли этим словом в Зоне, были не картонными, а более чем реальными. Поэтому, когда Мун подслушал у одного знакомого из учёных очкариков слово «кадавр», с удовольствием взял новое определение на вооружение.

Кадавр звучал серьезнее, чем зомби. Солиднее, что ли. Впрочем, как ни назови, а перли эти самые зомби-кадавры сейчас на них хоть и плохонько, но вооруженные. Хоть и хреновенько, а стреляющие. И дырок в двух сталкерах могли понаделать вне зависимости от названия.

Нелепые неуклюжие фигуры были ещё далеко. Один из четверки, тот, что был с обрезом, глухо выкрикнул короткое бранное слово и шарaxнул в белый свет, как в копеечку.

— Сука, — пробурчал Снейк, — он еще и ругается.

— Некультурный какой, — ядовито ухмыльнулся Мунлайт. — Вот ведь зомби пошли. Вот раньше, помню, все больше «ура» кричали.

— «Раньше» это когда? — поинтересовался Снейк.

— Пару месяцев назад. — Мун перевел предохранитель на одиночные. — Твои два справа, мои слева.

Бородатый кивнул, приподнялся и дал очередь. Кадавра с обрезом дернуло, пошатнуло. Очередь прошла его тело насквозь. Человек при таком раскладе уже лежал бы мертвым. Мутант пошатнулся, удержал равновесие, снова гаркнул знакомое бранное словцо и попер дальше. Подстреленного кадавра мотало, но он продолжал идти, будто от силы пропустил удар в ухо.

Снейк выругался и растерянно поглядел на седого.

— С зомбаками, что ли, не воевал? — буркнул Мун, не глядя на приятеля, а ловя фигуру на мушку. — В голову стреляй.

— Не учи учёного, — отозвался тот.

Мун нажал спусковую скобу, хлопнул выстрел, но ощутимого вреда никому не принес. Снейк снова подскочил, перемещаясь в сторону. Дал короткую очередь и повалился на землю, откатился за невысокую кочку.

На этот раз он попал как надо. Голова обладателя обреза брызнула красными и белыми ошметками, и любитель нецензурной брани повалился на землю, теряя по дороге обреза.

Кадавры огрызались неприцельным пистолетным огнем.

Мунлайт не приглядывался к тому, что творится с правого фланга. Он тщательно вылавливал в прицел голову своего подопечного. Наконец вдавил спуск. Вышло не так эффектно, как у Снейка, но вполне эффективно. Ближний к нему кадавр поймал пулю четко в лоб и, как стоял, повалился на спину.

Он еще дергался и орал что-то невнятное на низкой ноте, но подняться уже не смог. Значит, не опасен. Справа опять разразился очередью автомат бородатого.

Захлопал «Макаров», пару раз чавкнул БП. Мун поймал на мушку кадавра с бэпэшкой и вздрогнул. На секунду в глазах потемнело. Седой попытался проморгаться, надеясь отогнать видение, но картина не изменилась. Этого не могло быть, но... хотя почему не могло?

Чавкнул БП. Бесшумный пистолет был только один. И стрелял он пять раз. Один раз, самый первый, когда скосил ветку. Второй — когда он повалил Снейка. Потом еще два выстрела и сейчас один. Мун вскочил на ноги и метнулся в сторону, хотя особенного смысла в этом не было. Кадавры стреляют настолько бездарно, что шансы словить пулю стоя на месте или поймать её, пытаясь увернуться, примерно равны.

Стрекотнул автомат Снейка. Третий зомбак повалился на землю, засучил ногами в конвульсиях. Если не подойти и не добить, у них эти конвульсии могут продолжаться ещё несколько суток. Мун с таким сталкивался. Выглядит жутко.

Он еще раз подскочил и снова метнулся в сторону. На этот раз рывок получился основательным. Чавкнул БП. Раз, другой. Семь.

Мунлайт повалился на землю и скатился к Снейку за кочку. Тот лежал бледный, видимо, тоже разглядел единственного оставшегося на ногах противника.

— Хреново дело, — буркнул Мун.

Бородатый понял по-своему. Подтянул автомат и напружинился, готовый вскочить на ноги в любой момент.

— Давай я его.

Мун повернулся, сильным ударом выбил из рук Снейка АК.

— Не трогай, это же...

— Это не он, — оборвал бородатый. — Уже не он.

— Не смей, — решительно предупредил Мунлайт и поднялся на ноги.

Если арифметика его не подводит, то остался один выстрел. Знакомая высокая крепкая фигура перла на него корявыми рваными движениями. словно разболталось что-то внутри, сдох какой-то центр, отвечавший за координацию и еще что-то важное.

Противник поднял руку с БП. Хлопнул выстрел. Мунлайт кувыркнулся.

На какой-то момент наблюдавшему со стороны могло показаться, что пуля достигла цели, но седой успел упасть раньше.

Мун легко поднялся и зашагал навстречу. Противник, язык не поворачивался назвать его кадавром, попытался выстрелить еще раз. БП щелкнул осечкой. Раз, другой, третий, четвертый. Палец противника продолжал давить на спуск, хоть в этом и не было нужды. Мунлайт остановился. Расстояние между ним и кадавром сократилось. Теперь было видно суровое лицо противника с жесткими чертами. И тоскливые глаза, в которых теперь не было смысла.

Человек, хоть и был теперь не совсем человеком, смотрелся мрачным, угрюмым. За что при жизни, в которой его знал Мунлайт, и получил свою кличку.

— Угрюмый, — позвал Мун тихо.

Кадавр качнулся и замер, словно услышал знакомое слово. Рука его ткнулась в карман, опять показалась снаружи. Непослушные пальцы отщелкнули обойму и принялись пихать в нее патроны. Движения зомбака были неловкими. Патроны сыпались на землю.

Мунлайт шагнул вперед, отпустил автомат. «Калаш» повис на ремне. Сталкер выставил перед собой руки с открытыми ладонями и сделал еще несколько осторожных шагов вперед.

— Угрюмый, это я, Мунлайт.

Пальцы Угрюмого роняли патроны, пытаясь впихнуть хоть сколько-то ещё в обойму. Мун старался не обращать на это внимания. Грустные пустые глаза смотрели не то на него, не то просто куда-то в пространство. В них не было ни малейшего намека на мысль.

— Что с тобой? Ты слышишь меня, Угрюмый? Включи мозги, остались же они у тебя.

Мун говорил тихо, словно убаюкивал ребенка или уговаривал сумасшедшего. Второе, наверное, более подходило к ситуации. Он сделал еще несколько шагов. Расстояние между ним и кадавром стало совсем незначительным.

Ещё пару месяцев назад он вместе с Угрюмым стрелял по таким вот кадаврам. И те не казались разумными, способными услышать что-то, могущими общаться. А сейчас он разговаривает с Угрюмым, у которого в голове вместо мозгов, должно быть, тоже теперь кисель. Разговаривает только потому, что это призрак прошлого.

Слова текли сами собой. Он говорил, говорил что-то, без особого смысла, просто пытаясь достучаться до сознания.

Неужели он и в самом деле настолько наивен, чтобы предполагать, что до сознания Угрюмого можно достучаться? Мун не мог сейчас сказать что-то определенное на этот счёт. Он просто говорил, пытаясь пробиться сквозь пустой взгляд. Достучаться до человека, с которым кое-что довелось пережить вместе.

Щелкнула входящая в БП обойма.

Мунлайт оборвал поток красноречия на полуслове. Надо было стрелять. На поражение. В голову. Потому что иначе кадавра не завалить, они живучие. Но вместо этого он сделал ещё одну глупость — кинулся на того, кто когда-то был Угрюмым.

Он вложился в этот толчок на полную. Удар корпусом вышел в разы сильнее и сокрушительнее, чем тот, которым свалил Снейка. Откуда что взялось? Видимо, и вправду у организма в критических ситуациях вскрываются какие-то нечеловеческие возможности.

Кадавр не успел поднять руку с пистолетом. Покачнулся и под весом Мунлайта повалился-таки на землю. БП вывалился из непослушных пальцев. Седой прижал кадавра к земле, уперев тому автомат поперек груди, навалился сверху.

— Угрюмый, вспомни! — В голосе появилось отчаяние. Не то от того, что осознал наконец очевидное, не то потому, что единственный оставшийся вариант был перехватить автомат и убить.

Рванувшийся было кадавр вдруг замер. В глазах мелькнуло что-то, отдаленно похожее на мысль.

— Мууунлайт, — протянул он низко и невнятно. — Мууунлайт и водка.

Внутри что-то дрогнуло. Мун судорожно сглотнул, чуть ослабил давление.

— А Хлюпик где? Что с Хлюпиком?

— Муууунлайт, — тупо, на одной ноте повторил Угрюмый. — Мууу.

И от этого голоса седой вдруг почувствовал, насколько устал. Казалось, внутри все выжжено. Казалось, он не способен чувствовать боль, а только скабрезничать, прикрывшись маской злобного шута. И это в самом деле было так.

Но почему-то сейчас стало больно. Нестерпимо больно. Что-то безжалостно рвалось в груди. Но не физически, поперечно-полосатые мышцы миокарда были тут ни при чем, болела душа, наличие которой не доказано ни одной наукой.

— Мууунлайт, — тупо протянул Угрюмый.

Мир заволокло мутью. Грохнул выстрел. Тело под ним напряглось, изогнулось и обмякло.

Мун тряхнул головой, смахивая подступившие было слезы. Угрюмый лежал перед ним с черной кроващей дырой вместо левого глаза.

Седой резко развернулся, перехватывая автомат и готовясь пристрелить любого, кто сейчас попадется на глаза.

На глаза попался Снейк — безоружный и мрачный. На расстоянии нескольких шагов от него стоял грязный как черт старший лейтенант с дурацким погонялом Игрок. Глаза военного сверкали диким злым блеском. Дуло автомата, который держал в руках старлей, недвусмысленно глядело на Снейка.

Мунлайт прикинул, сколько секунд понадобится, чтобы разрядить «калаш» в старлея. И сколько понадобится Сберкнижке, чтобы разрядиться в бородатого.

— Брось автомат, — потребовал Игрок. — Не то Змей будет следующим.

Разрядиться в бородатого. Какая омерзительная двусмысленность. Мун гнусно ухмыльнулся.

9

Призрачная дрянь ушла. Сама. Поулыбалась старлею и смылась, не причинив вреда. Да и какой вред от бесплотной твари? Задним числом Карташов убеждал себя в том, что страхи и опасения были напрасными. Что этот каспер с рожей Мунлайта не представлял никакой опасности по определению. Правда, в тот момент, когда эта не представляющая опасности штука скалилась в призрачной ухмылке, Сергей чуть не нажал на спуск. Но это уже было в прошлом.

А в настоящем, придя в себя, старлей увидел много нового. Его подопечные не успели далеко уйти. Более того, они активно отстреливались от каких-то калечных мужиков. Нападавшие выглядели ошалевшими и помятыми, словно уже получили где-то на орехи и, вконец обезумев, драпали без оглядки. Видимо, одни из тех немногих, которые успели сбежать с Агропрома после их штурма.

Карташов не стал торопиться. Короткие ёмкие истины, авторство которых приписывали народу, он помнил хорошо. И не считал нужным их оспаривать.

«Поспешишь — людей насмешишь» — он помнил ещё со школы. А мать дома развивала эту хрестоматийную мысль поговоркой: «Торопись медленно». И Карташов научился не спешить и не создавать лишней суеты. Он и сейчас не суетился.

И вступать в потасовку не стал. Двое дерутся, третий не мешает.

А ещё на ум приходило: «Разделяй и властвуй». Впрочем, последнее изрек, кажется, не народ, а кто-то из его представителей, записавших свое имя в истории.

Разделять было не нужно. Все уже разделились без его помощи. Сергею оставалось только не спеша дожидаться финала драки, вовремя подойти и отыграть свое.

Что он и сделал. Правда, не все пошло как задумывалось. И стрелять пришлось в того безумного, которого оседлал Мунлайт. Труп образовался легко, но седого это явно задело, так что вынести вторым выстрелом мозги Змею было теперь невозможно. Оставалось только шантажировать, надеясь, что сталкер поостережется устраивать пальбу. Вот если бородатого пристрелить, тогда точно дело проиграно. А так...

Мунлайт нагло ухмылялся, хотя если судить по глазам, то смешно ему не было ни капли. Понять, что сейчас происходит в его сталкерской башке, Сергей не мог. Это злило, и если не пугало, то настораживало.

— Брось автомат, — повторил он. — Или...

Мунлайт осторожно двинул пальцем предохранитель с одиночных на очереди.

— Или бросай сам, — нагло заявил он. — А при любом другом «или» тебе, Сбёркнижкин, не жить.

— Твоему приятелю тоже, — процедил сквозь зубы Карташов. — Так что предлагаю решить все мирно. Опусть ствол.

— Ага, — зло расхохотался Мунлайт. — Только шнурки поглажу.

— Ладно, — сдался Сергей. — Чего ты хочешь?

— Уйти, — просто ответил Мунлайт.

— Тебе денег мало.

— Мне работа не нравится. А ещё меньше она нравится моему другу. А он мне, как родная мать. Заботится, чтобы я не попал в плохую компанию. — Седой расплылся в такой гнусной лыбе, что Карташову захотелось его пристрелить.

— Работа может не нравиться только недостаточной оплатой. Не бывает такой работы, которую нельзя было бы выполнить, если за неё адекватно платят. Если тебе мало, то все обсуждаемо.

Змей перемялся с ноги на ногу.

— Слышь, Игрок, а ты бы маму свою поймел за лям баксов? Или это не адекватная работа за такую плату?

— Завали хлебало, — резко бросил старлей. — И молись, чтобы я тебя сейчас не поймел. А ты, — зыркнул он на Мунлайта, — решай по-хорошему, на каких условиях мы продолжаем работать.

— Ни на каких, — отрезал седой. — Ты, сучило, вольного сталкера убил только что. Не бандюка, а...

Он запнулся, словно понял, что ляпнул что-то не то.

— А я сейчас пристрелю и второго вольного сталкера, если ты будешь и дальше сопли жевать, — резко заговорил Сергей. — Ах, сталкера убили! Вас всех перестрелять давно пора. И скоро это произойдет. Уже происходит. И ты уже приложил к этому руку.

Змей издал странный звук, будто хотел что-то сказать, но словами подавился. Мун стиснул челюсти. Противно скрипнули зубы.

Сергей понял, что ударил очень сильно, что играет сейчас на грани фола. Но выхода не было. Требовалось выбить этого наглого хлыща из колеи. Заставить прогнуться. Дать понять, что он не герой, что он уже в дерьме по самые уши. И выхода у него два: или делать, что говорят, и выкарабкаться, или утонуть окончательно.

— Сталкеры — это миф. Скоро их не будет и памяти не останется. Агропром — это только начало. Или ты думал, мы шутки шутим? Всё серьезно. Так что решай. Или ты с нами, тогда останешься не только живым, но и обеспеченным. Или ты со своими сталкерами. Тогда жить тебе осталось не долго. И даже если ты сейчас меня убьешь, это ничего не изменит.

Мунлайт стоял бледный и непривычно серьезный. Лицо его почти слилось с седыми вихрами. Только глаза блестели яростью загнанного в угол зверя. Во всяком случае, Карташов увидел в них именно это и порадовался.

— Значит, война, — прорычал седой.

— Зачистка объекта от преступного и полупреступного элемента, — казенно отчеканил Сергей. — Хотя ты можешь называть это как тебе вздумается. Только решай, на чьей ты стороне. Я жду ещё минуту, потом стреляю.

Мунлайт заколебался. На лбу проступили задумчивые морщины. Змей дернулся. Карташов предостерегающе качнул автоматом.

— Не рыпайся, — и добавил уже для седого: — А у тебя тридцать секунд.

Сталкер принял решение. Плечи его устало опустились.

— Не вздумай, — угрожающе пророкотал Змей. Мунлайт обреченно мотнул головой и опустил автомат. Старлей, боясь спугнуть удачу, придушил пытающуюся вырваться наружу радость.

— На предохранитель, — велел он бодрее, чем надо было.

Всё-таки не сдержал эмоцию. Да и бог с ним. Он победил. Седой щелкнул предохранителем.

— Теперь брось его мне, — велел Карташов. — И без глупостей. Швырнешь в лицо — выстрелю.

Мунлайт отвел руку и демонстративно бросил автомат в сторону. «Калаш» пролетел несколько метров и шлёпнулся в паре шагов от старлей.

Всё. Карташов выдохнул с облегчением и сделал шаг в сторону. Он переиграл-таки этого седого говнюка. Осталось только довести его до Агропрома и посадить под охрану. Глаз с него не спускать до самого конца. А потом, когда всё кончится, пусть идет куда хочет.

Сергей наклонился за автоматом, на секунду теряя Мунлайта из поля зрения. Что-то молниеносно метнулось в сторону. Карташов среагировал на движение, резко повернул голову.

Тихо чавкнул выстрел.

«ПБ», — метнулось где-то на самом краю сознания. Время застыло.

Кровь прилила к голове, зашумела в ушах, внутри повис звенящий страх. Он вдруг почувствовал себя мальчишкой, а перед ним стоял вовсе не Мунлайт, а девушка. Яркая, с

пышными притягательными грудями, прикрытыми полурасстегнутым плащом, и косой в руках. Бред!

Девушка растянула губы в гнусной до тошноты знакомой ухмылке.

Старлей упал лицом в землю, но уже не почувствовал удара и не увидел земли. Вокруг была темнота, в которой пульсировало что-то светлое. Не то тот самый свет в конце тоннеля, не то какая-то вспышка в умирающих зрачках.

Мунлайт устало опустил руку с пистолетом. Снейк стоял рядом слегка ошалевший.

— Спасибо, — тихо поблагодарил он.

— Угрюмому скажи, — отмахнулся Мун. — И ствол его, и зарядил он его сам, хоть и мозги у мужика протухли.

Он старался говорить развязно, в обычной своей полухамской манере, но выходило фальшиво. Может, потому, что развязность сейчас была ни к чему, а может, оттого, что где-то глубоко внутри было все так же больно. Больно за Угрюмого, который при всех своих достоинствах и недостатках не заслужил такого конца. Больно за Хлюпика, который просто канул в Зону, как в Лету. За Снейка и за себя. За всех, кого покорежило это не самое лучшее место на Земле, которое он...

Нет, не ненавидел. Мун вдруг с удивительной пронзительностью осознал, что не может ненавидеть Зону. Она не как женщина, она как мать. С ней можно поссориться, на нее можно затаить обиду, но ненавидеть ее невозможно.

Седой не без удивления поймал себя на том, что думает об этом месте в том ключе, в котором думать никогда не хотел. Да плевать.

Мунлайт поднялся на ноги, подошел к Угрюмому, наклонился. Кровь в пробитой глазнице начала загустевать. Зато второй глаз смотрел чисто и ясно. В мертвом взгляде не было той бессмысленности, которая светилась в глазах ещё живого Угрюмого пять минут назад. Он словно увидел что-то, недоступное живым. Будто нашел какой-то смысл, которого долгие годы не доставало.

Седой опустил руку на мертвое лицо и осторожно прикрыл глаз.

Всё было как-то не так. Как-то неправильно. Надо было уходить. Тогда, когда предлагал Снейк. Ведь был же шанс остановиться. Был шанс вырваться из всего этого, подумать, осмыслить что-то. Пожить другой жизнью. Неужели же другая жизнь заказана тем, кто хоть раз ступил на эту землю?

Надо бежать. Уходить отсюда. Хорошо валять дурака, когда тебе рисковать нечем и терять нечего. Хуже, когда ты отрываешься по полной, зная, что ничем не рискуешь, а тебе дают понять, что потери все же неизбежны. И утыкаешься в то, что «нечего терять», — это глупая, нелепая иллюзия.

Мун распрямился, подошел к старлею, небрежно прошерстил карманы. Забрал оба автомата и собственный лейтенанта, и тот, что Игрок отобрал у Снейка. Бородатый подобрал автомат Муна, до которого старлей так и не успел дотянуться. Молча протянул поднятый «калаш» седому. Тот пихнул в ответ бородатому его автомат.

— Снейку Снейково, — усмехнулся криво. — Помирились?

— Не ссорились, — отозвался Змей. — Теперь уходим?

— Ага, — кивнул Мун и бодро зашагал прочь.

Снейк поглядел заинтересованно. Седой уходил в глубь Зоны, оставив за спиной не только Агропром, но и кордоны.

Бодрость ему давалась тяжело и выходила наигранной, Мун сам чувствовал это. Бородатый догнал почти сразу.

— Долги отдавать? — поинтересовался на ходу.

— Скорее ошибки исправлять.

Мун остановился и поглядел на бородатого.

— Снейк, тебе не обязательно со мной. Хочешь, уходи, как хотел. Встретимся потом, за Периметром.

Снейк фыркнул, посмотрел на приятеля с легким укором:

— Ну и кто из нас дурак после этого?

10

Снег валил крупными хлопьями, уже не припорошивая, а засыпая все вокруг. Дул ветер. Сырой снег залеплял глаза, лез в рот.

Дрянная и опасная погода. И когда ветер утихнет и снег уляжется, лучше не станет. Какие-то аномалии по снегу видно лучше. «Карусели», например, чудесные снежные вихрики гоняют. За версту видать. Зато другие не видно вовсе. А к примеру, разряжающаяся во влажной среде «электра» — это вообще песня.

Вот потому и мертвый сезон. Да ещё потому, что холод собачий. А по холоду выживать всегда тяжелее.

Мун ступал с запредельной осторожностью. Снейк отдыхал, шёл сзади, только следил за тем, чтоб след в след попадать. Менялись каждые пятьсот метров. Когда быть ведомым выпадало ему, седой с головой уходил в мысли.

Первоначальную идею сунуться к «долговцам» быстро забраковали. Натравливать «Долг» на армейских было небезопасно. Кто этих солдафонов знает, как они отнесутся к идее повоевать со своими, пусть и бывшими, коллегами.

Тогда пришла мысль вернуться к Резаному. Кидать два или даже три десятка его желторотиков на взвод десантуры Мун, конечно, не собирался. Это было бы равноценно самоубийству. Конечно, генеральские бойцы Зоны не то что не знают, а даже не нюхали, но это единственный их минус перед ребятами из группы Резаного. А такое преимущество, как познание местных реалий, в данном случае не сыграет роли.

Генерал уже держит Агропром. Четверть сотни профессиональных военных закрепились на объекте, где нет ни аномалий, ни мутантов. Если, конечно, по катакомбам под бывшим НИИ не лазать, а Мун сам посоветовал старому хрену этого не делать. Выходит, с Зоной генералу сталкиваться не придется.

По всем остальным позициям генерал в плюсе. Люди его вооружены, профессионально подготовлены. Если на кордоне ещё могут появиться какие-нибудь балбесы, то в войска дяди Васи кого попало не берут. И эти люди не в чистом поле сидят, их с Агропрома вышибать придется. Так что кинуть мальчишек Резаного на два с лишним десятка десантников, засевавших в стенах бывшего НИИ, все равно что штурмовать крепость с окопавшимися в ней вооруженными до зубов рыцарями силами крестьян из соседней деревеньки.

Но ведь с чего-то начинать надо. Не вдвоем же на Агропром кидаться.

И потом, недалеко от деревушки Резаного «Свобода». С этими договориться будет тяжело, но если получится, то это уже дело. У этих и с оружием и экипировкой проблем нет, и башни сорваны настолько, что в свое время весьма успешно погнали армейских с военных складов. Любо-дорого было смотреть, как солдатня драпает.

Взметнулся снежный бурунчик. Мунлайт шарахнулся, как от огня, но тревога оказалась ложной. Никаких аномалий тут не было. Только ветер сыграл злую шутку.

Ещё один балбес думает не о том, о чём нужно.

— Чего там? — поинтересовался Снейк.

— Ничего, — отозвался седой. — Твоя очередь гулять с Калигулой.

— Чего? — не понял бородатый.

— Вперед топай, — не стал вдаваться в подробности Мун. Снейк неторопливо обошел приятеля и побрел дальше.

— Надо было у «долговцев» заночевать, — буркнул он.

— Не гунди, пришли уже почти.

Змей пробурчал еще что-то нечленораздельное и зашагал осторожно, взвешенно.

Мунлайт потопал следом. Теперь вот можно думать о чем угодно, можно вообще ото всего отключиться, только следи на автопилоте, чтоб со следа не сбиться, и все.

Но мыслей почему-то не осталось. Ушли куда-то. Голова очистилась, и он тупо шел, ступая след в след.

Внутри звенела пустота. Её хотелось заполнить чем-то ярким, но не было рядом ничего яркого. Все яркое порастерялось.

Мун сплюнул. Да какое яркое? О чём он? О человеческой глупости? Один дурень пёр, как бык на красный цвет, туда, куда никто не ходит. Второй попёрся его провожать. Оба были обречены, оба это знали. Теперь один пропал без вести, а второй с прокисшими мозгами пулю в голову заработал. Спрашивается, зачем поперлись? Где логика?

Нету. Логика вообще несовместима с человеческими поступками. Кто вообще, руководствуясь логикой, полезет в такую дыру, как Зона? Зачем?

Находясь в здравом уме и твердой памяти, люди просто живут. Как все. Тихо и спокойно. Те, кто дружит с логикой, не ползают по закрытым и запретным территориям, будь то метро, заброшенный бункер, стройка или Зона отчуждения. Те, кто дружит с логикой, не изобретают колесо, не горят на костре, крича «она вертится», не пишут стихи и не пилят себе вены от неразделенной любви.

Логика — штука чудесная, особенно когда с её позиций раскладываешь чужие поступки. Свои-то, понятно, логичны всегда. Ну или хотя бы до тех пор, пока на них со стороны не посмотришь.

Снейк остановился. Мунлайт завис с поднятой ногой, но бородатый лишь повернул в сторону от дороги. Деревня Резаного была уже совсем рядом.

По логике, их здесь уже давно быть не должно. А по жизни выходит, что возвращаются к тому, от чего уходили.

— Стой, — окликнул Мунлайт тихо. Снейк резко замер.

— Чего? Где?

— Ничего и нигде, — передразнил седой. — Ты часовых видишь? И я нет. А они, насколько помню, уже должны были бы проявиться.

Снейк оглядел ближайшие домики, торчащие из-под снега высохшие палки бурьяна. От густой травы остались лишь редкие пучки высоких плотных стеблей, остальное присыпало снегом.

Мунлайт тихонько вышел вперед и сделал несколько осторожных шагов. Потом вдруг расслабился и зашагал вперед смелее. Бородатый тоже увидел идущую им навстречу девушку и улыбнулся.

Наталья ответила улыбкой, хоть и немного странной.

— Привет, камси-комса, — ухмыльнулся Мун. — Рада нас снова видеть?

Девушка резво подошла ближе и бросилась Мунлайту на шею. Седой обнял девушку, расслабляясь, и тут же напрягся снова. Между ребер слева что-то легко кольнуло. Наталья отпрянула. В руке ее был зажат охотничий нож, острие которого царапало теперь Мунлайтову кожу.

— Ты чего?

— Рада вас видеть, — холодно бросила Коса.

Из-за ближайшего домишки вышли двое парней с МР-5. Наталья ловко сдернула с Мунова плеча автомат. Бросила не оборачиваясь:

— Чего встали? У второго оружие заберите.

— Чего за хрень? — обозлился Мун.

— А ты чего ждал? Встречу хлебом-солью? — в голосе девушки появилась чисто женская обида. — Мне казалось, ты похож на него. А ты... За таким, как он, можно было идти в Зону вместе с Егоркой. А ты просто дерьмо.

Наталья убрала нож и с размаху саданула седому по лицу. Оплеуха вышла сочная и звонкая. Женщина вложила в неё всю обиду за несоответствие реального человека нарисованному воображением образу.

Когда заговорила снова, эмоций в голосе не было. Слова выходили холодными, как лёд.

— Новости по Зоне быстрее людей ходят, — бросила женщина.

И Мунлайт наконец понял причины столь радужного приема.

Интерлюдия

Откуда берется мысль?

Каким чудесным образом она зарождается в голове?

Нет, правда. Вот в человеческой голове откуда берутся мысли? Мне доводилось видеть то, что спрятано в черепной коробке. Ничего, похожего на мысли, там нет. А если и есть, то это очень грязные мысли.

Или тот несчастный зомби. У него в голове было примерно то же самое, но мыслил он уже иначе.

Принято считать, что мысли — результат работы мозга. Мозг одного человека похож на мозг другого, но мысли-то разные. Почему?

Или вот мозг того пресловутого трупа. Почему-то мне проще называть их этим словом. Так вот его мозги выглядели как человеческие, а работали... нет, скорее, не работали вовсе.

А я. Не хочу выпячиваться, но откуда берутся мои мысли, ведь я другой.

Или у матери? Многие считают, что она вовсе безумна. Это не так. Она разумна, но иначе.

Спросите, откуда я это знаю? Размышлял.

Когда ты ищешь ответы, а взяться им неоткуда, размышления бывают очень полезны.

У меня ответов нет. Мне некому ответить. Отец мертв, мать... мать — это отдельный разговор. Кто-то когда-то сказал, что человек, называющий маму матерью, не очень хороший человек. Не знаю. С одной стороны, я не совсем человек. С другой — называть ее мамой у меня не повернется язык. Она никогда не уделяла мне внимание, если так можно выразиться. Она тратила его на других. Она была матерью, но не мамой. И она никогда не давала ответов.

Потому я размышляю. Собираю любую информацию, стараюсь как-то систематизировать и анализировать ее. Ищу закономерности, переключки.

Иногда мне кажется, что только так можно делать выводы о чем-то. О чем угодно. Вот, например, о людях. Чем больше я наблюдаю за ними, чем больше с ними сталкиваюсь, тем непоследовательнее кажутся они мне.

И категории, которыми они мыслят, чаще всего мне не доступны. Я не могу это прочувствовать, не могу понять. Но стараюсь осмыслить. Зачем?

Не знаю. Может быть, каждый из нас только для того и рождается, чтобы что-то понять?

Вот отец. Ведь он понял что-то, потому и ушел...

Или понял что-то прежде, чем уйти...

Или... может быть, он что-то понял, прежде чем уйти? Хотелось бы верить. Ведь не просто так мы живем. Ведь для чего-то. А если просто так, то это очень обидно.

Обидно потому, что я не знаю, сколько предстоит прожить мне. Не знаю, как я могу умереть. И размышлять здесь бесполезно. Нет материала для размышлений. Я никогда не встречал таких, как я.

И кто может знать что-то обо мне? Люди? Они и о себе ничего не знают.

Нет, конечно, у них оригинально работает мозг, к ним приходят невероятные мысли. Только понимания им это не добавляет.

Человечество вообще и отдельные его представители в частности ищут ответ на вопрос «как?», и никто не спрашивает «почему?». То есть люди в основном интересуются, каким образом работает следствие, и не озадачиваются причинами.

Может быть, хотя бы на пороге смерти они переосмысливают что-то?

Я надеюсь только на это. Мне не хотелось бы думать, что мой отец жил зря, умер бессмысленно. Не знаю почему, но бессмыслица меня пугает. Хотя, возможно, смысл есть, просто я его не вижу.

Нет, я не понимаю людей и многого не понимаю. Возможно, размышляя об этом и дальше, я приду к чему-то. К какому-то пониманию.

Пока вопросов больше, чем ответов.

Интересно, а у людей так же?

Жаль, что нет отца. Он мог бы рассказать что-то. И возможно, мы поняли бы что-то вместе. Хотя не уверен.

Я вообще ни в чем не уверен. Хорошо это или плохо, не знаю. Да и кто может знать?

Часть четвертая. Шанс

1

Несколько столетий назад с гонца, принесшего подобные вести, спустили бы шкуру. Причем в прямом смысле. Хворостин, зло поигрывая скулами, отвернулся к окну, стараясь выбросить из поля зрения говорившего сержанта и найти что-то более приятное для глаз.

Но за окном была видна лишь странная смесь урбанистического пейзажа с постапокалиптическим. Серые мертвые громады зданий, битые стекла, гуляющий по всему этому запустению мусорный ветер, да боязливые собаки, чьи изуродованные мутацией силуэты трусили по окраине Агропрома.

Если от утренней канонады шавки бежали поджав хвосты, то сейчас понемногу осмелели. Лезть внутрь, где прочно обосновались люди, конечно, не пытались, но в отдалении мелькали то тут, то там.

И это мутанты. А люди, которые точно так же драпали с утра. Они ведь тоже рано или поздно попытаются вернуться.

Генерал поёжился и повернулся к сержанту. Тот закончил отчет и стоял, молча выжидая дальнейших приказаний.

— Свободен, сержант, — мрачно бросил Хворостин командиру второго отделения.

На имена и фамилии у генерала память была слаба. Цифры он запоминал влёт, лица фиксировал. А вот имена как-то терялись. Запоминались только после многократного повторения. Потому он чаще всего обращался к подчиненным не по имени, а по званию. С фамилией можно и ошибиться, а погоны всегда перед глазами.

Сержант вышел. Хлопнула дверь. Оставшись в одиночестве, Хворостин уселся на край грязного лабораторного стола, помнившего ещё советскую власть, и устало потёр виски.

Ситуация складывалась препаршиво. Победа далась шуточной ценой. Двое легкораненых — это не потери. По большому счету, их можно было даже не отправлять за кордон. Просто на радостях генерал решил сыграть в благородство и изобразить всенародного отца-командира.

Как выяснилось немного позже, радость была преждевременной.

Для начала улизнули сталкеры. По-глупому. Просто взяли и ушли. И никто не остановил. И крайнего искать было негде, потому как Хворостин сам расслабился, решив, что седого с бородатым он купил со всеми потрохами.

Надо было выдать распоряжение летунам. Не надо было отпускать охрану, уж эти точно не прозевали бы, если бы были рядом. В войнушку им поиграть захотелось. А он тоже хорош. Зачем отпустил?

Попытка вернуть хотя бы одного консультанта обернулась еще большей неудачей.

Засланный вдогонку старлей пропал. Ушёл и не вернулся. Связи с ним не было, и Хворостин отрядил ещё пару бойцов пошерстить по ближайшим окрестностям.

Пошерстили. Труп старшего лейтенанта нашли совсем недалеко. Рядом нашли ещё четыре неопознанных трупа. Ни седого, ни бородатого среди них не было. Что произошло там у лейтенанта, оставалось только догадываться.

Так или иначе потеря комвзвода хоть и пришлась некстати, а была совсем не смертельной. То ли дело потеря консультантов. Без сталкерских напутствий продолжение

операции выглядело полной авантюрой. Взять нового консультанта было негде. Найти старого не представлялось возможным.

До кучи ко всему этому отосланный только что сержант доложил, что у них по-прежнему нет связи. Вообще. Никакой. И объяснений, почему она не работает, тоже нет.

— Аномальная зона, — пожал плечами сержант в ответ на простой и емкий вопрос: «Какого хрена?» — Кто его знает, как и что здесь работает?

То, что никто ничего не знает, раздражало Хворостина больше всего. Люди, прослужившие здесь не один месяц, должны были бы знать что-то, кроме схемы взимания мзды с бродяг, бегающих через кордон в обоих направлениях.

Вертолеты с ранеными ушли обратно. Дальнейшие распоряжения от генерала должны были поступать напрямую людям, с которыми были заранее оговорены нюансы операции. И люди эти ждали. Вот только связи не было. Хоть выходи в чисто поле и лови её там.

Подобную меру Хворостин посчитал крайней, потому пока она не рассматривалась.

В итоге выходило, что он залип на Агропроме, как муха в янтаре. Объект он удерживал, и вышибить его отсюда было практически невозможно. Но ничего сверх того он сделать пока не мог.

В голову упорно лезло сравнение с Наполеоном. Аналогия ласкала самолюбие, но ничего не давала для разрешения ситуации. Французский император бодрым маршем дошел до Москвы и взял ее. Вот только победу отпраздновать не успел, дотумкал, в какую задницу влез, и задергался. Посылал Лористона к Кутузову для пропуска к Александру. Просил мира, просил спасти свою честь.

Русская кампания — гениальная ошибка гениального полководца. Должно быть, Наполеон чувствовал себя так же паршиво, как и он сейчас.

Хворостин запросто мог праздновать победу, если бы не понимал, во что вляпался. Он, как и император, получил то, чего хотел, и понимание того, что не может распорядиться полученным, в нагрузку.

Надо было как-то выкручиваться. Вот только слать прошения о мире, в отличие от француза, ему было некому.

Дальнейшие попытки вспомнить историю и вовсе вгоняли в тоску. Повторить судьбу Наполеона было бы даже лестно, если бы это кто-то заметил. Вот только у императора была великая армия, и на него смотрел весь мир. У Хворостина в наличии имелся один взвод, и о мелкой генеральской интрижке, способной при некотором стечении обстоятельств перерасти в международный скандал, не знал даже задрипанный корреспондент областной газетки.

Потому сравнивать генерала в его падении с Наполеоном мог лишь он сам. А это уже грело не так тепло. Нужна была связь, которая каким-то аномальным образом испарилась. Нужен был проводник. Хоть старый, хоть новый, хоть какой угодно. Не до хорошего. Только взяться и тому, и другому было неоткуда.

Идея бросить Агропром и возвращаться до кордона своими силами выглядела опасной. Да и за кордоном кое-кто из сильных мира ждал от него отчетности совсем не о том, как он захватил территорию бывшего НИИ, а потом бежал оттуда без видимых причин, сдавая позиции и потеряв при отступлении больше, чем при штурме.

Двигаться дальше в глубь зоны, не зная особенностей местности, надеясь на то, что связь прорежется и можно будет выдернуть подкрепление... Практически самоубийство.

Сидеть на месте и ждать. Чего?

Хворостин впился пальцами в виски. Аналогии с Бонапартом больше не грели душу. История пишется победителями. Иногда в благородном порыве победители даже врага преподносят великим. Но это потом. А делается история впопыхах, на ходу. С бесконечными случайностями, досадными недоразумениями и нелепыми ошибками. Любая история. Хоть большая, хоть маленькая, местечковая.

И Хворостин чувствовал, что в своей истории он уже проскочил звездный момент, а на подходе начало конца.

Их затолкали в знакомую избу. Только на этот раз они снова были пленниками. Дверь теперь запиралась ещё труднее. На входе вместо Рыжика мелькнул незнакомый хмурый парень.

Койки убрали, так что сидеть приходилось на холодном, продутом полу. Крыша, что подтекала у входа, совсем обветшала или провалилась под насыпавшимся снегом. Так или иначе, там в потолке зияла теперь дыра, а на полу под ней лежал снег. Лежал и не таял.

— А здесь тепло, — ухмыльнулся Мун, глядя на снежную кучу.

— Не думаю, что мы успеем насмерть замерзнуть, — со значением заметил Снейк.

— Думаешь, они там уже смертный приговор нам подписывают?

К Мунлайту вернулось его издевательское настроение, но смешно ему не было. Снейк седого знал давно и научился видеть чуть глубже того театра мимики и жеста, которым любил прикрываться Мун.

Он, конечно, мог искренне клоунадничать и потешаться, но сейчас был не тот случай. Клоунада выглядела наносной, а во взгляде читалась полная апатия.

— Я вообще об этом не думаю. — Снейк соорудил одухотворенную физиономию.

— Не просто думать о высоком, паря душой в мирах межзвездных, когда вокруг под самым боком храпят, сопят и портят воздух¹², — продекламировал Мун.

— Хаосит, — отмахнулся Снейк. — Мы замкнули круг. Мы снова в том же месте, с которого начали. И снова в той же роли. Может быть, нам второй шанс дают. Повод задуматься.

Мун поморщился. Снейковские угоны в философские дали были такой же заглушкой от внешнего мира, как и его шуточки. Это он понял давно. Хотя были случаи, когда бородастый нагонял туман просто так, из любви к искусству.

В данном случае это было, скорее, защитной реакцией.

Достойное занятие. Два взрослых мужика в паршивой ситуации, знающие друг друга достаточно, чтобы отличить лицо от маски, напяливают эти самые маски и подбадривают не то себя, не то друг друга самым глупым способом, на который только способны. Мун усмехнулся уже вполне искренне.

С другой стороны, а чего ещё делать?

— Ну да, всё как раньше. Только в прошлый раз они не знали, кто мы, и ждали Резаного, чтобы тот решил, что с нами делать. А теперь Резаный здесь, все знают, что мы предатели, и сейчас, должно быть, решают: быстро нас пристрелить или сначала помучить, — поведал Мун. — И вообще, я быдло. Мне думать не положено.

Он неторопливо пошел по кругу, огибая постепенно всю комнату. Снейк сидел в углу с видом викинга, принявшего буддизм, и следил за седым одухотворенным взглядом.

«А может, он и в самом деле верит, что ему кто-то дает какой-то шанс», — мелькнула мысль. Вдруг как не валяет Змей дурака, а серьезен. Он-то тоже серьезно думал о том, что им дали какой-то шанс, что был какой-то знак. Что пора что-то изменить.

Много ли изменили? Как говорил один мелкий знакомый осетинчик, сколько волка ни корми, у осла все равно член длиннее. Нельзя уйти. Нельзя остановиться, встав один раз на этот путь. Это то же самое, что шесть лет лазать в форточки и чистить квартиры, а потом решить завязать. Или десять лет бухать, пропивая все бесприсветно, а потом взять и в один день закончить.

Нет, из этого лабиринта нет выхода. Потому и Фрез, с которым они здесь нажрались, от своих пяти детей и жены возвращается сюда снова и снова. Потому и бармену в «Старентгенах» нечего опасаться за своего уехавшего на зиму к тётке Сынка. Вернется Сынок, никуда он не денется.

Из Зоны вообще выход только один — на тот свет.

¹² Стихи Игоря Губермана.

Да и знак тот давно уже не появлялся ни во сне, ни наяву. Что это значит? Что время упущено и останавливаться поздно? Или что знака никакого и не было? С чего он вообще решил, что был какой-то знак, какой-то шанс?

Додумав до этого момента, Мунлайт подошел к снежному бархану на полу и встал под дырой в крыше.

— Кто шансы-то раздает? — ядовито поинтересовался он, злясь отчего-то и злясь скорее на себя. — Вселенский разум? Господь бог? Давай тогда помолимся.

Седой запрокинул голову, раскинул руки, словно пытаясь обнять бога, находящегося где-то в районе дыры в крыше, и заголосил:

— Господи, дай нам знак, а то мы тут в неведении.

На крыше что-то прошуршало, и в дыру съехала снежная шапка. Мун не успел отвернуться, и снег осязательным сугробом осыпался на подставленное навстречу богу лицо.

Мунлайт выматерился. Снейк в углу не сдержался и басовито реготнул.

— Очень смешно, — отплевываясь от снега, сказал Мун.

— Не выеживайся на богов, — назидательно поведал бородатый. — Даже если их не существует.

— Ничего, потерпят, даже если они и существуют, — ухмыльнулся Мун и посмотрел вверх, будто кидая богам вызов.

Боги, если и были, вызов не приняли. Зато в дыре показалось знакомое детское лицо с серьезными глазами.

— Дядя Мунлайт, — тихонько позвал Егор.

— О! — обрадовался седой. — Сын божий, не иначе. Ты как здесь?

— Отойдите, — серьезно потребовал Егор.

Мун отступил в сторону. Мальчишка развернулся, и в прорехе вместо лица показались ноги. Сперва по колено, потом по пояс. Парень аккуратно сползал в дыру, пока не повис на руках, держась за гнилую деревяшку стропила.

Пальцы мальчика разжались. Седой умышленно не хотел мешать мальчишке, но прыгнуть тому все равно не дали. Подсутившийся Снейк поймал под мышки, бережно опустил на пол.

— Дядя Змей, — обрадованно прошептал Егор и обхватил Снейка, которому в пупок дышал, за ноги.

В глазах бородатого предательски блеснуло.

— Ты зачем сюда залез? — спросил Снейк, пытаясь быть строгим, что получалось паршиво.

— Да, по головке за это не погладят, — подтвердил Мунлайт.

— Я знаю, — с какой-то убийственной откровенностью сказал мальчишка и поглядел на седого. — Они там все против тебя. Даже мамка. Дядя Резаный всех собрал и сказал: «пусть народ решает, что с ним делать».

— С ним? — приподнял бровь Снейк.

— Ага, — кивнул Егор. — Резаный говорит, что дядя Мун за тридцать сребреников всю Зону продал. А ты так... рядом стоял, когда продавали.

Обороты получились совсем не детскими, из чего Мунлайт сделал вывод, что парень говорит с чужих слов, как запомнил.

— А ты все это откуда знаешь? — любопытствовал седой. — Сам слышал?

— Не, — мотнул головой Егор. — Меня выгнали, сказали, что маленький и нечего мне это слушать.

— А ты, значит, подслушивал, — недовольно заметил Снейк.

Кажется, в бородатом проснулся воспитатель.

— Вот еще, — вздернулся Егор. — Я не подслушиваю. Сказали уйти, я ушел.

— Тогда откуда знаешь? — лукаво ухмыльнулся Мун.

— Видел, — просто ответил мальчик и пояснил: — Как слепые собаки.

Мун запнулся. На мальчишку посмотрел странно. Снейк тоже смотрел с беспокойством. Странная фантазия.

— Слепые собачки не видят, — приторно произнес Мунлайт, как будто разговаривал с идиотом. — У них глазок нет.

Мальчишка посмотрел серьезно, с некоторым превосходством.

— Есть, — сказал веско и коснулся указательным пальцем лба. — Вот здесь.

Мун поперхнулся. Снейк смотрел озадаченно. Все дети фантазируют, но легко ловятся на фантазиях. Егор же был предельно серьёзен и на взрослых смотрел открыто. И это пугало, потому что, когда фантазия становится реальностью, это значит, что у кого-то непорядок с головой.

— И давно ты так видишь? — спросил Мунлайт, чуть ли не в первый раз за последние лет десять начиная тяготиться молчанием.

— Всегда, — коротко ответил мальчишка и посмотрел седому в глаза.

Взгляд был по-детски чистым и вполне разумным. Странно, что при таком взгляде у мальчишки крыша едет. А еще говорят, что глаза — зеркало души.

— Дядя Мунлайт, — как-то совсем по-взрослому сказал Егор, не опуская взгляда, — я вижу, что вы думаете. Вы думаете, что я сумасшедший. Только я не сумасшедший.

У седого отвисла челюсть, а мальчик, словно решил добить окончательно, повернулся к Снейку и добавил:

— Дядя Змей, не надо меня жалеть.

По удлинившейся, кажется, бороде Мун понял, что в Снейковы мысли попали с той же легкостью, что и в его. Или это очень мощный розыгрыш, или...

— Фантастика, — выдохнул Мунлайт.

— И давно ты так? — пробормотал Снейк.

— Всегда, — повторил мальчишка нетерпеливо. Он хотел что-то сказать, но теперь перебил седой:

— А еще кто знает? Мама?

— Мама не знает, — неохотно ответил Егор. — Мама редко на меня внимание обращает. Никто не знает. Только вы и дядя Фрез.

— Дурдом, — протянул Снейк и повернулся к Муну: — Это что, телепатия?

— А я откуда знаю? Я, что ли, долбанный телепат?

— Дядя Мунлайт, — одернул мальчишка. — Вам бежать надо. Они вас убьют.

Хорошие новости. Одна другой лучше. Значит, ему там уже расстрельную стенку приготовили. А тут еще и мальчишка им на голову свалился. Придут за ним, увидят пацана и грохнут дядю Мунлайта прямо на месте.

Да и по фигу, всколыхнулась усталая мысль. Зато все это закончится.

— Никуда я не побегу, — потрепал Мун парнишку. — Да и как отсюда сбежишь?

— Как все, через дверь, — серьезно сказал мальчишка. — У меня ключик есть.

— Егор вытащил из кармана залапанный, потемневший ключ и протянул на открытой ладони.

— Откуда взял? — насторожился седой.

— У Рыжика тиснул.

Мун перевел взгляд с мальчишки на бородатого.

— Ну чего, драпаем?

— Беги, конечно, — кивнул Снейк.

— А ты?

— Я останусь. Не бросать же мне его, — кивнул Змей на мальчонку.

— Ни хрена ни разу, — обозлился седой. — Дядя Снейк меня выпустит, сам останется, а потом придут другие дяди и вместо меня убьют дядю Снейка. Давай-ка я лучше тебя подсажу, и дуй отсюда, пока никто не заметил, что ты сюда лазаешь.

Он попытался подхватить Егора, но тот увернулся и посмотрел Муну прямо в глаза. Сталкер почувствовал, что не может отвернуться.

— Дядю Змея не убьют, — улыбнулся мальчишка. — У него все по-другому будет.

Егор смотрел ясно, глазенки лучились тепло, как весеннее солнце. И от этой ясности и уверенности Муну почему-то стало зябко.

— Давай, — пихнул в плечо Снейк.

— Что давать? А ты?

— Со мной ничего не будет, — уверенно сказал Снейк и тепло поглядел на Егора.

Мальчишка шмыгнул к двери и ковырял ключом в скважине. Замок поддался, дверь со скрипом приотворилась. Мун выматерился.

— Не ругайся при ребенке, — осадил Змей.

— Ничего, — вступился за седого мальчишка. — Mamka еще не так ругалась.

— Твоя мамка? — удивился Мун.

— Ага, — довольный собой поделился Егор. — Когда Рыжик ей предложение делать пришёл.

Снейк не сдержался и заржал. Мальчишка улыбнулся и повернулся к седому уже серьезный. Мун снова почувствовал, что его насаживает на детский взгляд, как рыбу на крючок. В ушах легко зазвенело.

— Бегите, дядя Мун, — попросил Егор с неподдельной искренностью. — Они вас убьют.

— А может, и правильно? — Мун глядел мальчишке в глаза. — Они же не просто так меня убить хотят. Значит, дрянной я человек.

Он ждал, что Егор отвернется, но тот смотрел прямо в душу, и в глазах была мольба, с какой иные его сверстники выклинают у родителей дорогую игрушку.

— Вы хороший, — уверенно сказал он. — Они просто не видят.

Парнишка не просто не отвел взгляда. Он смотрел так, словно и вправду видел Мунлайта насквозь. Словно сталкер был для него инструментом, который мальчишка умел настраивать. Звон в ушах прекратился. Седой потупился.

— А ты видишь? — пробормотал сердито.

Егор кивнул. Седой сплюнул. Даже если поверить маленькому телепату и знать, что со Снейком ничего не случится, а ему в самом деле угрожает смерть, даже если воспользоваться предложением и бежать, то куда он убежит ночью посреди Зоны безоружным.

Мальчишка словно прочитал мысли, а может, и в самом деле прочитал, деловито вытащил из-за пазухи пистолет. Протянул Муну.

— Вот.

— А это у тебя откуда? — нахмурился Снейк. — От Рыжика.

— Он тебе сам дал или опять телепатия? — заинтересовался Мун.

— Нет, — покачал головой Егор. — Это я просто спи...

— Что? — взвился бородатый.

— Стащил, — поправился мальчик и виновато уткнул взгляд в пол.

Мунлайт взвесил на ладони ПМ. Отщелкнул обойму. Полная. Вставил обратно. Снейк молча подошел, хлопнул по плечу, подтолкнул к двери.

— Давай дуй.

— А ты? — уже не так уверенно спросил Мун.

— Ничего со мной не будет, — заявил Снейк. — Слышь, чего телепат говорит? Ну! Или мне тебя силой выпихивать?

Мун попытался отвернуться, но наткнулся на детские глаза, которые буравили сильнее Снейковых. Снова зазвенело в ушах. Будто повинуюсь чужому влиянию, он вывалился в дверь.

Свежий воздух не привел в чувство. Сзади скрипнуло, хлопнуло. Завозился ключ в замке, запирая дверь, да так и остался торчать. Мун повернулся, отчего-то боясь смотреть в глаза Егору. Только заметил его силуэт краем глаза.

— Ключ, — вырвалось хрипло.

— Рыжик подумает, что в двери забыл, а про вас решит, что через крышу сбежали, — ответил мальчик.

И Мунлайт с удивительной ясностью понял, что так и будет.

— До свидания, дядя Мун, — сказал Егор тихо и, прежде чем седой успел что-то ответить, тенью растворился в темноте.

3

Тихо трещали доски от овощных ящиков. Мун сидел на бревне и пытался согреться.

Мысли путались. Как он поддался на провокацию и сбежал, оставив Снейка? Тогда все казалось верным и понятным. Сейчас возникали вопросы и сомнения. Деталей побега он практически не помнил. Самым ярким был открытый взгляд детских глаз. От этого воспоминания становилось еще холоднее и возникала мысль, что сбежал он все же не по своей воле.

Неужели мальчишка и на такое способен? Дети Зоны, мать её. Откуда чего берется? А Снейк-то, выходит, был прав. Жить можно везде. Причем не выживать. Выживают поначалу, а потом приспособливаются и просто живут. Всю жизнь. Считая то, что происходит вокруг, нормой.

И все равно страшно. Сейчас мальчишка такое вытворяет во благо. А завтра? Да и кто сказал, что благо то, что он считает благом?

Но как? Мысли снова поскакали галопом. Слишком много всего в последние дни случилось нестандартного. Даже для Зоны. И если прежде мозг все это сжирал в том темпе, который задавали обстоятельства, то сейчас, когда выдалась свободная минута, его начало клинить.

Мунлайт поёжился. Холодало, и костер не спасал.

Оставаться и прятаться где-то в деревне он не рискнул. Идти среди ночи с несчастным «Макаровым» через Зону было смерти подобно. Единственным местом, где можно было заночевать, пришедшее на ум, была землянка, в которой он впервые схлестнулся с ныне покойным лейтенантом.

Местечко было довольно близким, знакомым и идеальным по всем показателям. Кроме одного. В подвале было сыро. Каким-то образом туда натекло воды, сейчас она примерзла, и по всему периметру хрустела корка льда, под которой воды было по колено.

В тот момент его наконец отпустило невесть откуда взявшееся чувство эйфории, и он подумал о том, куда и зачем он бежит?

Ответов не было. В голове заварилась какая-то непотребная каша из слов, образов и обстоятельств. Разобраться в этом на первый взгляд казалось не реально, и, чтобы хоть что-то делать, он начал вытаскивать из землянки овощные ящики и разбирать их на запчасти.

Горка досок скопилась внушительная, на ночь в экономном режиме могло хватить, чтобы не замёрзнуть. Вот только с розжигом пришлось повозиться. Сырые ящики не желали гореть, и он еще основательно попотел, прежде чем над сырой древесиной заплясали языки пламени.

Странное дело, температура воздуха возле костра поднялась, а оставшемуся без дела Муну вдруг стало холодно. Холод был не снаружи, он полз изнутри.

Холод начинался там, где его прижал Васька Кабан, заставляя делать то, чего делать не стоило. Этот холодок помнило что-то внутри него.

А вот холод от странной аномалии помнила каждая клеточка его тела, и все эти клеточки будто вопили от страха, вспомнив тот холод. Помимо памяти от того лютого мороза остался холодок внутри, который возник, когда ему улыбнулся прозрачный двойник, возникший неведомым образом.

Холодом веяло от генерала с его дурацким заказом. И от Угрюмого, ставшего овощем. Глядя в глаза живого, но переставшего быть человеком сталкера, он чувствовал озноб, будто его в исподнем засунули в склеп.

И от теплого взгляда Егора его тоже бросало в озноб.

Мун подбросил пару дощечек, хотя этого не требовалось. Пламя поутихло, привыкая к сырым деревяшкам, оттаивая их, выгоняя из них промозглый сырой холодок.

Даже из деревяшки это можно выгнать. А из души человеческой?

Что-то произошло с ним. Что и когда? Ведь просто так, из ниоткуда, не берется такой холод внутри. Замерзают не сразу, а постепенно. Значит, что-то когда-то он начал делать не так. Раз за разом. А теперь все это скопилось и отягощает.

А он опять куда-то бежит. По новому кругу, с которого, казалось, уже много раз должен был сойти. И ведь знает же, что от себя бегать — последнее дело. От себя бессмысленно, от других противно. Тогда зачем бежать? Почему не остановиться?

Стоп, все это уже было. Очередная Снейкова философия. Шансы, остановки, самосозерцание для понимания своего места в мире.

Ему не остановиться. Ему не измениться. Но и не сбежать. И что остается? Может, правильнее было бы остаться и подождать, пока его пристрелят озверевшие от обиды парни Резаного? Может, лучше, как Угрюмый? Нет, не оwoщем по Зоне ходить. Но когда он закрывал мертвый глаз stalkера, в нем было облегчение. Вот облегчения им всем не хватает.

Этим молодым, детям Зоны, им легче. Они живут здесь. Те, что пришли сюда зелеными пацанами, или тот же Егор, который здесь вырос. Они не знают толком ничего другого. Для них это — жизнь. А для Муна, Резаного или того же Угрюмого Зона — точка на краю географии, куда можно сбежать. Сбежать от той, другой жизни.

Кто-то бежит сюда от неприспособленности к той жизни, кто-то от скуки, кто-то за острыми ощущениями, кто-то обогатиться. Все они разные, но вместе с тем одинаковые в одном — они беглецы. Они все бегут сюда. А человек всегда, в любой ситуации, в конечном итоге бежит только от себя. И этот бег бесконечен и бесперспективен.

Вот почему им нет здесь покоя. Им нигде покоя не будет. Хоть останавливайся и пересматривай свою жизнь с пеленок до сегодняшнего дня, хоть беги по кругу. Беглец останется беглецом.

А мальчишки Резаного, которые пришли сюда в щенячем возрасте и повзрослели в Зоне, никуда не бегут. Живут просто. И телепат Егорка не бежит. Зачем ему бежать? Здесь его дом. Плохой ли, хороший ли, но дом. А из дома не бегут, если там грязно, мыши или тараканы.

Мун съежился и попытался согреться, но попытка эта выглядела так же наивно, как и попытка убежать.

Как задремал, он не заметил. Во сне седому привиделось, что он спит. И пока он спал, потух костер. Сон был настолько реальным, что он проснулся с сильно бьющимся сердцем.

Наяву костер не погас. Потрескивал, несмотря на снова начавшийся снег, но от увиденного сердце зашлось еще сильнее. Напротив него сидел человек в поношенном плаще и подсовывал дощечки в костер, который и в самом деле уже почти потух. Вел себя незнакомец в плаще так, словно был у себя дома и дрова подкидывал в камин загородного особняка, стоящего за высоким забором и охраняемого бандой головорезов. Лица человека видно не было, его скрывал непомерно большой капюшон.

Страх холодом обжег все внутри. Рука рефлекторно дернулась за ПМом, но пистолета на месте не оказалось. От мысли, что кто-то смог подойти к нему спящему, а он не почувствовал ни приближения чужого, ни того, как дернули ствол, жутко становилось вдвойне.

Оценка ситуации, понимание текущего момента и прогнозы на будущее пронеслись в голове шквальным вихрем и вырвались наружу одним коротким русским словом.

— Не ругайся, — попросил человек.

Он даже чуть приподнял голову и, видимо, поглядел на Мунлайта. Только лица под капюшоном один черт разглядеть не удалось.

Седой замер, судорожно пытаясь сообразить, как себя вести. Незнакомец поворошил дощечки, чуть отстранился от костерка и уселся удобнее.

— Чуть костер не проспал, — заметил тихий голос из-под капюшона и добавил: — И если ты больше не хочешь в меня стрелять, я отдам тебе оружие.

— Да, — хрипло произнес Мун.

Вышло не очень понятно, но незнакомец понял.

— Хорошо.

Полы плаща разошлись в стороны, и показалась рука с пистолетом. Чуть качнулась, легко подкидывая оружие, и ПМ полетел к Муну. Тот поймал пистолет без напряжения, перехватил. На спрятавшегося под капюшоном поглядел с укоризной.

Гость выудил из кармана обойму, перебрал следом. Эмоций при этом не было никаких. Вернее сказать, они, наверное, были, но скрывались где-то там, в тени капюшона. Голос тоже звучал ровно, тихо и ничего не выражал, от чего возникало ощущение, что общается Мун чуть ли не с роботом.

С пистолетом в руке легче не стало. Сидящий напротив, отдавая оружие, будто расписывался в том, что уверен в собственной безопасности.

— Я у тебя погреюсь немножко и уйду, — не то спросил, не то сообщил незнакомец.

Мунлайт молча кивнул. Гость выставил руки к огню и зашевелил пальцами, будто перебирал невидимые струны.

Молчание затянулось. Незнакомец грел руки. Мун не отводил от мужика взгляда. Интересно, когда он свалит? Угрозы от незнакомца не чувствовалось. Да и хотел бы он убить или покалечить седого — мог бы сделать это раньше, пока тот спал. Во всяком случае, здравый смысл настаивал на такой позиции.

Но само появление незнакомца и то, как он себя повел, к здравому смыслу отношение имело малое.

Можно было бы порасспросить мужика, попытаться понять, кто он и как здесь оказался. Но, во-первых, лезть в душу, когда тебя об этом не просят, последнее дело. А в Зоне за подобные копания в потемках чужой души можно как минимум в нос схлопотать. А во-вторых, не хотелось Муну разговаривать с этим человеком. Не располагал он седого к беседе. Напротив, хотелось, чтобы незнакомец собрался уже и ушел. Не будет же он до утра здесь сидеть.

Мунлайт пожалел, что не имеет возможностей Егорки. Было бы полезно заглянуть сейчас в голову, спрятавшуюся под капюшоном.

Ночной гость убрал руки от огня, и седой с радостью подумал, что тот сейчас встанет и попрощается. Но у незнакомца были свои планы на этот счет. Капюшон чуть дрогнул, словно человек под ним приподнял голову.

— Ты о Хозяевах слышал? — голос звучал тихо и удивительно спокойно.

— О чем? — насторожился Мун.

— Хозяевах, — терпеливо повторил гость, не меняя интонации.

Очередной любитель сталкерских баек, не иначе, мелькнуло в голове.

— Хозяевах чего? — решил закосить под дурачка Мун. Капюшон снова чуть шевельнулся и застыл, словно человек в плаще пристально изучал Мунлайта. Будто соображал, в самом деле тот не понимает или шуткует?

— Всего, — наконец произнес незнакомец и для наглядности обвел рукой окружающий пейзаж.

— Если ты про сталкерские сказки о всемогущих Хозяевах Зоны, то слышал, конечно. Только не говори, что все это правда. Потому что если верить в эти рассказы...

— Все эти рассказы — туфта, — оборвал поток красноречия ночной гость. — Вернее, девяносто процентов того, о чем говорят, — чушь. Но это ведь везде так. Вот был один такой сталкер Лемур. Встретил он как-то в Зоне странного заказчика, и пошли они до Четвертого энергоблока.

Капюшон застыл. Мун подождал продолжения, но его не последовало, словно человек в плаще уснул или выключился.

— И? — поторопил седой.

— И все, — встрепнулся незнакомец. — Больше их никто не видел. Только языками чесали про Лемура все, кому не лень. А истории — они ж как снежный ком. В одном из последних вариантов, который мне довелось слышать, Лемур сплел кольчугу из «маминых бус», прошел в ней через всю Зону, выкосив по дороге человек пятьсот если не больше,

нашел в Четвертом энергоблоке пленных инопланетян, над которыми злобные сотрудники госбезопасности эксперименты ставили, спас их и вместе с ними и своим заказчиком, который тоже из инопланетян был, улетел на далекую планету. Дальше показания расходятся. Одни говорят, что они на Пандору улетели, другие — что на Тральфамадор, еще слышал про Паладос и Тау Кита. Ну, это зависит от того, какие фантастические сказки рассказчик в детстве читал, смотрел или слушал. Так что девяносто процентов того, что рассказывают, — ерунда. Но дыма без огня не бывает, потому остаются десять процентов правды.

— И в чем правда? — Мун зевнул, тихий монотонный голос собеседника действовал усыпляюще.

— Они есть, — чуть подался вперед незнакомец.

— Инопланетяне? — ухмыльнулся Мун.

— Нет, Хозяева.

От такого заявления Мунлайт крикнул и посмотрел на незнакомца по-новому. Либо этот мужик сумасшедший, пришла мысль, либо... Седой вдруг до зуда в пальцах почувствовал, что ему хочется сдернуть капюшон и посмотреть, кто под ним скрывается. Остановило только одно. Если б кто-нибудь позволил себе такое с самим Муном, это было бы последнее, что этот «кто-нибудь» сделал в своей жизни. И если он мог так отреагировать, значит, и в его сторону могла быть подобная реакция.

— И ты приперся сюда среди ночи, чтобы рассказать мне об этом? — фыркнул седой. — Наладонник есть? Открой календарь, там вроде не первое апреля.

— Не первое и не апрель. — В голосе впервые появился намек на недовольство. — И прекращай со мной шутить. У меня не так много времени, чтобы участвовать в балагане.

«А если правда? — подумалось вдруг. — А что, после мальчика, умеющего «смотреть, как слепые собачки» трудно чему-то удивляться».

Во всяком случае, это объяснило бы странное появление и не менее странное поведение ночного гостя.

Незнакомец затишье принял благосклонно и заговорил как и прежде, на одной ноте, тихим ровным голосом:

— Опустим подробности и перейдем к делу. О твоих вась-вась с военными Хозяевам известно. Равно как и о доли твоего участия в этой операции.

— И потому ты пришел, чтобы судить меня по закону гор? — расплылся в гнусной улыбке Мун.

— И о твоём разладе с военными Хозяевам тоже известно. — Незнакомец пропустил мимо ушей остроту.

— Биография без темных пятен, — поддел седой. — Обо мне, похоже, уже последняя слепая собака знает все от рождения и до...

— Заткнись, — просто попросил человек в плаще. Сказано это было так тихо, спокойно и весомо, что Мунлайт в самом деле прикусил язык.

— Так вот, — продолжил незнакомец. — Хозяевам нужна от тебя услуга.

— Что? — опешил седой.

— Хозяева, как и ты, не в восторге от генерала. Им не интересен ни он, ни его планы тотальной зачистки. Надеюсь, объяснять не надо.

Мун кивнул. Чего тут объяснять. Если они в самом деле Хозяева, то в их хозяйстве сторонние военные со своими порядками нужны как колорадский жук на картофельном поле.

— По некоторым причинам Хозяева не могут открыто выступить против военных сами. Потому им нужен человек, такой, как ты.

— Что? — задохнулся Мунлайт.

Кажется, он повторялся, но других слов не было.

— Хозяевам нужно, чтобы ты...

— Чтобы я что? — взорвался вдруг Мун. — Генералу от меня что-то нужно, Хозяевам от меня что-то нужно. Всем от меня что-то нужно. Они не могут выступить против генерала

и взвода ВДВ, засевших на Ахропроме, а я могу? Я что, супермен? И какого хрена никто не спросил, что мне нужно?

— А что тебе нужно? — спокойно поинтересовался незнакомец.

Мун осекся. Вопрос неожиданно поставил в тупик, сгоняя вспышку ярости.

— Никто не требует, чтобы ты один отвоевывал Агропром. Мы поможем. Но действовать будешь ты. Какие силы привлечешь — твое дело. Нам нужен результат.

Это «мы» и «нам» дернуло ухо. Выходит, перед ним сидит и вправду один из Хозяев Зоны? И какой результат им нужен? И какие силы он может привлечь, если Резаный, на которого он рассчитывал в первую очередь, сам готов его зарезать?

Мысли снова смешались в какую-то сумбурную кучу.

— Если я откажусь?

— Ты не откажешься. — Капюшон качнулся из стороны в сторону. — У тебя не будет такой возможности. Зато, если сумеешь убрать генерала, получишь ровно столько, сколько обещали тебе военные, и вдвое сверху. Потом можешь быть свободен от всего. Помощь мы тебе гарантируем.

— А людей мне где взять? Или людьми вы тоже поможете?

— У тебя ведь были прикидки на этот счет.

— Те прикидки хотят моей смерти, — усмехнулся невесело Мун. — А к тем, что посolidнее, я и соваться теперь боюсь.

Незнакомец запустил руку за пазуху и выудил оттуда что-то небольшое, уместившееся в кулаке. Без предупреждений кинул предмет Мунлайту. В воздухе над костром что-то сверкнуло. Седой поймал предмет на лету. Звякнуло.

Мун разжал пальцы. На ладони лежал старый, потерянный жетон с выбитым номером. От жетона вниз свешивалась средней длины металлическая цепочка.

— Если других аргументов не найдешь, отдашь это Резаному. Он переменит свое мнение.

— Резаный связан с Хозяевами Зоны? — Мунлайт почувствовал, как челюсть медленно отползает вниз, словно на нее действует не стандартное земное притяжение, а какое-то свое, раза в три помощнее.

— Нет, Резаный связан со мной. Старая история. Он тогда еще не был Резаным. И меня звали иначе.

В голосе незнакомца снова появились живые нотки. Мун поглядел на фигуру в плаще. Свет от костра должен был бы осветить хоть что-то под капюшоном, но человек поворачивался так, что лицо все равно оставалось в тени.

— Да кто ты такой? — спросил Мун, поймав себя на том, что голос звучит сипло.

Ночной гость колебался, словно размышляя, стоит раскрывать инкогнито или нет. Наконец решительно поднял руку и отдернул капюшон.

Призрака Оперы или еще какого квазимоды под ним не обнаружилось. Седой никогда не видел этого человека, но узнал. Иногда среди пьяной сталкерни и про него рассказывали всякие нелепицы. Поговаривали, что он не просто знает Зону, как свою ладонь, но ведаёт тайные тропы и такие пути, о которых не знает никто. Дескать, может появиться из ниоткуда и исчезнуть в никуда.

На вид ему можно было дать лет сорок. Лицо у мужика было простое. Не красивое, но чем-то неуловимо привлекательное. От него не хотелось отвернуться, скорее наоборот. Темные волосы были заплетены в мелкие косички, в которые, слухи не ввали, оказалась вплетена всяческая полезная мелочевка, какую обычно таскают, распахав по карманам.

— Меня зовут Картограф, — представился он. — Теперь удовлетворен?

Седой мотнул головой. Он отчего-то растерялся настолько, что не нашелся с ответом.

— Чудесно. Оплату получишь по факту выполнения работы. Не затягивай. Время работает против тебя. С людьми определишься сам, но идею твою поддерживают. Материальную помощь получишь завтра утром. Удачи.

Картограф поднялся на ноги, шагнул в сторону.

— погоди, — остановил Мун. — Можно вопрос?

— Один, — кивнул ночной гость.

— Почему я? Что, Хозяева другого сталкера на эту роль найти не могли?

— Ты сам это заварил, значит, знаешь нюансы. И потом, тебя отметила Зона.

В первый момент ему показалось, что ослышался. Все происходящее отдавало нереальностью, а это и вовсе звучало...

— Как это? — ошалело спросил Мун.

Картограф молча поднял правую руку с оттопыренными средним и указательным пальцами и коснулся ими волос.

В памяти всплыла неведомая аномалия, которая почему-то не убила, дикий холод, лишаящий всех чувств, прозрачный двойник...

Картограф подцепил пальцами капюшон. Господи, да он же сейчас уйдет. А он действительно знает. Не те побасенки, что треплют у костра. Он знает ответы на вопросы, которых за годы, проведенные в Зоне, скопилось не меньше, чем за всю предыдущую жизнь.

— Слушай, а Юрка Семецкий правда до Монолита дошел? Или свистят?

— Это уже два вопроса. — Картограф оттянул в сторону уголок рта в странной полуулыбке.

Он не ответил. Накинул капюшон, снова скрыв лицо. Бросил небрежно: «И за костром следы».

Мунлайт на автомате повернул голову, чтобы поглядеть на пламя, а когда повернулся через секунду, ночного гостя уже не было.

На снегу осталось лишь несколько следов, дальше они терялись, и ни намека на фигуру в плаще не было в зарядившей с новой силой метели.

Дыма без огня не бывает, припомнил Мун. Видимо, не всё, что рассказывали о Картографе, было байками.

4

Под утро он все-таки заснул. Останки овощных ящиков, заменявшие жившему здесь когда-то Кирию кровать и шкаф под консервы, закончились с рассветом. Снег перестал чуть раньше. Успокоился ветер. Вокруг стало как будто светлее. Белое ровное поле серебрилось в рассветных сумерках. Первый раз в этом году снег лег основательно. Может, конечно, еще и стает. Даже скорее всего. Но какое-то время полежит.

В этом предутреннем умиротворении, потеряв надобность следить за костром, седой почувствовал себя невероятно уставшим и снова отключился незаметно для себя.

Когда проснулся, было уже светло. На этот раз пробуждение обошлось без гостей, но не без сюрпризов. По ту сторону потухшего костра, на месте, где сидел вчера Картограф, высилась груда ящиков, крашенных в хаки, и несколько серебристых металлических контейнеров.

Мунлайт потерял глаза, но ящики не исчезли, из чего выходило, что и ночной разговор с посланником Хозяев не был сновидением.

Поднялся с трудом. Ноги затекли, спина болела, а распрямилась с хрустом. Мун размял затекшие мышцы и, переступив через кострище, подошел к ящикам. Пальцы подцепили запоры. Щелкнуло металлом. Он приподнял крышку и заглянул в ящик.

Лицо седого вытянулось. Очень удачно, что ночью он общался с Картографом тет-а-тет. И что сейчас был один. Увидел бы кто, в какой ступор и сколько раз за последние десять часов его вогнали, и имиджу беспечного клоуна настал бы конец.

— Moonlight and vodka, takes me away, — довольно промурлыкал он и отпустил крышку.

Ящик захлопнулся со звонким стуком. Посланник Хозяев не обманул. Помощь пришла утром и помощь была весьма и весьма серьезной.

А вот откуда она пришла, осталось загадкой. Все вокруг было покрыто ровной снежной пеленой, и никаких следов, кроме того, что он сам натоптал. Мистика.

Тем не менее настроение, чуть ли не впервые за многие дни, было боевым. Он знал, что делать.

От землянки Мун отчалил с легким сердцем. Ящики без присмотра оставил с чистой совестью. Почему-то возникла полная уверенность, что с ними ничего не случится. И он зашагал, бодро насвистывая.

Цель оказалась ясна, средства понятны, и пути достижения тоже просматривались довольно четко. И потом, сейчас появилось твердое понимание того, что он получит в конечном итоге.

Свободу. Свободу от всего. Начиная от собственной совести и заканчивая какими бы то ни было обязательствами. В первое он верил сам, второе обещали Хозяева.

Насвистывать, однако, он вскоре перестал. Впереди показалась деревенька Резаного, и привлечь к себе внимание прежде времени не хотелось. Кто знает этих резаных бойцов, как откроют пальбу не глядя. И придется тогда Хозяевам нового исполнителя искать.

Мунлайт гнусно ухмыльнулся собственным мыслям и вышел на тропинку, ведущую к деревушке.

Он не таился особо, пока не увидел часовых. Когда заметил, что один из двоих, охраняющих рубежи, светит ярко-рыжими вихрами, решил порезвиться. Этого часового он успел узнать как облупленного, потому знал, что пальбы не будет.

Подойти к посту незамеченным оказалось делом нехитрым. Рыжик демонстрировал собой воплощение наивной рассеянности, а его второй номер откровенно клевал носом.

Мун подошел сзади, остановился в паре шагов, направил пистолет в затылок подремывающего стоя второго номера и щелкнул предохранителем.

— Руки вверх, — ядовито сообщил седой.

Часовой мгновенно проснулся. Рыжик подскочил и развернулся со скоростью кота, которого застукали за пожиранием хозяйской сметаны.

— Здравсьте, на фиг, — весело разулыбился Мунлайт.

Парень, которому он направил ПМ в башку, застыл, как ледяная скульптура. Рыжик, напротив, подергивался, словно мозг пытался принять решение, а тело реагировало на внутренние терзания. Смотрел он тоже странно. Впечатление складывалось такое, будто в голове у Рыжика поселилось три образа сталкера Мунлайта. Один — который он помнил, второй — который возник под влиянием вчерашнего судилища, а третий стоял перед ним в натуральную величину, и все три были настолько разными и правдоподобными, что понять, какой из них настоящий, было выше Рыжиковых сил.

— Стрелять будешь? — проямлил он наконец.

Мун хохотнул. И без того хорошее настроение поднялось еще выше.

— Дурак, что ли? Я сдаваться пришел, — лукаво улыбнулся седой и опустил руку с пистолетом.

Второй номер шумно выдохнул, и в этом выдохе было столько облегчения, что Мунлайт снова развеселился. С лихостью героя вестерна он крутанул на пальце ПМ, резко перехватил его и протянул Рыжику рукояткой вперед.

— Ааа... — неуверенно протянул Рыжик.

— Ты меня разоружил, — подсказал Мун ехидно. — Теперь конвоируй к Резаному.

Рыжик стоял в нерешительности, разглядывая собственный пистолет и силясь понять, каким образом тот оказался у Мунлайта. Второй номер медленно повернулся. Оторопь отпустила, глаза стали бешеными.

— Сука! — рывкнул он неожиданно, кинулся к Муну и с размаху саданул в челюсть.

Седой отлетел в сторону. Из лопнувшей губы потекла кровь.

«Дошутился», — мелькнуло в голове.

Рассвирепевший парень хотел засветить ещё, но не успел. Его схватил сзади Рыжик, вывернул руки, оттащил в сторону.

— Это пленный, — бормотал веснушчатый. — Если мы его убьём, Резаный не одобрит. Отведем его к Резаному.

Второй извивался, но вырваться не мог. Мун наклонился, зачерпнул в ладонь горсть снега и провел холодным мокрым по лицу. Кажется, с последней шуткой малость переборщил.

Застать Резаного врасплох он не ожидал. Так получилось само собой. Видимо, глава группировки не спал всю ночь и завалился только под утро. Так или иначе, Рыжика с напарником и Муна с наглой подбитой рожей он встретил полуодетым, с отпечатком на щеке и красными маленькими кроличьими глазками. Вздремнуть он, видимо, все же успел, но только самую малость.

Резаный давил зевки и поминутно чесал шрам на щеке. Гостей он явно не ждал, а от появления беглого седого, которого полагал больше никогда не увидеть, сделался мрачным и злым.

— Рыжик, ты где его прятал?

— Мы его это... — Рыжий парень запнулся, не зная, как объясниться, пытаюсь сообразить, что лучше: сказать правду или опустить некоторые подробности.

Резаный смотрел испытующе.

— Задержали его, в общем, — выдавил наконец Рыжик, не решившись рассказать о том, каким образом они «задержали» седого. О том, что у Муна был изъят его, Рыжика, ПМ, он и вовсе не стал распространяться.

— Хорошо, — мрачно кивнул Резаный.

Вид он имел такой, что ежу было понятно: ничего хорошего глава группировки в сложившейся ситуации не находит.

— Подождите за дверью, — велел рыжему.

Тот поспешно вышел, вытолкав своего напарника и оставляя главного с седым. Резаный притворил дверь и вернулся к Мунлайту. Сталкер сидел за столом, куда его усадили, предварительно обыскав и велел держать руки на столешнице.

Как ни странно, оружия при нем не нашлось. За стол он уселся послушно, руки выложил перед собой не споря. Сидел спокойный и благодушный, с ехидной, хоть и малость припухшей на одну сторону ухмылкой на лице, чем раздражал Резаного немислимо.

— Зачем пришел? — грубо спросил глава группировки. Пальцы его нервно метнулись к шраму. Коснувшись щеки, Резаный задержал руку, будто вспомнил о чем-то, и поспешно убрал её. Выглядело это так, словно он на нервах вытянул сигарету из пачки, а потом вспомнил, что бросил курить, и устыдился своего порыва. От Муна эта нервозность не укрылась, и он разулыбился пуще прежнего.

— Зачем приперся? — повторил Резаный, не дождавшись ответа. — Я же тебя убью.

— Не-а, — вальяжно мотнул головой Мун. — Убивалка не отросла.

От этого Резаный взбеленился еще больше. Седой заметил в его глазах яростное желание если не убить, то очень сильно стукнуть. В руке лидера группы возник пистолет, и Мунлайт почувствовал холод оружейного дула у себя на лбу прежде, чем успел разглядеть, из чего его собираются застрелить.

— Назови хоть одну причину, по которой я не должен сейчас выстрелить.

— Насколько я понимаю, — ядовито поведал Мун, — твои парни сильно обидятся, если ты подаришь мне сейчас быструю смерть.

— Шутник, — фыркнул Резаный и убрал пистолет. — Тут я в тебе не сомневался. Говори.

— Почему ты решил, что мне есть что сказать?

— Потому что просто так ты сюда не вернулся бы. Ты не дурак.

— Спасибо, — кивнул Мун.

— Спасибо не булькает, — проворчал Резаный. — В то, что тебя Рыжик поймал, я тоже слабо верю. Я знаю тебя и знаю Рыжика. У него шансов не было даже против тебя безоружного.

— Нет, отчего же, — вступился Мун. — Удар у него хорошо поставлен.

— Значит, ты сам пришел и сдался. На террориста ты не похож, да и бомбы при тебе не нашли. Получается, что ты принес мне что-то взрывоопасное на словах. Иначе твое появление здесь можно приравнять к самоубийству.

Мун осторожно оторвал ладони от столешницы и нарочито медленно хлопнул пару раз, одобряя дедукцию Резаного. Тот не отреагировал. По-прежнему сидел мрачнее тучи и испытующе смотрел на Мунлайта.

— Я пришел к тебе с предложением о сотрудничестве.

— Я на военных не работаю, — отрубил Резаный.

— Выходит, плохо слухи по Зоне ходят, — огорчился седой. — Я на них тоже не работаю. Мы со Снейком к тебе шли, чтобы вместе поработать против них.

Резаный залихватски кхекнул.

— Продажная ты шкура. Платят за убийство сталкеров — под военных прогибаешься. Заплатят за убийство военных... Только я ведь не заплачу.

— Я переживу как-нибудь, — хищно оскалился Мунлайт и добавил с расстановкой: — И давай договоримся. Я никого за деньги не убивал. И ни под кого не прогибался. Военных консультировал, был грешок. Но только консультировал. В их планы меня не посвящали. Сейчас хочу исправить ошибку. Потому пришел к тебе. Не за помощью и не для того, чтобы предлагать помощь.

— Зачем тогда?

— За сотрудничеством. Нам сейчас гавкаться не надо. Надо вояк с Агропрома вышибить. У меня есть мысли и средства, кроме того, я консультировал армейских, и никто лучше меня не знает их слабых мест. У тебя есть люди. Предлагаю сотрудничество. Очистим Агропром, потом, если захочешь, сможешь меня убить.

Резаный насупился, став похожим на здоровенную продрогшую ворону.

— Людей у меня — кот наплакал, — сердито сказал он. — А тебя убить, если захочу, я и сейчас могу.

— Не можешь, — весело бросил Мунлайт.

Лидер группировки поглядел на седого так, что, казалось, пристрелит глазами. Мун испепеляющего взгляда не заметил. Молча запустил руку за пазуху и выудил оттуда жетон на цепочке. Протянул Резаному.

Тот принял металлический прямоугольник с округленными концами, глянул на цифры, выбитые на металле. Жетон заплесал в пальцах. Губы Резаного задрожали, а лицо растеряло всю серьезность.

— Откуда это у тебя?

— Один человек просил тебе передать. Он очень расстроится, если мы с тобой не договоримся о сотрудничестве.

— Нету у меня людей, — подавленно произнес Резаный, словно оправдывался.

— Сколько ни есть, все сгодится. Попросим помощи у «Свободы».

— Попросим, — проворчал Резаный, окончательно сдавшись. — А своим я что скажу? Как объясню, что ты опять не враг?

— А вот это уже твоя забота, — ухмыльнулся Мунлайт. — Вот этим и займись. А мне Снейка выпусти и людей отряди. Надо коробочки перетаскать с полезными девайсами.

— Разберемся с коробочками, — задумчиво проговорил Резаный. — А Змей твой в соседней комнате дрыхнет. Единственное, что его наручником к койке пристегнули. От греха подальше. А что за коробочки?

«Коробочки» таскали ввосьмером. Причем тащить пришлось в два захода. Мун вернулся с первой партией коробок, с присущим ему обаянием и наглостью заявил, что не дело великому стратегу грузчиком подрабатывать. После чего знающие дорогу парни Резаного отправились за второй частью ящиков.

Седой остался с Резаным и Снейком. Глава группировки был хмур. Объяснять, почему предателя не надо вешать за причинное место на соседней березе, тем, с кем вместе еще вчера готовился пустить Муну кровь, получалось плохо и долго. Переубедить своих ребят он

смог, но нервы это объяснение Резаному попортило. Снейк тоже особенно хорошим настроением не отличался. Все больше молчал и бурчал. Зато Мунлайту было неожиданно легко и весело сегодня.

— Ну хвастайся, — кивнул Резаный на оцинкованные контейнеры и крашенные в хаки ящики, когда за недовольными носильщиками закрылась дверь.

Мун подмигнул бородатому приятелю и, щелкнув запорами, распахнул ближайший контейнер.

— Вуаля!

Резаный подошел к контейнеру, небрежно заглянул внутрь. Седой, уже знавший, что под крышкой, сидел с ехидной физиономией и наслаждался моментом. Деланное безразличие слетело с главаря группировки, как с белых яблонов цвет. Лицо вытянулось настолько, что шрам на щеке выпрямился в линию.

Глаза его хищно заблестели. Во взгляде появился тот азарт, какой Мун наблюдал на этом лице, когда больше месяца назад стрелял по консервной банке. Такой блеск появляется в глазах мальчишки, неожиданно получившего дорожный спортивный велосипед в подарок.

Снейк приблизился, глянул с интересом.

— Это экзоскелет? — выдохнул Резаный. — Фантастика!

— Никакой фантастики, — с видом знатока сказал Снейк. — Все сверхновые разработки — «сверхновые» только на словах.

— Ага, — усмехнулся Мунлайт. — На самом деле прототип экзоскелета разработал в семнадцатом веке Рене Декарт. А идея принадлежала Леонардо да Винчи. Он тот экзоскелет во сне увидел и нарисовал вместе с парашютом и вертолетом.

— Адепт хаоса, — отмахнулся Снейк. — Но ты не так далёк от истины. Всего на триста лет ошибся. Впервые заказ на изготовление экзоскелета для нужд армии США появился на бумаге в шестьдесят третьем году. Тогда же, в шестидесятые, компания «Дженерал электрик» разработала свой «Хардиман».

— Это чего, экзоскелеты с середины прошлого века существуют? — заинтересовался Резаный.

Снейк слегка замялся.

— Ну, не совсем так. Та конструкция полторы тысячи фунтов весила. Это, если пересчитать, килограмм шестьсот восемьдесят, если не больше. Так что игрушка вышла неэффективной. Потом над этой темой работали уже в восьмидесятые. В начале двухтысячных японцы заявили, что у них имеется прототип экзоскелета. Конструкция называлась «Халк». Неужели не слышали?

Бородатый посмотрел на Резаного. Тот сидел с такой миной на физиономии, что ясно было даже блаженному — он в самом деле не слышал.

— Темнота. — Снейк, кажется, даже стал чуть больше в размерах, как тетерев на току. — «Халк» — простой аппаратик. В основе две ноги из титанового сплава. Гидравлическая система вместо мышц и литий-ионные аккумуляторы в качестве источника энергии. Внутри компьютер, который считывает нервные импульсы от мозга к конечностям. Японцы не без основания гордились тем, что экзоскелет реагировал на импульсы мозга быстрее, чем настоящие конечности. В десятом году создатели обещали полевые испытания «Халка» и последующий запуск в серийное производство. Обещали, что с этой штукой человек будет поднимать вес в десять раз больше того, что может поднять без нее. Что батареек будет хватать на пять часов автономной работы. Что за эти пять часов человек в «Халке» сможет покрыть километров двадцать. А еще, что конструкция будет весить двадцать три килограмма и продаваться за четыре с небольшим штуки баксов.

Снейк горестно вздохнул своим воспоминаниям.

— И чего? — подбодрил Резаный, которого разбирал интерес.

— Да ничего, все как обычно. «Халки» вышли не в десятом, а в одиннадцатом. Весили больше, стоили дороже. Батарейки тоже вышли не фонтан. Правда, интерес к ним все равно был, деньги в проект потекли, и «Халка» быстро доработали. А потом пошла вторая серия, третья, новое поколение. Такие технологии быстро развиваются. Только распространение у

них пока не очень-то широкое. Потому и кажется чем-то запредельным. А в Зоне и вовсе фантастикой. Откуда бы им здесь взяться в свободном доступе да в большом количестве?

Снейк посмотрел на Муна, словно последний вопрос был не в воздух, а обращался к нему. Седой сделал вид, что не понял этого, любопытствовал невинно:

— А ты-то откуда все это знаешь?

— Интересовался, — туманно ответил бородатый. — Ты лучше скажи, откуда у тебя эти игрушки?

— От верблюда.

— И все-таки? — поддержал Снейка Резаный.

— Вот пристали, — усмехнулся Мунлайт.

Он состроил серьезную рожу и заговорил на одной ноте, подражая Картографу:

— Вы о Хозяевах слышали?

— Ну и хрен с тобой, — надулся Снейк. — Не хочешь, не говори. Тоже мне тайна мадридского двора.

Резаный покачал головой.

— Нет, Змей, он это серьезно. И потом, какая разница откуда? Главное, что они у нас есть.

— Ты губы-то не раскатывай, — охладил радость главы группировки Мунлайт. — Экзоскелетов там всего несколько штук. Остальное — защита. Правда, тоже неплохая.

Резаный отмахнулся и принялся, как ребенок новую игрушку, изучать содержимое ящиков. Снейк подошел к седому ближе.

— Ты чего, с Хозяевами якшаешься?

— Так получилось, — пожал плечами Мун. — Я тебе потом ещё много чего расскажу про эту ночь.

— Ты расскажешь. Сказки тысячи и одной ночи, — хохотнул Снейк. — А чего ж твои Хозяева броню прислали? Подарили бы пару ящиков «маминых бус», никакая броня не нужна. Обвешались бы все, как Рэмбы, и вперед, голыми руками военным глотки рвать.

Мун пожал плечами:

— Дареному ишаку под хвост не заглядывают.

Резаный, вынырнувший из оцинкованного ящика, собирался было спросить что-то ещё, но не успел. Дверь распахнулась, и крепкие парни стали, пыхтя и сопя, затаскивать в комнату новые ящики.

5

До вечера Мунлайт со Снейком просидели у Резаного. Хоть разговоры про продажных сталкеров и поутихли, попробовал бы кто-нибудь из парней Резаного после веского слова своего гуру сказать что-то против, а смотрели на них все равно косо. Особенно на Муна. Если бородатый, по слухам, был не причастен, а только рядом стоял, то Мунлайт на военных поработать успел на славу.

Вчера об этом кричали, сегодня молчали. Но осадок остался. Когда уже в сумерках седой вышел пройтись, подышать немного, он чувствовал это в каждом брошенном в его сторону взгляде.

Ощущение было не самым приятным. Он запустил руку в карман, выудил почти пустой коробок и зажевал спичку, чего не делал уже очень давно. На место утреннего радостного возбуждения пришла усталость, и оставалось только надеяться, что к утру все пройдет.

К Резаному он вернулся уже в темноте. В дверях столкнулся с Айболитом. Доктор ничуть не изменился, однако седой ёжик теперь был не только на голове, но и на подбородке. Зачем понадобилась Айболиту эта колючая трехнедельная поросль, седой спрашивать не стал.

— Приветствую, — деловито поздоровался эскулап.

В голосе его не было особой теплоты, но по крайней мере он был первым, кто вообще решился заговорить с Мунлайтом.

— Здравсьте, на фиг, — отозвался тот, дергая дверь и пропуская Айболита вперед. Тот замешкался, но решился все же повернуться к седому спиной и вошел внутрь.

— А ты, говорят, отличился, — бросил он на ходу, не оборачиваясь.

— Говорят, — согласился Мун.

В комнату к Резаному они вошли вдвоем. Друг на друга посмотрели по-новому, с интересом. Судя по выражению лица, доктор собирался посекретничать с Резаным и не совсем понимал, чего здесь делает седой.

Мунлайту на это было плевать с высоты птичьего полета, а вот зачем приперся Айболит и что такое он собирался рассказать, вот это было любопытно.

Ситуация разрешилась быстро. Резаный смерил обоих взглядом, почесал шрам и кивнул:

— Садитесь, чего застыли?

Мунлайт садиться не стал. Насиделся за день досыта, потому прислонился к стеночке. Айболит, продолжая коситься на седого, присел к столу.

— Говори при нем, — разрешил Резаный, видя сомнения доктора. — Можно.

— Они согласны встретиться, — коротко и тихо отчитался эскулап. — Завтра. Утром.

— Где?

— Хотели у них. Я пригласил к нам. В результате сошлись на нейтральной территории. На той поляне, ну ты знаешь.

Мунлайт следил за разговором с нескрываемой иронией.

В своих потугах говорить непонятно доктор был смешон. Подтекст был прозрачен. Потому с вопросом к Резаному он пристал скорее для проформы.

— О ком речь?

— Айболит ходил к «свободовцам», — пояснил Резаный, подтверждая правильность мысли. — Я его утром отправлял на переговоры. Договорились. Завтра у тебя будет возможность проявить красноречие по делу и убедить этих псевдоанархистов в том, что они должны нам помочь. Иначе вся затея бессмысленна.

Мун кивнул.

— Это я понял. А чего раньше не сказал? Какого ляха надо было эскулапа втихаря посылать? Не доверяешь?

Седой говорил вроде бы серьезно, но едкая ухмылка с его рожи не сползала. Как реагировать на это, Резаный не знал, потому решил никак не реагировать.

— Во сколько встреча? — вновь повернулся он к Айболиту.

— В девять.

— Слышал? — глянул он на Муна. — Готовься.

— А чего готовиться? Чай не первоклассник перед первым сентября. Выспаться бы.

Резаный поглядел с тоской, как человек, который мечтает выспаться уже много лет и понимает, что мечта неосуществима.

— Заночуете у меня. Так будет спокойнее для всех.

— Хорошо, — кивнул Мунлайт и направился к двери.

— Ты куда? — нагнал голос Резаного.

— Пойду Снейка поищу. — И добавил елейно: — Так будет лучше для всех.

Искать бородатого пришлось недолго. Он обнаружился за домом. Сидел на бревне. С лица Снейка ушли напряжение, усталость и злость. Он посветлел, а глаза так просто лучились. Рядом устроился Егор. Мальчишка увлеченно слушал, а Змей столь же увлеченно что-то втирал. Муна они не видели. Да и вряд ли кого-нибудь увидели бы сейчас. Как было сказано когда-то в какой-то дурацкой рекламе: «Пусть весь мир подождет». Это в полной мере относилось сейчас к бородатому, похожему на викинга сталкеру и мальчишке, умеющему видеть, как слепая собака.

Им обоим было плевать на весь мир и все, что в нем происходит.

Мунлайт отошел за угол, не рискнув подходить ближе. Сунуться к ним сейчас казалось чем-то кощунственным. Примерно как зайти в кедах и плавках в церковь, с той лишь разницей, что вломиться в храм в таком виде Муна, пожалуй, не сильно напрягло бы. А тут...

Он вдруг с удивительной ясностью понял, что Снейку больше не надо никуда уходить. Не надо останавливаться, чтобы что-то переосмыслить. Он уже нащупал что-то, переоценил. Пусть даже сам пока этого и не понял.

Что-то он говорил там про то, что жить можно где угодно. Человеку не нужны запредельные богатства. Не нужны тайны мироздания. Не нужен мир во всем мире и счастье для всех, тем более что оно невозможно. Человеку нужен человек. И только. Человек близкий, родной, настроенный на ту же волну. Тогда достигается свое личное счастье. И в этом своем личном человек становится великодушен и способен сделать мир вокруг себя немного лучше.

Мысли вертелись в голове вроде бы простые, но странные. Ему вдруг показалось, что что-то складывается. Что он сам на пороге какого-то понимания. Нужно только добавить еще несколько кусочков и мозаика сложится в целостную картину.

Сзади проскрипели тяжелые ботинки по снегу. Мун обернулся, теряя мысль. В нескольких шагах от него топтался Рыжик.

Седой вздохнул, кинул прощальный взгляд на сталкера с мальчишкой, существующих в каком-то своем мире, и пошел навстречу рыжему.

— Чего тебе надобно, Рыжик? — ухмыльнулся он.

— Поговорить, — тихо сказал тот. — Только серьезно.

Что за манера у всех пошла говорить со мной серьезно?

— Я серьезно не умею. Клоун я.

Рыжик поглядел осуждающе, но ничего такого не сказал. Попросил только:

— Ответь на один вопрос, а? Только честно. Пожалуйста. Мне это очень важно.

Мунлайт поглядел на веснушчатого парня. Тот, судя по виду, тоже пытался приблизиться к какому-то своему мирозданческому пониманию.

Вот так вот всю жизнь что-то хотим понять, переосмыслить, пытаемся осознать, а умираем такими же дураками, какими родились. Только постарше и похуже. С массой вредных привычек, усталого раздражения, занудства и скопившегося ненужного знания, которым обязательно надо поделиться с теми, кому оно так же на фиг не нужно, как и тебе.

— Валяй. Спрашивай.

— Ты знаешь, — смутился Рыжик. — Вчера тут все считали тебя предателем и дрянным человеком. Сегодня Резаный все объяснил, оправдал тебя. А после тех ящиков ты почти герой...

— Вопрос-то в чем? — ухмыльнулся Мун.

— А ты сам как думаешь, хороший ты человек или так себе? Предал или нет?

Рыжик поднял на седого глаза, посмотрел требовательно. Ему почему-то это было в самом деле важно. Что у него сейчас выстраивалось в голове? Отношение к Мунлайту? Или какая-то жизненная позиция?

Одно было ясно, отшутиться не получится.

— Все не так просто, — без улыбки начал Мунлайт. — Предатель, не предатель — это максимализм. В жизни редко что-то бывает однозначно плохо или однозначно хорошо. Помнишь ту охоту на кабана? Это было хорошо или плохо?

— То кабан, а то люди, — пробормотал Рыжик.

— А в чем разница? Где та граница, до которой лишать живое существо жизни можно, а за которой уже нельзя? И кто эту границу устанавливает? Тогда с кабаном, помнишь, это была работа. Она мне не нравилась, но у меня не было выхода. Были обстоятельства, которые вынуждали меня делать эту работу. Так же и здесь. Мне заказали работу, от которой я не мог отказаться.

Мун замолчал, не зная, что прибавить.

— Из-за денег? — едва слышно спросил Рыжик.

— Что?

— Не мог отказаться, потому что за это платили?

«Не понял», — расстроенно подумал Мунлайт. Ничего не понял. Продолжает красить мир в черные и белые полосы. И подгоняет всё под них. Если из-за денег, значит — предатель. Значит, чёрненький. Если не из-за денег, то тут под схему не попадает, потому как уже не чёрненький, но и не беленький. Выходит, Рыжику нужно услышать сейчас про деньги, тогда Мун станет говнюком, впишется в картину мироздания, и все будет хорошо.

— Да при чем тут деньги, — обречённо сказал он, не щадя чужое мироздание.

Рыжик посмотрел долгим, выжидающим взглядом. Потом вдруг улыбнулся и посветлел лицом.

— Спасибо, — сказал искренне. Развернулся и пошел прочь.

6

— Хорошее ты место назначит для встречи, добрый доктор. — Мунлайт ядовито улыбался и гонял спичку из одного уголка губ в другой.

— Откуда я знал? — проворчал Айболит и почесал седую щетину на подбородке. — И потом, это они предложили. Они сказали: «Давайте к нам», я сказал: «Нет, вы к нам». Они предложили здесь. Я согласился.

— Вот это ты им будешь объяснять, когда они сюда придут, увидят этот полный... Рыжик, закрой уши.

— Вот еще, — фыркнул Рыжик.

— Увидят этот полный ахтунг, — продолжал Мунлайт, — и подумают, что ты их в это специально завел. А еще смешнее, если они тебя сюда специально пригласили.

— Не думаю, — вклинился Резаный. — Это дежурное место, мы тут не в первый раз встречи устраиваем. Просто так совпало.

— Совпало, — кивнул Мунлайт. — До ближайшего выброса как минимум.

Он отвернулся от попутчиков и посмотрел на поляну. Вернее сказать, на поле. То, что Айболит окрестил поляной, растянулось на несколько гектаров. Впрочем, и Резаный еще утром обзывал эти гектары тем же словом. Видимо, местное название.

К поляне они выдвинулись совсем рано. Резаный растолкал ни свет ни заря и сообщил, что любит приходить загодя, особенно если встреча с архаровцами из «Свободы». Мун спросонья чуть не послал его по маме, но в последний момент сдержался, ограничившись лишь подначкой, что пунктуальность нужна в общении с «Долгом». Резаный воспринял всерьёз, и Мунлайту пришлось продирать глаза под лекцию на тему того, что в общении с «Долгом» важна четкость, а в общении со «Свободой» — предусмотрительность. А пунктуальность вообще фигня и хороша только с девочками за кордоном.

Вышли впятером. Резаный пошел как лидер группы. Айболит — как договаривавшаяся о встрече сторона. Рыжика Резаный взял, скорее, в качестве телохранителя. А Снейка прихватил Мунлайт, большей частью для того, чтобы было веселее.

Веселее не получилось. Бородатый промолчал всю дорогу. Зато «птичьи карусели» на поляне он заметил первым. Теперь они сидели на краю поля и высматривали новые сюрпризы.

— Вон еще одна, — указал Снейк куда-то в сторону.

Мунлайт проследил направление. Всматриваться пришлось долго, но там и в самом деле обнаружился крохотный, почти не приметный на сыром снегу вихрик.

— Девятая, — мрачно улыбнулся Мунлайт.

— А там, где аномалии, разве снег не должен таять или как-то ложиться не так? — поинтересовался молчавший до того Рыжик.

Мун, страдающий не то от скуки, не то от недосыпа, не то от всего сразу, уцепился за эту фразу, как тонущий за спасательный круг.

— Кто тебе еще чего задолжал? Ты пойді снегу расскажи, что он тебе должен. А еще лучше аномалиям. Вот они посмеются.

— Тихо вы, — сердито рыкнул Резаный.

Рыжик, зашуганный со всех сторон, обиженно засопел. Мун мгновенно притих и прислушался. Вдалеке послышалось тарахтение мотора. Глухое и неровное.

— Машина? — приподнял бровь Мунлайт.

— А что тебя удивляет?

— Не пойму, что за тарантас с таким звуком...

Урчание помаленьку нарастало, покуда не переросло в откровенный рев, а следом появился и сам автомобиль. Выкатился на той стороне поля из-за деревьев и притормозил.

— УАЗ «Хантер», — поделился знанием автопрома Рыжик.

— «Хантер», — передразнил Мунлайт. — Вот молодежь, ничего святого! «Козел» это, а не «Хантер».

Распахнулась дверца. Из «уазика» выпрыгнул крепкий мужичок и огляделся.

— Тоже мне пенсионер выискался, — тихо отыгрался за все подначки в свой адрес Айболит. — «Козел» — это «газик» шестьдесят девятый.

— Козлы — это вы, — процедил сквозь зубы Резаный. — Нашли время. Вы еще подеритесь.

Крепыш залез обратно в машину, и УАЗ ринулся вперед через поле.

— Едрить-колотить, — вырвалось у Снейка, до последнего сохранявшего спокойствие.

Мунлайт высказываться не стал, хотя мысль разделял. Переть напрямки через поле, утыканное «птичьими каруселями», выглядело, мягко говоря, не самой удачной идеей. А аномалий здесь было понатыкано столько, будто их кто-то специально культивировал. Совместными усилиями успели с десятка насчитать. Но это издали и навскидку, а если выйти на поле, то наверняка и еще найдутся. И чтобы их обойти, придется крепко попотеть.

«Свободовцы» не вышли, они выехали. Самоубийцы.

— Слышь, Айболит, — позвал седой. — Готовься новую встречу назначать. Сдается мне, мы сегодня ни с кем не встретимся.

«Уазик» тем временем ехал через поле, закладывая лихие виражи, кувыряясь и виляя, как обдолбавшийся колобок.

Кузов цвета хаки мелькнул между двух небольших вихриков. Та аномалия, что была слева от машины, недовольно качнулась, готовая нащупать раздражитель, втянуть в себя, разрастаясь. Но соприкоснувшись с пустотой, вроде бы успокоилась, затаилась на время.

— Вляпается, — произнес Снейк задумчиво. — К гадалке не ходи.

«Уазик» заложил очередную петлю, кузов мотнуло, понесло было, но водитель справился с заносом.

— Или увязнет где-нибудь посередине, — выдал свою версию развития событий Айболит.

— Кликуши, — буркнул Резаный.

УАЗ снова мотнуло. На этот раз сильно и неудачно. Задницу свезло в сторону, и колесо задело краешек вихрика «птичьей карусели». Аномалия начала раскручиваться, раздуваясь и увеличиваясь в размерах.

Машина взревела и дернула вперед по прямой, беря разгон и вырываясь из аномалии.

— Самоубийцы, — неодобрительно покачал головой Айболит.

— Отморозки, — не согласился Снейк.

УАЗ чуть не влетел в еще одну аномалию, резко вывернул вправо, уходя от очередного столкновения, вильнул еще пару раз и остановился, крутанув на девяносто градусов задницей и подняв волну снежных брызг. Машина застыла метрах в двадцати. Дверцы распахнулись, и из УАЗа один за другим выскочили четыре крепыша.

Впрочем, массивность фигур при ближайшем рассмотрении объяснялась не накачанностью мышц, а массивными навороченными защитными костюмами. Первые трое были с тривиальными «калашами». Последний, оставшийся у машины, держал в руках «энфилд».

Мунлайт поежился.

— Хорошо подготовились ребята.

— Заглохни, я тебя прошу, — диким шепотом рыкнул Резаный.

Седой спорить не стал, не тот случай. Главарь группировки вышел навстречу «свободовцам» с пустыми руками. Наверное, и правильно. Зачем накалять? Хотя недоанархисты сами провоцируют.

Мунлайт вздохнул. Закон Зоны все равно, что закон джунглей. Кто сильнее, тот правила и диктует. Резаный и мог бы гордость проявить, да какой толк? Группа Резаного — крохотная группировка, не имеющая никакого влияния. А «Свобода» — это не хухры-мухры. Фактически один из тех китов, на которых здесь все держится.

Так что обидит кто-то из «Свободы» группу Резаного — и Резаный утрется. А если не утрется и обидит кто из группы Резаного кого-то из «Свободы», пусть даже в ответ, и всё. На другой день группа Резаного существовать перестанет.

— Приветствую, — вскинул руку Резаный, поравнявшись с идущими навстречу.

Крепыш, что шел впереди, благосклонно кивнул. Резаный развернулся на сто восемьдесят и неторопливо пошел обратно в сопровождении «свободовцев».

— Чего хотел, сосед? — покровительственным тоном поинтересовался крепыш.

— Есть общее дело. Про Агропром слышали?

— Слухами Зона полнится, — кивнул «свободовец». — А ты что-то знаешь?

Резаный помедлил. Почесал шрам.

— Нехорошая там ситуация вышла, сосед, — заговорил наконец. — Армейские там обосновались крепко.

— Слышал, что какая-то гнида их туда прописала, — кивнул «свободовец».

Они добрались до оставшихся ждать сталкеров и притормозили. Приветствий не было, ограничились вежливыми кивками.

— И есть информация, что на этом армейские не остановятся, — закончил мысль Резаный.

— А нам что за беда? Ну, полезут они дальше. Там «Долг». Без нас разберутся.

— Или не разберутся, — осторожно предположил Резаный.

— А планы у них далекоидущие, — вклинился Мунлайт. Крепыш посмотрел на него так, словно заговорил лежащий рядом сугроб.

— Резаный, это кто? — спросил крепыш неприятным голосом. — Рамсы попутал?

Резаный зло стиснул челюсти, вздулись желваки. Некрасиво выгнулся шрам на щеке.

— Там взвод десанта, — взвился вдруг Рыжик, голос его зазвенел высоко и яростно. — А будет больше. Если захотят, сметут и «Долг», и нас, и вас.

Крепыш небрежно усмехнулся.

— А вы предлагаете с военными воевать? Думаете, они вам за вооруженное сопротивление премию выпишут? Они, скорее, всех нас похоронят, если мы туда сейчас полезем. А так, может, обойдётся.

— Не обойдётся, — спокойно произнес Резаный. Но посмотрел не на «свободовца», а на Мунлайта с Рыжиком. И если бы взглядом можно было жечь, то на месте седого и рыжего сейчас лежали бы две горстки пепла.

— Не обойдётся, — подтвердил Мун. — Только если разобраться с этими сейчас, то продолжения может и не быть.

— Операция с Агропромом проходила неаккуратно, — продолжил ледяным тоном Резаный. — Есть подозрение, что пока все это неофициальная самодеятельность. Если её тихо похоронить, то ничего не будет. А если позволить ситуации развиваться, то...

— Ша, — отрезал крепыш. — Это я все понял, сосед. Вопрос имею. А откуда вы все это в таких подробностях знаете?

Резаный замялся. «Свободовец» едва заметно качнул головой. За его спиной двое, как по команде вскинули «калаханы».

— Отвечаешь быстро и по делу, сосед, — ласково проговорил крепыш. — Соврешь — будет много крови.

— Я общался с тем человеком, который консультировал военных, — взвешивая каждое слово, проговорил Резаный.

— То есть гнида среди вас, — улыбнулся «свободовец». — Хорошие у тебя кореша, сосед. И кто гнида?

Вопрос повис в воздухе. Тишина длилась какую-то долю секунды, но это мгновение почему-то показалось вечностью. А потом, раздирая её, вдруг взвился звенящий и напряженный, как струна, голос Рыжика:

— Я это, понятно? Я там был с вояками.

Застывшие сталкеры пришли в движение одновременно.

Крепыш отступил, «свободовцы» вышли вперед. Правый одним молниеносным толчком положил Рыжика на снег. Тот, что был слева, ткнул ему в живот дуло автомата. Стоявший ближе других Снейк рыпнулся было на помощь, но подсуетившийся Резаный плечом отодвинул бородатого в сторону, хоть и выглядел рядом с ним, как Давид рядом с Голиафом.

Второй «калахан» вильнул стволом в сторону Змея.

Все это произошло в считанные мгновения.

Рыжик откинулся на снег и по-детски зажмурил глаза. Словно готов был крикнуть: «Мне не видно, мне не страшно».

— Оставь пацана, — негромко, но твердо произнес Мунлайт.

Крепыш поднял руку, останавливая своих бойцов, и поглядел на седого.

— Чего пялишься? — Мун почувствовал, что голос нехорошо вибрирует, и продолжил спокойнее: — Я вояк консультировал и на Агропром привел. Можешь стрелять. А мальчишку не трогай. Он не при чём.

Крепыш посмотрел внимательно, словно пытался сохранить образ в памяти. Потом махнул рукой. Двое отпустили Рыжика. Мун ждал, что сейчас на снег полетит он сам, но экзекуции не потребовалось.

«Свободовец» повернулся к Резаному.

— На когда планируете операцию?

— Чем быстрее, тем лучше. Здесь тянуть себе дороже.

— Крот пойдет с тобой, — кивнул крепыш на «свободовца», что стоял от него по правую руку. — Посвятишь его во все детали до вечера. Завтра будут люди. У тебя своих сколько?

— Чуть меньше тридцати.

— Я тебя услышал, — кивнул крепыш.

Он отвернулся и качнул стволом «калаша» в сторону «уазика». Крот остался, второй «свободовец» пошел прочь. Сам крепыш на секунду замер возле Муна, посмотрел внимательно и ткнул кулаком в плечо.

— Не гнида, — негромко резюмировал он и пошел прочь.

Сталкеры смотрели, как трое «свободовцев» садятся в машину. УАЗ привычно взревел и покатил прочь. Медленно, то петляя, то притормаживая, то подгазовывая.

— Это выходит, он все с самого начала знал? — не то спросил, не то сказал Айболит.

— А ты думал, раз «Свобода», так, значит, больные на голову придурки? — подал голос Крот. — Знали, конечно.

УАЗ в очередной раз мотнуло в непосредственной близости от аномалии.

— Отморозки, — протянул Снейк со смаком и поглядел на Крота.

«Свободовец» благодушно улыбался.

Молчал Крот не долго. Очень скоро он разговорился. Правда, говорил все больше по делу, подмечая нюансы и задавая вопросы. На сторонние темы не отвлекался вовсе. И попытки поболтать ни о чем игнорировал.

Но и назвать его слишком серьезным тоже язык не поворачивался. На шутки и подначки он реагировал милой улыбкой. Впрочем, очень скоро Муну стало казаться, что за

этой улыбкой включается калькулятор, ведущий точный подсчет издевок и пересчет поводов обидеться на количество свинца, которое вобьется в голову обидчику.

И очень скоро Мунлайт перестал шутить. От невыносимой серьезности вокруг стало тошно. Настроение испортилось окончательно, и седой чувствовал внутри злость, которую надо было куда-то выплеснуть.

Но польза от Крота, несмотря на испорченное настроение, была. Вопреки своей кличке он был весьма наблюдателен и мгновенно и точно подмечал всякие тонкости. Задавать правильные вопросы и получать нужную информацию «свободовец» умел великолепно. Уже до обеда он знал все — от основных черт характера генерала до поименного списка бойцов Резаного, от моделей защиты, полученной Муном от Картографа, до количества боеприпасов, хранящихся в деревне.

Резаный рисковал, выдавая информацию. Захоти «Свобода» поменять планы на завтра и напасть вместо Агропрома на Резаного, и от последнего с его группой за четверть часа ничего не останется. Впрочем, если бы «свободовцы» захотели напасть, они давно бы уже это сделали. И уничтожение группы Резаного без знания этих подробностей увеличилось бы максимум еще на четверть часа.

Впрочем, думать об этом времени не оставалось. Крот был четок, конкретен и не оставлял времени не только на посторонние разговоры, но и на посторонние мысли. Прояснив все интересующие его нюансы, «свободовец» перешел к построению плана, первым делом вернув слово второй стороне.

Мунлайт не спешил, оставив Резаному возможность высказать их общие соображения, как свои. Резаный заливался соловьем. «Свободовец» слушал внимательно и вдумчиво.

Взгляд его при этом менялся. И если сперва он слушал серьезно, то под конец начал глядеть на Резаного так, словно перед ним сидел несмысленный отрок, имеющий заоблачный гонор и ничего не смыслящий в окружающей действительности.

Мун его понимал. Стройность прикидок на слух выглядела довольно коряво. Крот поднялся из-за стола, вышел на середину комнаты и оглядел собравшихся.

— Я — генерал, — веско сказал он.

И принялся прикидывать, что бы он сделал на Агропроме, будь он в самом деле генералом. Вариантов возникало несколько, зато сразу отпались те, что никак не могли быть провернуты Хворостинным, учитывая его планы и характер.

Крот не просто строил прогнозы, он вживался во врага. Жил его мыслями. Потом так же мгновенно, как натянул на себя маску генерала, избавился от нее и принялся рассуждать, как бороться с военными, опираясь на то, что вычислил.

Мунлайт включился в построение нового плана мгновенно. Резаный теперь все больше молчал и слушал, азартно посверкивая глазами и начесывая шрам.

Та схема нападения, которая выстраивалась теперь, несколько отличалась от того, что планировал седой. Но он готов был признать, что отличие это в лучшую сторону.

«Свободовец» оказался неплохим тактиком. Все его предложения звучали весомо, обдуманно и аргументированно.

Интересно, не отпустила мысль, эти отмороженные анархисты все такие? «Свобода» со стороны всегда казалась рассадником бардака и беззакония. Это только в теории анархия — мать порядка, а на практике анархия самая большая утопия из всех, изобретенных человечеством. И любая попытка создать структуру, лишенную централизованной власти, всегда оканчивалась крахом. И «анархисты» выглядели бандитами, поголовно страдающими менингитом в тяжелой форме, а их «порядок» смотрелся полным беспределом.

Но сейчас, слушая Крота, Муну подумалось, что если все сторонники «Свободы» мыслят так же трезво и структурированно и действуют в соответствии с мыслями, то при желании они могут легко сделать то, что планировал генерал и начать контролировать всю Зону отчуждения.

— Всё, — сказал Крот и посмотрел на часы. — Если всех всё устраивает, встретимся завтра на месте.

Мун, прослушавший за мыслями последние несколько минут разговора, решил промолчать. Зато Резаный выплеснул на соратников ушат детского восторга.

— План безупречен.

Крот покачал головой.

— Нет. Остается одно крепкое «но», из-за которого все это может запросто не сработать.

— Не понял. — Азарт смело с лица главаря группировки. Резаный напрягся настолько, что шрам на щеке побелел.

— Если генерал успел подтянуть силы, на которые мы не рассчитываем...

— Он не мог успеть, — покачал головой Резаный.

— За несколько суток? — Крот говорил без улыбки. — Не смейся мой АКМ. Мог. И если он успел это сделать, то дело наше — табак.

Резаный поглядел на Мунлайта. Тот молча прикидывал в уме. Если генерал подтянул еще силы, значит, о его операции уже знают, иначе откуда бы ему эти силы взять. Если генеральская «зачистка» из разряда самостоятельности переходит в разряд официальной операции, самое умное — это не нападать, а бежать, пока не поздно.

— Мог, — кивнул он выжидающе уставившемуся на него Резаному.

— Но проверить этого мы все равно не можем, — добавил Крот.

— Можем, — не согласился Мун. — Мы со Снейком можем прийти к генералу.

— Под предлогом? — наострил уши Крот.

— Под каким угодно, — ухмыльнулся Мунлайт. — Скажем, решили вернуться на службу, деньги понадобились. Каемся. Или наоборот, Снейк бежал, а я его догнал и вернул.

— Не поверит, — почесал шрам Резаный. — Я бы не поверил!

Мун припомнил, как этот самый неверующий, готовый его убить, принял аргументацию с жетоном в придачу и не подавился.

— Если у человека нет выбора, то вопрос веры отступает на второй план. У старого хрена нет больше проводника. И взяться ему неоткуда. Так что поверит он мне или нет — не важно. Я ему нужен. На территорию пройдем, а там нам просто надо будет подать сигнал.

— Казаки-разбойники какие-то, — нахмурился Резаный. — Какой сигнал?

— Пистолетный выстрел в генеральскую голову устроит? — ухмыльнулся Мун.

— Добро, — кивнул Крот.

Крот ушел полчаса спустя, когда все было окончательно оговорено. Резаный собрал своих бойцов и принялся озвучивать договоренности. Следом пошла раздача подарков от Хозяев.

Муну в свете принятого решения защита не полагалась, и он вышел на свежий воздух. На крыльце было ощутимо прохладно. Дул сырой промозглый ветер. Седой поёжился, застегнулся до упора и неторопливо спустился с крыльца.

Снейк догнал уже на улице, дернул за рукав.

— Хаосит, ты понимаешь, во что ты ввязываешься?

— Не я, а мы, — поправил Мунлайт. — И уже ввязались. Да, понимаю. Более чем.

Бородатый глядел непонимающе, будто стоящий перед ним приятель окончательно и бесповоротно спятил.

— Идти к генералу — самоубийство.

— Уходить в Зону тоже самоубийство, — парировал Мун. — Однако ж ты здесь. И не один год.

Снейк помрачнел, потупился. Наконец проговорил сдавленно:

— Зачем?

— Зачем идти в Зону? — сделал вид, что не понял вопроса Мун.

— Зачем идти к генералу? — скрежетнул зубами Снейк. Мунлайт смерил приятеля взглядом, выставил перед ним руку и принялся загибать пальцы:

— Во-первых, поквитаться. Во-вторых, ты слышал Крота?

— Слышал, — кивнул Снейк.

— Так чего ты хочешь?

Бородатый помялся, переступая с ноги на ногу.

— Мне это кажется несколько надуманным. Нужна реальная причина, а я её не вижу.

Седой посмотрел на приятеля. Причина ему нужна. Почему никто не верит на слово? Почему всем нужны какие-то объяснения? Даже друг и тот что-то требует.

— Я говорил, что общался с Хозяевами? — понизив голос, спросил Мунлайт и продолжил, не дожидаясь ответа: — Мне обещали свободу, если я уберу генерала. Нам обещали свободу.

— То есть? — напрягся Снейк. — А разве у тебя её нет? Допустим, сейчас тебя ведет чувство долга. Но потом, когда военных вышибут с Агропрома... Кто или что сможет тебя здесь удержать?

Снейк поглядел пристально, словно пытался заглянуть глубже в душу. Мун отвел взгляд.

— Помнишь, сколько обещал за работу генерал? Если я уберу генерала, Хозяева положат нам в три раза больше.

Бородатый поморщился.

— Ну вот теперь все ясно. Опять бабло побеждает зло.

— А ты имеешь что-то против?

Снейк не ответил. На бородатой физиономии была целая гамма противоречивых чувств, которые с трудом поддавались описанию.

— С каких пор, бородатая твоя харя, ты начал пренебрегать деньгами?

— Деньги деньгам рознь, — буркнул Змей.

— Да. Бывают мелкие деньги, а бывают большие. Это очень большие. И в отличие от генеральских они не грязные.

— Бывают в жизни ситуации, когда деньги брать не стоит.

— Значит, ты со мной завтра не пойдешь? — рассердился Мун.

Снейк мотнул головой.

— Пойду, — пробормотал мрачно, — но сегодняшний вечер предпочту провести в другой компании.

— Да пожалуйста, — фыркнул седой. — Твоя компания там за домом ножи в тополь швыряет.

— Адепт хаоса, — как-то безнадежно махнул рукой Снейк. Без злости, без обиды.

Развернулся и пошел прочь.

Мунлайт скрежетнул зубами. Да какого хрена? Еще один Иисусик выискался. Куда ни плюнь, все честные, идейные и бескорыстные. Радиоактивный мусор с магическим действием собирать за копейки они все могут. А взять за правое дело большие деньги не могут. А что тут такого? Тем более что он этой суммы не просил, сами предложили. И надо быть ослом с длинными ушами, чтоб от такого предложения отказываться.

Или что, грохнуть старого хрена в генеральских погонах за идею — это правильно, а сделать то же самое и получить за это деньги — уже убийство?

Он почувствовал, что сам себя накручивает, но остановиться уже не мог. Убийца — тот, кто убивает. Много в Зоне найдется тех, кто ни разу не стрелял в человека? Нет, наверное, встречаются идейные придурки, но отклонение от нормы не берём. И девяносто девять процентов сталкеров нажимало на спусковой крючок с желанием лишить жизни. Убийцей человек становится в тот момент, когда нажимает на спуск и отправляет пулю в себе подобного. А вовсе не тогда, когда ему за это платят. И если не платят, он все равно убийца, как ни верти.

Мун запрокинул голову, посмотрел на небо с низкими тяжелыми облаками и блеклой луной и пробормотал еле слышно, не то себе, не то кому-то там сверху:

— Достало все.

— Эй, — окликнул сзади женский голос.

Мунлайт опустил голову и повернулся, нацепляя ухмылку. К нему, как и накануне, шла Наталья.

— Привет, камси-комса, — ухмыльнулся Мун. — Ты опять по мне скучала?

— Вроде того, — отозвалась Наталья. — Ты сегодня герой дня.

— И ты снова меня любишь, — ухмыльнулся седой. — А вчера я был врагом народа, и ты меня ненавидела. Смешные вы ребята, что вам сверху скажут, то и будете правдой считать. А головой подумать не судьба? Самому поковыряться, поискать если не правду, то хоть что-то, на нее похожее?

— Хочешь сказать, что ты уже не герой? — с легкой иронией поинтересовалась Наталья.

— Я устал, — честно признался Мунлайт. — От человеческой глупости и желания все поделить на белое и чёрное. Я не герой и не враг народа. Я человек. Не плохой и не хороший. Хотя могу быть и хорошим, и плохим. Потому что судить можно только по поступкам. А не по словам, которыми каждый окутывает себя сам, и не по ярлычкам, которые навесят на тебя другие. По ярлычкам только бараны судят. И пока вы ведете себя как бараны, на каждого крупнорогатого будет находиться свой Резаный, который соберёт стадо и поведет его куда-то за собой. В светлое будущее или на бойню — не важно. Среди стада даже найдется пара умных баранов, которые начнут строить предположения о том, куда их гонит пастух. Только эмпирически он в этом разобраться не рискнет, что с него взять — баран, но интуитивно поблеет. Вам еще повезло, что вам в качестве пастуха Резаный достался.

Наталья посмотрела с сомнением.

— Это ты сейчас так изящно наехал?

— Самка человека, — безнадежно отмахнулся Мунлайт и полез за спичечным коробком в карман.

Наталья потопталась на месте, но не ушла. Только заметила между делом:

— Хам.

— Пох, — отозвался Мунлайт. — Меня все равно прощают. Тебе чего надо-то?

Глаза Косы вспыхнули, словно она только и ждала этого вопроса. Причём ждала как минимум половину сознательной жизни.

— Мне нужна защита, — скороговоркой выпалила она.

Седой поперхнулся. Спичка выскочила изо рта и спикировала в снег. Мун чертыхнулся и недовольно посмотрел на женщину.

— От кого тебя защитить, душа моя?

— Ты не понял, — взвилась Наталья.

— Все я понял, — оборвал Мунлайт. — Женщина тоже может быть сталкером, бла-бла-бла... Дура, куда ты собралась?

— На Агропром.

Мун поглядел на Наталью с прищуром. Вот ведь блин. Дура, но искренняя.

— У тебя ребёнок, женщина. Его воспитывать надо.

— Вот именно, — упрямо повторила Коса. — Причём своим примером. А чему я смогу научить сына, если в такой момент буду картошку чистить?

— Дура, — покачал головой седой.

— Я ведь все равно пойду, — не отставала Наталья. — И никто меня не удержит. Так что если ты о ребенке печёшься, то дай защиту. Целее буду.

— А Резаный знает? Что он тебе на это сказал? — сдался Мун.

— К тебе послал, — нехотя отозвалась Наталья.

— Вот иди к Резаному, он там на раздаче. А у меня даже своей защиты нет.

Наталья развернулась было, чтобы идти, куда послали, но остановилась в нерешительности и косо глянула на Муна.

— А Резаному чего сказать?

— Что я тебя к нему послал, — рыкнул седой.

Ночью снова вернулось тепло, и снег стоял. Утро встретило черными облетевшими раскоряками деревьев и раскисшей, хлюпающей под ногами земли.

Лагерь Резаного они покинули еще в сумерках. Деревенка вдруг ожила, наполнилась суетой, словно ее жители готовили библейский исход. А потом вмиг стала совсем мертвой.

Мунлайт бросил на покосившиеся домишки прощальный взгляд. Где-то там внутри остались трое парней и мальчишка. Но четырех человек, вероятно, было мало, чтобы заполнить и без того унылую деревушку жизнью.

Он прибавил шаг, обгоняя неровный строй Резановских бойцов. Взглядом зацепился за гордо вышагивающую Наталью. Поспешно отвернулся.

Дура! И Резаный умом не блещет. На кой поволок бабу с собой? Хотя Коса напористая, как все самки человеческие, уж если на уши присядет, то не слезет, пока мозги не вынесет.

Мун почувствовал себя женоненавистником и отчего-то улыбнулся.

К Агропрому они вышли ближе к полудню. Первыми на исходную позицию выскочили счастливые обладатели экзоскелетов и идущие налегке Мун со Снейком.

От бывшего НИИ их скрывал сейчас пригорок и небольшой перелесок. Здесь старлей убил Угрюмого, хотя Угрюмый уже был мертв. Здесь он убил старлея. Впервые за долгое время на эмоции.

Хотя нет, не стоит себя обманывать. Эмоция была, но убивал он расчетливо. На автомате. И сейчас опять пойдет убивать. Тоже на автомате, на рефлексх. Рутинно, буднично. А ведь это жутко, когда убийство превращается в рутину. Когда смерть перестает восприниматься как что-то значимое, а жизнь и вовсе обесценивается.

Рутина, вот от чего он устал. И убивать тоже устал. И...

Мунлайт тряхнул седой головой, отгоняя ненужные воспоминания и мрачные мысли. Огляделся.

«Свободовцев» видно не было, только на ветке растущего неподалеку дерева болтался кусок ткани со знакомой эмблемой: оскалившимся волком и надписью «Воля». Значит, они уже тут.

Тяжело пыхтя, подошел Резаный. Видимо, за великим делом по созданию новой группировки он забыл, когда последний раз гулял по Зоне с полной выкладкой.

— Береги дыхание, — подколот Мун, ухмыляясь. Резаный пропустил колкость мимо ушей, поглядел на часы.

— Готовы?

— Как юный пионер, — поделился Мунлайт и напел: — Смело мы в бой пойдем за власть Советов и, как один, умрем в борьбе за это.

— Вот этого не надо, — удивительно серьезно отозвался Резаный.

— Чего не надо? — усмехнулся Мун в седую бородёнку-подковку. — За власть Советов? Или мирить?

Резаный покачал головой с таким видом, будто был школьной учительницей, а стоящий перед ним Мун — известным хулиганом, держащим в страхе полшколы.

— Ты хоть иногда можешь разговаривать серьезно?

— А на фиг? — ухмыльнулся Мун. — Мне и так хорошо, а вы потерпите меня за харизму и обаяние.

— Оторвать бы тебе твою харизму, — буркнул Снейк, пихая Муну второй автомат.

Змей продолжал злиться, хоть и не подавал виду. Мун повесил второй «калаш» на плечо. Теперь они со Снейком выглядели так, как должны были бы выглядеть, если бы бородатый и вправду сбежал, грохнув лейтенанта, а Мунлайт гонял его три дня по Зоне и вот наконец поймал и привел на растерзание Хворостину.

— Ну, с богом, — кивнул Резаный.

Мун качнул стволом автомата, и Снейк, сложив руки за спиной, словно заключенный, поковылял вперед.

Идти пришлось не так долго. Скоро впереди замаячило открытое пространство. Бородатый невольно поежился.

— Как думаешь, — тихо спросил он. — Нас уже видят?

— О, — ядовито сказал Мун, — дядя Змей заговорил. На меня больше не обижаются.

— Я на тебя, дурака, и не обижался, — пробормотал Снейк. — Скажи лучше, а как они нас засекут и без разговоров стрелять станут.

— Не станут.

Громада Агропрома приближалась, покачиваясь в такт шагам. Никаких военных там видно не было. Бывший НИИ вообще казался пустым. Но он точно знал, что генерал со своими вэдвэшниками никуда не делся и сидит внутри. А они скорее всего уже на мушке.

— А вдруг? — снова спросил бородатый.

— Вдруг знаешь, чего бывает? И вообще тебе больше думать не о чем? Думай о деньгах и свободе.

Снейк ссутулился и втянул голову в плечи.

— Меркантильное кю, — поведал он Мунлайту.

— Само такое.

— Адепт хаоса.

Сухо треснула короткая очередь. Мун напрягся. Безоружный Снейк едва заметно вздрогнул. Накаркал Змей, мелькнула мысль и тут же унеслась в неведомом направлении.

— Оружие на землю, руки за голову, — потребовал грубый голос.

— Не будут стрелять, — тихо заметил Мун и скинул один за другим оба автомата.

Бородатый и сам это понял, на всякий случай задрал руки, не дожидаясь повторного приглашения.

На дорожку из-за ближайшего куста вывалился хмурый десантник. Защита хорошая, оценил Мун. И вооружен на уровне, не то что салабоны на кордоне с их стандартным совково-армейским снаряжением.

— Не стреляй, братишка, — миролюбиво попросил Мун. — Я к генералу.

— Я тебя узнал, — кивнул десантник.

Узнал, додумал седой, а иначе они вместе со Снейком уже на тот свет отправились бы.

— Ну и прекрасно, брат. — Мун опустил руки и потянулся обратно за автоматом.

— Руки, — одернул десантник. — И топай. Вперёд и без глупостей. Брат.

— Товарищ генерал, — дверь распахнулась от резкого удара.

Без стука, без спроса, без разрешения.

Хворостин недовольно поглядел на одного из своих охранников, что посменно дежурили под дверью.

— Ты что себе позволяешь? — сквозь зубы процедил он. Настроение и без того было ни к черту. Видеть никого не хотелось. Связь не наладилась, небольшие группки, которые Хворостин рискнул послать чуть глубже в Зону, не нашли ничего, кроме радиации и жутких тварей, больше всего напоминающих больных стригущим лишаем дворняг с заплесневевшими глазами.

Даже аналогии с Наполеоном, что тешили придушенное самолюбие, больше не возникали. Да и не шибко приятно сравнивать себя с диким корсиканцем времен его знакомства с бельгийской деревушкой Ватерлоо.

Контрастируя с генеральским настроением, охамевший бодигард сиял, как начищенный самовар.

— Прошу прощения, товарищ генерал, — голос охранника был сверх меры жизнерадостным, будто он собственноручно обеспечил наличие необходимой, как воздух, связи. — Седого поймали.

— Что? — задохнулся генерал. — Где он?

— Внизу.

— Ко мне его, живо! — распорядился Хворостин, и бодигард молча кинулся обратно к двери.

Хлопнула створка. Генерал присел на край лабораторного стола. Первое желание было убить седого паразита сразу, как тот переступит порог. Вторая мысль оказалась коварнее, и смерть Мунлайта обросла подробностями кровавой расчленёнки. Третья мысль вышла разумнее, и смерть сталкера отложились на неопределенный срок.

Убивать его теперь было нельзя. Вернувшийся консультант, похоже, единственная его надежда. Но зачем он вернулся? Почему Мунлайт ушел, предположить было можно, но вернуться при таком раскладе он не мог. Выходит, расклад другой.

В чем? Причины ухода другие? Или седой что-то задумал? Что?

Все это просвистело в голове, как выпущенные очередью пули. Об этом надо было подумать, но времени на подумать не было.

Дверь распахнулась, и к нему впихнули седого и его бородатого приятеля. Ага, оба здесь. Хворостин укорил себя за то, что на радостях снова поторопился. Стоило бы сперва обмозговать ситуацию, а потом тянуть экс-консультантов на ковер.

Седой стоял перед ним с отстраненным видом. На два автомата, направленные на него и его приятеля, Мун, кажется, внимания не обращал вовсе. Бородатый же, напротив, был мрачен и напряжен.

Хворостин печенкой почуял, что его затягивают в какую-то непонятную игру. Но это было лишь ощущение, смутное и неясное.

— Обыскали? — спросил он в воздух.

Двое бойцов, что держала на мушке сталкеров, переглянулись, словно пытаясь понять, к кому из них обращается генерал.

— Так точно, товарищ генерал, — подал голос от стены телохранитель. — Чистые.

Хворостин поглядел на автоматчиков.

— Свободны.

И не глядя, как те выходят, повернулся к седому.

— Ну что, добежался, сучёнок? — поинтересовался плотоядно. — Поймали?

— Не поймали, — ухмыльнулся Мунлайт. — Сам пришел.

Хворостин стрельнул взглядом на телохранителя, тот незаметно кивнул, подтверждая сказанное.

— Говори, с чем пришел, — потребовал генерал.

— С миром, — отозвался седой.

Врёт или не врёт? Генерал кивнул, подбадривая, и Мунлайт пустился в объяснения. Хворостин слушал его вполуха. Не вникал в подробности, ловя основной смысл и пытаясь прочувствовать голос.

Седой говорил ровно, без эмоций. А по словам выходило, что бородатый приятель его подставил и сбежал, убив по дороге старлея. А сам Мунлайт, весь такой белый и пушистый, поймал перебежчика и привел обратно.

Врёт, решил Хворостин. Но зачем? И зачем он пришел? И зачем привел с собой обратно бородатого? И зачем врёт так нелепо? Или эта нелепость — правда?

Очень часто то, что выглядит самым невероятным враньём, оказывается самой натуральной правдой.

Не в этом случае, напомнил о себе внутренний голос.

Седой замолчал. Генерал с запозданием понял, что история закончена.

— Значит, — задумчиво произнес Хворостин, — ты думал, он тебе друг, а он портянкой оказался? А зачем же ты его притащил ко мне?

Хворостин пристально поглядел на Мунлайта. Тот оставался все так же невозмутим.

— Он меня подставил, — произнес седой, выдержав взгляд, — я его сдал.

«Вот ты и попался, голубь сизокрылый», — возникла мысль.

— На мой суд?

— Вроде того, — ухмыльнулся седой, — только Соломоном себя не возомни.

Хворостин не ответил, хотя желание если не убить говнюка, то сильно покалечить возникло с новой силой. Но он сдержался.

Недобро усмехнувшись, генерал подошел к столу, дернул ящик устроившейся под ним тумбочки. Пистолет приятно утяжелил руку.

Хворостин снова посмотрел на Муна, дослал патрон в ствол и выдернул обойму.

— Хорошо, — с угрозой проговорил он. — Будет тебе мой суд.

Обойма брякнулась на стол. Генерал медленно, словно смакуя каждый шаг, приблизился к Мунлайту и протянул ему пистолет. Седой посмотрел косо.

— Возьми ствол и пристрели его, — подбодрил генерал. Седой с сомнением смотрел на протянутый пистолет.

— Или ты убьешь того, кто тебя подставил, — довольный собой произнес Хворостин, — или он убьет тебя.

Генерал кивнул Муну за спину. Седой обернулся. Растерявшие всю веселость глаза стрельнули на охранника, на автомат в его руках.

Мунлайт посмотрел на генерала и молча взял пистолет.

8

Как всё смешно получается. Этот этап их плана был построен исключительно на импровизации. Это нельзя было спланировать поэтапно. И к чему эта импровизация привела.

Мунлайт принял пистолет, взвесил на ладони. Без обоймы ствол казался непривычно легким, и центр тяжести у него смещался. Один патрон. Один выстрел.

Когда он говорил про сигнал в виде выстрела в генеральскую голову, он не был серьёзен. Но у жизни шуточки оказались оригинальнее. И что теперь?

Да нет, генерал его не убьет. Он ведь нужен генералу. У того ведь, судя по тому, что они увидели, пока их тащили по территории, никакого подкрепления нет. Выходит, помощи старому хрену ждать неоткуда. И деваться ему отсюда некуда. Проводника в такой ситуации убивать глупо.

Угу, не умно. Вот только отчего-то между лопаток свербело в том месте, куда смотрел автомат телохранителя.

А патрон один. И чего с ним делать? Ну ничего, старый хрен, мы с тобой еще посчитаемся.

Мысли скакали в голове, как шальные белки. Яркими зигзагами.

— Ну, — поторопил старый хрен. А рожа довольная.

Нет, все-таки не будут в него стрелять. Или будут? А вдруг будут?

Мунлайт посмотрел на Снейка. Медленно поднял руку с пистолетом.

— Извини, Змей Горыныч, — ухмыльнулся, словно прощаясь. — Так получилось.

Рука дернулась вверх. Грохнул выстрел. Эхом пролетел по Агропрому. Приглушенный вырвался наружу. Тихо, но отчетливо разнесся по ближайшим окрестностям.

Пуля ушла в потолок, скользнула в сторону рикошетом. Генерал разочарованно посмотрел на седого, перевел взгляд на его бородатого приятеля. Мун понял, что стрелять всё-таки не будут, и с облегчением выдохнул.

— Сталкер в сталкера стрелять не станет, товарищ старый хер, — со смаком произнес Мунлайт.

— Балабол, — буркнул генерал и повернулся к охраннику: — Отведи их вниз и запри где-нибудь. И глаз с них не спускать.

— Слушаюсь, — отчеканил телохранитель.

— Если по дороге попытаются хоть на шаг в сторону дернуться, стреляй на поражение. Разрешаю.

Охранник кивнул и качнул автоматом.

— Руки за голову. На выход по одному.

* * *

Любой план хорош только на бумаге. Любая стратегия выглядит красиво только на словах. А на деле стройность и красота придуманных баталий выходит грязной. С потом и кровью.

«Свободовцы» начали атаку первыми. Три десятка хорошо вооруженных людей, похожих на терминаторов из допотопного фильма за счет могучих защитных костюмов, разделились на тройки и, прикрывая друг друга, стали методично подбираться к Агропрому.

Грохнул взрыв, уродуя ближайшую стену. Подрывники сработали как надо.

Беспредельщики из вольной группировки действовали чётко и слаженно. Красиво. Пока Агропром не стал отвечать огнем.

Когда один из «свободовцев» кувыркнулся носом в землю, вся красота и изящество плана нарушились, потому как умирать никто не планировал.

Резаный со своими парнями чуть запоздал с наступлением. Зелёные пацаны, никогда не участвовавшие ни в чем подобном, ломанулись вперед яростной невменяемой толпой. И красоты в этом не было никакой.

Когда от Агропрома по бегущей толпе открыли прицельный огонь, ничего красивого не осталось вовсе.

Эйфория кидала вперед. Хорошие защитные костюмы создавали ощущение неуязвимости, но неуязвимости не давали.

Военные несколько дней назад прошли по Агропрому всё сметающей смертоносной волной и вывели из бывшего НИИ кучу отребья. Парни Резаного воевали с профессионалами. Воевали неумело, спонтанно. Неумно. Но всё же поджимали.

А с другой стороны жали «свободовцы». Профессиональнее, с пониманием дела. Но и здесь не было ни красоты выстроенной накануне стратегии, ни романтики боя, о которой трюндят восторженные недоумки.

Все выглядело зло, хаотично и страшно.

* * *

Когда треснула первая очередь, Мунлайт и Снейк под присмотром трех автоматчиков спустились по лестнице. Первым напрягся генеральский охранник. Дернул было автомат, но подопечные не собирались бежать.

Выстрелы зачастили с новой силой где-то в стороне. Потом откликнулись ближе.

Телохранитель выматерился.

— Я к генералу. Эти двое на вас.

И крупными скачками через несколько ступеней помчался наверх.

— Шевелись, — зло рявкнул на Мунлайта один из автоматчиков.

А потом грянул взрыв, оглушая, сотрясая стены. Обвалился пласт штукатурки. Что-то рухнуло сверху, долбанув седого по темени. Перед глазами поплыло, и Мун опустил на колени.

— Твою мать, — пробормотал он, переставая понимать, что происходит вокруг.

Совсем рядом затрещали автоматы.

Когда-то Хворостин сказал, что здесь идет война. Тогда генерал слукавил, чуть приукрасил, чуть нафантазировал. Сейчас фантазия превращалась в реальность. Материализовывалась.

Потеряв всякий контроль над собой и своей речью, генерал судорожно впихивал в пистолет обойму.

Звякнуло разлетевшееся оконное стекло. Хворостин шарахнулся в сторону. Только шальной пули ему не хватало. Вжавшись спиной в стену, он заскользил по периметру помещения к окну. Осторожно выглянул наружу.

Дверь распахнулась от сокрушительного удара.

Хворостин резко обернулся и чуть успокоился. В дверях стоял охранник.

— Что происходит? — зло спросил генерал.

— Нападение. Судя по всему, идет по двум направлениям.
— Кто напал? Сколько их? Откуда?
— Не знаю, товарищ генерал, вам надо уходить отсюда.
«Куда? Некуда отсюда уходить», — подумал Хворостин и молча пошел к двери.

За что они воевали? Нет, не военные, которые вгрызлись в Агропром и держали его всеми силами. А те, другие, которые, зная о планах генерала, зная, что могут уйти, остались и взяли в руки оружие?

За что ломился вперед озверевший Рыжик, когда пулей свалило его приятеля? Ведь не за возможность таскать артефакты, рискуя жизнью, облучаясь, постепенно подгоняя собственный конец.

За что отчаянно воевал Резаный? Ведь не за статус местечкового гуру.

За что отнимал то, что обещал Гиппократу спасти, Айболит?

За что пришла воевать сама Коса?

Наталя не могла этого объяснить. Говорить или даже думать о таких вещах словами не получалось. Такие вещи надо чувствовать. А когда пытаешься передать чувство на словах, оно теряется. Язык несовершенен, он губит искренность.

Коса вынырнула из укрытия и побежала вперед, постреливая на бегу. Неприцельно, бессмысленно, наудачу.

Искренне она чувствовала, что они воюют за свой дом. Потому что в конечном счёте человек воюет по-настоящему только тогда, когда у него пытаются отнять дом, жизнь, родных.

Выходит, Зона стала всем этим людям родным домом? Глупость какая.

Она бросилась на землю, скрывшись за невысокой кочкой, чувствуя себя в безопасности. Врага видно не было, а значит, и её не видно.

Это была последняя мысль женщины-сталкера. Шарахнула очередь.

Противник знал, что делает, в отличие от Косы. У неё же картошку варить выходило лучше, чем воевать. А подставилась она и вовсе глупо.

Но в горячке, охватившей всё вокруг, этого никто не заметил. Смерть часто бывает незаметной.

Мунлайта мутило. Звуки стали глухими, словно доносились через ватный матрас. Седой поднялся на ноги. Снейка рядом не было. Конвоиров тоже. Вернее, был один. Лежал рядом в куче строительного мусора с разможенной головой. Рядом валялся автомат.

Змей... Охрана... Автомат... Генерал...

Он попытался собраться с мыслями. Вышло паршиво. Шум вокруг стал резче, обрел прежнюю четкость и звучность. Но вместе с тем почему-то и замутило сильнее.

Снизу и снаружи неслись крики и выстрелы. Мун поднял автомат, пошатываясь сделал несколько шагов.

Сверху затопало отдаленно. Кто-то поспешно спускался вниз. И судя по дробным ударам ботинок о ступени, спускавшихся было как минимум двое.

Мунлайт отклонился к стене, упершись в нее плечом, вскинул автомат и взял на мушку соседний лестничный пролет, уходящий наверх.

Ждать пришлось недолго. Как только на верхних ступенях пролета появились ноги в тяжелых армейских ботинках, он нажал на спуск. Автомат дернулся, вытряхивая мысли о тошноте. Сверху вскрикнули. Простреленные ноги подломились, и генеральский телохранитель повалился на ступеньки.

Седой дал еще одну очередь и бросился вперед. Сверху нервно хлопнул пистолетный выстрел. Пуля просвистела в паре метров от него. Видимо, стреляли, чтобы припугнуть.

Судя по звуку удаляющихся шагов, стрелявший побежал обратно наверх.

На ходу шарахнув из автомата по извивающемуся от боли, валяющемуся на ступенях телохранителю, Мунлайт рванул наверх.

Звук шагов беглеца чуть оторвался. Мун чувствовал, что висит на хвосте, что осталось перемахнуть лишние полпролета, и беглец появится в поле зрения, но сил на рывок не было.

Топот сбился с ритма и сместился в сторону. Не иначе убегающий свернул с лестницы. Мунлайт отмахал еще один пролет и метнулся на этаж. Вправо уносился обшарпанный коридор. Шагах в пятнадцати вперед по коридору стоял генерал с поднятым пистолетом.

Мун шарахнулся назад на долю секунды раньше, чем грохнул выстрел. Вторая пуля с опозданием всобачилась в косяк ведущего на лестницу дверного проема.

Снова зашуршали шаги. Уходит!

Скрипнуло.

Мунлайт бросился вперед на этаж. Палец уже практически надавил на спуск, но генерала на прежнем месте не обнаружилось. Только закрывалась в конце коридора дверь.

Старая крыса загнала себя в угол. Седой ухмыльнулся и с оглядкой заскользил по коридору.

Нет, ловушки здесь не было. Этаж оказался пуст, если не считать его и генерала. Мун подошел к двери, замер, прислушиваясь.

За дверью притаился зверь. Злой, забитый в угол, отчаявшийся.

Что ж, он тоже злой.

Мунлайт вскинул автомат, дал короткую очередь по замку, саданул с размаху ногой в дверь и дернулся в сторону с линии огня. Грохнул пистолетный выстрел...

Крот присел на колено, огляделся и опустил автомат. Отголоски перестрелки еще звучали на другом краю Агропрома, а здесь все было кончено.

Он окинул взглядом окрестности и устало опустил на землю. О том, что сидеть на холодной земле может быть чревато неприятными для мужика последствиями, «свободовец» сейчас не думал.

Автомат лег рядом. Крот потер виски пальцами и какое-то время просто сидел на земле и слушал, как редуют выстрелы. Сколько так прошло времени? Минута? Пять? Десять? Время изменило скорость течения и потеряло смысл.

Когда выстрелы совсем затихли, Крот медленно поднялся на ноги и пошел вперед, туда, где должны были ждать люди. Свои и Резановские.

Своих оказалось больше. От группы Резаного осталось человек десять.

— Потери? — спросил Крот.

— Шестеро убиты. Дюжина раненых, — отпартовал кто-то.

— А у тебя, сосед? — спросил Резаного.

Главарь группировки выглядел неважно. Лицо его осунулось. Из рассеченной брови алой струйкой стекала кровь. На Крота посмотрел хмуро и не ответил.

Они не говорили. Не о чем сейчас было говорить. Молча стягивались, сбивались в кучу. А куча эта поредела основательно. Может, потому победа и не ощущалась?

Подошел Рыжик. Подошел Айболит. Приковылял, хромая на правую ногу, бородатый Змей. Но не было Натальи. И седого не было. И многих других.

Резаный не торопился. Ждал.

Мунлайт появился тогда, когда ждать уже, казалось, больше незначем. В седых волосах запеклась кровь, рожа перемазана чёрт-те чем, но Мун был жив. Перед собой он толкал дулом автомата хмурого мужика в генеральской форме со связанными за спиной руками.

— Здравсьте, на фиг, — без особой радости махнул рукой седой.

Резаный посмотрел на Мунлайта серьезно.

— Зачем ты его не убил?

— Так получилось, — пожал плечами Мун. Сталкеры глядели на генерала с ненавистью, на седого кидали неодобрительные взгляды.

Генерал потупился и сплюнул кровью. Видимо, ему тоже досталось.

Резаный обвел толпу взглядом.

— Судьбу этого, — хрипло проговорил он, — предлагаю решать голосованием. Голосую: «Убить!».

И он поднял руку. Руки сталкеров медленно, но верно поползли вверх.

— Он мой, — отрезал Мунлайт.

Голос прозвучал тихо, но в молчаливом сталкерском единодушии слова эти прогремели как выстрел.

— Люди хотят мести, — с угрозой сказал Резаный.

— Перетопчутся, — хищно оскалился Мунлайт. — Убивалка не отросла. Помнишь подарочек от доброго человека?

Резаный вздрогнул, рука метнулась к груди. Пальцы сквозь одежду нащупали жетон с выбитыми цифрами.

— Судьбу этого хмыря решать не тебе, — добавил Мунлайт. — Лучше похоронами займись.

— Здесь не кладбище. В полевых условиях...

— Значит, пора завести кладбище, — перебил седой. — Забудь про полевые условия. Вам здесь жить.

Мунлайт уводил Хворостина всё дальше. И никто его не остановил. Никто не окликнул. Странно. Он ожидал, что будет буча.

Генерал споткнулся и выматерился.

— Куда ты меня тащишь? — пробурчал он.

— Сюрприз, — зло ухмыльнулся Мунлайт.

— Не люблю сюрпризов.

— А мне как-то пофиг.

Седой ткнул стволом в спину, подгоняя, но генерал только снова оступился.

За спиной зачавкали поспешные шаги.

— Стой, — остановил Хворостина Мунлайт и обернулся.

Он знал, кого там увидит.

— Адепт хаоса, — окликнул Снейк.

— Само такое.

Бородатый подошел ближе, остановился. На седого и генерала смотрел исподлобья.

— Ты все-таки решил оттащить его Хозяевам?

— Я подумаю над твоим предложением, — устало отозвался Мунлайт.

— Ты серьезно? У тебя хватит совести взять деньги? После того, сколько народа сегодня положили?

Снейк смотрел на приятеля с болью. Не то за него, хаосита, махнувшего не глядя душу на жвачку еще в детском саду, не то за погибших сталкеров.

В груди болезненно сжалось. Мун подошел и коротко, но крепко обнял бородатого друга.

— Жди меня у Резаного. Я скоро приду. Жди.

Снейк смотрел в удаляющиеся спины. Неужели Мунлайт способен на это? Оставалось только верить, что это не так. Ведь Рыжик поверил, хоть и знал седого без году неделя. А он... как давно они знакомы? И насколько хорошо он знает Муна?

А насколько хорошо Мун сам себя знает?

Бородатый развернулся и медленно поплелся обратно.

9

Генерал спотыкался. Немудрено — столько протопать по хлюпающей раскисшей земле да со связанными за спиной руками. Впрочем, идти старому хрену оставалось недолго.

Деревню Резаного Мунлайт обошел стороной, благо ко вчерашней поляне были и другие подходы, кроме как через базу группы. Выбросов не было, и аномалии остались на месте. Покачивались небольшими, чаще неприметными для непосвященного вихриками.

— Вихри враждебные веют пред нами, — напел Мунлайт и сбросил рюкзак и автомат на землю. Потом достал пистолет и дернул затвор.

— Мог бы сразу пристрелить, — холодно выдавил из себя генерал. — Не обязательно было такие прогулки устраивать.

— Стану я ещё об тебя руки пачкать. И вообще я убивать устал, — зло оскалился Мун. — Топай давай.

И он ткнул дулом пистолета в генеральскую спину.

Мун шёл осторожно. Старого хрена придерживал за связанные руки, притормаживая и направляя. «Птичьих каруселей» оказалось невероятное количество. Не то вчера они не разглядели и четвертой части, не то аномалии за ночь расплодились простым клеточным делением.

Генерала мотало из стороны в сторону, из-за чего приходилось двигаться осторожнее вдвойне.

Поле оказалось настоящим лабиринтом. Пока добрались до середины, Мунлайт вспотел. Наконец остановился, окинул критичным взглядом окрестности. Выбраться отсюда теперь было не просто даже ему. Новичок на то, чтобы уйти отсюда живым, и вовсе не имел никаких шансов. Разве что только у него немерено крутой ангел-хранитель, который на короткой ноге с самим богом.

Седой удовлетворенно крикнул, выудил нож и вспорол веревки, освобождая руки Хворостину.

Генерал поморщился от боли. Кисти его побелели, а на запястьях остались глубокие синюшные следы от врезавшейся в кожу веревки.

Военный матюгнулся и принялся разминать запястья. Мун убрал нож и снова достал пистолет. Генерал поглядел на седого отстраненно.

— Последнее желание? — ухмыльнулся Мунлайт.

— Иди на хер, — пробурчал под нос генерал.

— Нравы, однако, в российской армии.

Он поднял руку с пистолетом. Хворостин замер, сжал губы и расправил плечи. Карбышевым себя возомнил, не иначе.

Мун дернул руку чуть выше и нажал на спуск. Грохнул выстрел. Генерал, как ни старался, все же вздрогнул.

«Нет, не Карбышев», — подумалось Муну.

Он поднял пистолет вверх и начал медленно методично нажимать спусковую скобу.

Раз. За погибших сегодня «свободовцев».

Два. За погибших ребят Резаного.

Три. За Косу. Дура баба, что теперь с Егором будет?

Четыре. За перестрелянных военных. Генерал-то дурак с инициативой, а солдатики присягу давали. Для них слово генерала — приказ. А приказы не обсуждают.

Пять...

Шесть...

Мун вспомнил тех, кто к этой маленькой, никем не замеченной войне не имел никакого отношения. Они ушли раньше. Но их тоже надо помнить. Такая работа у живых — помнить мертвых.

Мертвым ведь не нужны памятники, не нужно «хорошо или ничего». Им вообще ничего не нужно. Нужно живым. И чтоб оставаться людьми, нужно помнить мертвых. Не всех, но забывать достойных людей нельзя.

Мун закончил свой импровизированный салют. Опустил руку с «Макаровым».

— Не бойсь, товарищ генерал, я стрелять в тебя не стану. Ты все хотел Зону поиметь? Вот и посмотрим, кто из вас кого поимеет. — Он повертел пистолетом перед генеральским носом, как игрушкой перед носом ребенка. — Здесь один патрон. Это тебе мой подарок.

Седой выпростал руку, подавая пистолет Хворостину. Тот посмотрел недоверчиво, будто опасаясь, что ему это грезится. Руку навстречу протянул медленно, словно ожидая подвоха. Пальцы коснулись теплого, нагретого человеческой ладонью металла.

— Только прежде чем стрелять, подумай немного, — продолжил Мун, глядя, как военный вцепился в пистолет. — Вокруг нас некоторое количество аномалий. Возможно, я отсюда выйти смогу. У тебя это получится вряд ли. В аномалии ты будешь умирать больно, мучительно и некрасиво. А застрелиться просто и не больно. Говорят, даже сообразить ничего не успеешь.

Генерал поднял пистолет. Дуло его теперь смотрело на Мунлайта.

— Тоже вариант, — ухмыльнулся сталкер. — Только патрон один. Остальные во-о-он там, где рюкзак остался. Но ты туда не дойдешь, генерал. Верь мне, я знаю. У тебя на это один шанс из сотни. И если на этом свете есть хоть какое-то подобие бога, ты этого шанса не получишь.

Мун запустил руку в карман и выудил спичечный коробок. Раскрыл, но внутри было пусто.

— Кончились, — вздохнул седой. — У тебя спичек нет?

— Зиппо, — автоматически брякнул Хворостин.

— Зиппо, — повторил Мунлайт. — Все у тебя через жопу. Ладно, бывай, товарищ генерал. И ты подумай, подумай. Решать-то тебе, но патрон один.

Он молча развернулся и пошел прочь. Об оставленном за спиной генерале Мун сейчас не думал. Надо было сосредоточиться на аномалиях. Но сосредоточиться не получалось.

На душе стало легко и светло. Когда на том свете будут взвешивать его хорошие и плохие дела, чашка с дерьмом, наверное, перевесит, но за вторую чашу ему будет не стыдно. Потому что не совсем напрасно все это. И что-то достойное он в своей никчемно прожигаемой жизни все-таки сделал.

Мунлайт чуть притормозил, взвешивая следующий шаг, и принялся тихонечко насвистывать. Еще одна «птичья карусель» осталась за спиной. Эх, надо было там, в центре поля, болтик кинуть, показать генералу аттракцион напоследок.

Не думать о генерале. Генерала больше нет и никогда не будет. И не оглядываться. Смотреть надо вперед, а не назад. Подчиняясь установке, он посмотрел вперед, туда, где остался рюкзак и автомат. С той стороны ему навстречу двигался прозрачный, как сигаретный дым, силуэт. Давненько же его не было.

Мунлайт ухмыльнулся. Ему отчего-то совсем не было страшно. Даже если этот двойник подойдет сейчас и, как во сне, спросит, зачем он живет... Нет, он не сможет ответить. Но страха не будет.

— Moonlight and vodka, — тихо затянул сталкер, — takes me away, Midnight in Moscow is lunchtime...

Грохнул выстрел.

Песня оборвалась.

10

Мун не вернулся. Снейк дошел до деревни Резаного вместе с остальными. Вместе с остальными хоронил погибших. Потом пытался подбодрить Егора, не проронившего ни единой слезинки, словно окаменевшего, замкнувшегося и молчаливого. Но тот отдалился, будто отгородился от всего мира. И Снейк почувствовал, что остался один.

Все, что ему теперь оставалось, — ждать. И он ждал. И надеялся, что вернется седой.

Но Мунлайт не появился ни на второй день, ни на третий, ни на четвертый.

«Он просто вышел, — пытался утешать себя бородатый. — Вышел из Зоны, как они и собирались. И ждет его. Ждет там, за кордоном».

А утешения не действовали. Хотя седой сам говорил как-то, что человек жив, пока не доказано обратное. Жив. В это надо было поверить. А веры не было. Только апатия.

Резаный предложил остаться. Группа поредела, а Змей не новичок. И если у него нет каких-то планов, то почему бы не строить их дальше вместе. Он не ответил.

На пятый день собрал рюкзак, подхватил автомат и ушел, не прощаясь.

Куда теперь? Остановиться, подумать? Не поздно ли?

Всеу свое время. Может быть, он упустил тот шанс, который предлагала ему судьба. А может, наоборот, именно сейчас им воспользуется. Кто знает?

Думать не хотелось. Странное дело, они победили, но победа не чувствовалась. Праздника на душе не было. Только тоска.

Уйти, остаться? Какая, в сущности, разница? Что тут, что там — везде одно и то же. Чего-то нет. Чего-то недостает, чтобы был какой-то смысл. А без осмысления внутри можно сколько влезет уходить в Зону, лезть на Эверест, бежать в тайгу. Это ведь, в сущности, ничего не изменит. Пока...

— Дядя Змей!

Бородатый замер. Голос ударил в спину, ожег, словно плетью. Снейк обернулся. Мимо заснеженных избёнок к нему, утопая по колено в сугробах, бежал Егор.

Он почувствовал, как внутри что-то больно сжимается, съёживается и тут же, задавленное, рвется наружу. В носу защипало.

Егор выбрался на притоптанную тропку, подбежал, кинулся на шею и стиснул не по-детски крепкими руками.

— Папка, — зашептал мальчишка в самое ухо. — Ты уходишь? Папка, не уходи!

Снейк прижал мальчонку к груди. Снежный пейзаж поплыл мутными пятнами. По щекам побежало что-то мокрое и горячее.

— Нет, — хрипло проговорил он, чувствуя, как дрожит, словно перетянутый эспандер, голос. Попытался сделать с этим что-то, но не вышло. — Нет. Куда я уйду?

На одереvenевших ногах он повернулся и побрел обратно, продолжая держать мальчика на руках. А тот тихонько сопел в ухо.

Дверь отворилась со скрипом и без предупреждения. Резаный хотел было вспылить, но увидел могучую викингоподобную фигуру и не стал. Только сказал между делом:

— Здравствуй. Проходи. Садись.

Снейк прошел, но садиться не стал. Торопится, что ли? Уходит? Резаный почесал шрам. Змей был донельзя серьёзен. Пугающе, фанатично серьёзен. Как будто молился две недели без передыху и окончательно спятил, но сам считает, что достиг просветления.

— Ты попрощаться? — спросил аккуратно.

— Нет, — покачал головой бородатый. — Поговорить. Я все думаю о том, что случилось.

— Я тоже думаю, — кивнул Резаный.

— И до чего додумался? — заинтересовался Снейк.

— До того, что все шатко и может в любой момент рухнуть. Вот сижу и думаю, как себя обезопасить на будущее, и не вижу выхода. Людей нет. Ты вот уходишь. А следующий такой генерал ведь запросто может стать последним.

— Не-е, — помотал головой Снейк. — Не прав. Я вот думаю, Зону, сталкеров нельзя уничтожить. Генерал — дурак наивный, если полагал, что с этим справится.

— Генералу сил не хватило, — прагматично отозвался Резаный. — Подготовился бы получше и...

— И? — Глаза у Снейка светились.

Резаный никак не мог понять, на кого тот больше похож, на фанатика или на просветленного.

— На этой земле уже два раза грохнуло. — Бородатый говорил вроде спокойно, но с жаром. — Грохнуло так, что после этого не живут. И что? Я только сейчас это понял. Жизнь-то продолжается. Новая жизнь, другая. Она уже есть. Можно совершить против неё преступление, но уничтожить её невозможно. Мы столкнулись с чем-то новым, незнакомым.

С новой жизнью. Каждый из нас пытается как-то к ней приладиться по мере возможностей и воспитания. Кто-то уничтожить хочет, кто-то нажиться, кто-то просто живет.

— Ты о чем? — не понял Резаный.

— Ну как тебе... — Снейк попытался подобрать слова. — Вот Наташа твоя, она же монстров не стреляла, хабар не таскала. Ей все это до фонаря было. Она здесь просто жила. И Егор. Он уже здесь живет. Сегодня. И будет жить здесь потом, потому что он здесь вырос, он другого не знает. И будут ещё такие Егоры. Но можешь ли ты утверждать, что они станут жить так, как мы? Если для них будет знакомо и понятно то, что мы не знаем и, не понимая толком, отстреливаем?

— К чему эта проповедь? — вконец опечалился Резаный.

— Ну как тебе объяснить... — Снейк щелкнул пальцами. — Ты маленьким был?

— Не в этой жизни.

— Книжки в детстве читал?

— Ну, было дело.

Понять, куда клонит бородатый, он уже отчаялся.

— Помнишь фантастику советских времен? Про зону и сталкеров? «Пикник», кажется. Ту книжку многие любят сравнивать с тем, что мы сейчас имеем. Дескать, братья-фантасты предсказали...

— К чему клонишь-то? — не выдержал Резаный.

— Я, кажется, понял, в чем главное отличие героев той книжки от нас. Они уважительнее, что ли, были, понимаешь? Интеллигентнее. Мы вот стреляем, выживаем, барыжим. Мерка всему внутри Периметра — патроны и жратва, мерка всему за Периметром — валютный эквивалент. Мы ведь как тот генерал. Уничтожаем. Я понимаю, то — всего лишь книжка, там все красиво и возвышенно, а тут жизнь, другие мерки. Но, может, нам стоит иногда приостановиться и вместо того, чтобы рвать на части, прислушаться? Может, что-то услышим, что-то поймем? Ведь жизнь на нас не кончается. Нельзя же все время хапать и уничтожать. Ведь что-то будет и после нас. Вот Егор будет. И Зона будет.

— Будет, но без меня.

Резаный сел за стол и помассировал виски. От подобных разговоров всегда болела голова. Разговор может быть какой угодно сложности, но конкретный. А все эти абстракции... Кому они нужны?

— И мне по фигу, — добавил он, — что будет, когда я сдохну. Нет уж, я слишком стар, чтобы меняться.

— А я вот попробую, — несколько не расстроился такому ответу Снейк. — А ты и без того хорошее дело делаешь.

— Какое?

— Даешь жизнь. Мальчишкам этим.

Резаный смерил Змея взглядом. Не то сталкер помешался, не то кто-то из них двоих в самом деле чего-то не понимает.

— Они мужики.

— Это Рыжик-то мужик? — фыркнул Снейк. — С мозгами-то мальчишки.

— Лирика это, — отмахнулся Резаный, к чёрту такие разговоры. — Чего решил?

— Остаюсь, — просто ответил Змей. — Нужен же Егорке отец. Мы вот со Славкой убежать хотели. А нет. От жизни не убежишь.

— С каким Славкой?

— Все у тебя в лоб, как у того генерала. Ты вот попробуй прислушаться.

Снейк улыбнулся одними глазами и вышел. Тихо хлопнула дверь. Резаный тупо смотрел в пространство, пытаясь вспомнить, где в последнее время мог видеть Славку, и почему не запомнил человека, если тот нехарактерно для Зоны назывался по имени.

Они со Славкой. Перед глазами возник образ: бородатый, похожий на помесь викинга с Санта Клаусом Снейк и некрупный на его фоне седой Мунлайт с вечной гнусной ухмылкой и бородкой-подковкой.

— Так его Славой звали, — удивленно произнес Резаный, не заметив, что говорит сам с собой. — А я и не знал.

11

Генерал-майор Талимонов был зол. Поездка в Зону отчуждения в его планы не входила. Он свое отбегал в молодости, когда судьба в лице начальства забрасывала в такие дали, что не очень-то и дойдешь. Сейчас Талимонову хотелось только покоя. И вот на тебе, вместо того чтобы греть задницу в заслуженном мягком кресле, подогреваясь чаем и коньяком, он вынужден переться в какую-то глушь.

До блокпоста они, можно сказать, пронеслись с ветерком. А вот после пошло что-то невообразимое. Машину возило из стороны в сторону. Ухабистая дорога, а вернее, ее отсутствие, была замечена снегом. Снега намело много. Причем наметало, когда было холодно. Теперь немного потеплело, и сугробы стали тяжелыми и влажными.

Джип мотнуло, словно в глубине сугроба, по которым он ехал до того, были рельсы, а сейчас они кончились, и машина застряла. Она и в самом деле застряла. Колеса закрутились вхолостую, зарываясь глубже. Водитель выматерился, бросил насиловать движок и выпрыгнул из машины. Снегу оказалось не меньше, чем по колено. Как это они еще раньше не застряли.

Талимонов приоткрыл дверцу и мрачно поглядел на водилу.

— Чего там?

— Застряли, товарищ генерал-майор, — официально отчеканил тот. — Тянуть надо. Я сбегая за помощью, а вы посидите немножко.

— А далеко ещё?

— С полкилометра, — прикинул водитель. — Ну, может, чуть побольше.

Талимонов вылез из машины и провалился в снег.

— Сиди уже, я сам схожу.

— Товарищ генерал, здесь небезопасно, — предупредил водила.

Талимонов кивнул и зашагал прочь, глубоко проваливаясь в снег. Идти было неудобно. А скоро стало еще и неприятно. Машина скрылась за голыми деревьями с черными стволами и заснеженными кронами. Кругом был лес. Голый и мертвый.

Зимой в лесу всегда тихо, но здесь тишина была уж совсем какая-то жуткая. Ни ворона не каркнет, ни ветка не треснет.

Снег скрипел под сапогами, мешал идти, заставляя высоко поднимать ноги. Но Талимонов, вместо того чтобы разозлиться сильнее, почему-то, наоборот, успокоился. Лес, даже невероятно странный и жутковатый, был все же приятнее, чем бесконечная езда по разбитым заснеженным дорогам.

Деревья расступились. Впереди раскинулась снежная гладь поляны. Ровная, словно кто-то расстелил идеально белую скатерть. Генералу на мгновение даже стало обидно нарушать это ровное, белоснежное, идеальное. Но наваждение быстро прошло, и он зашагал вперед. Туда, где за деревьями виднелись черные, присыпанные сверху снегом силуэты домиков.

Первый ряд домов был нежилым и разваленным. Чернели из-под снежных шапок остовы домишек, покосившиеся оградки. Здесь, между домов, появились следы. А чуть дальше, возле двухэтажного кирпичного домика, выглядевшего вполне обжитым, орудовали лопатами двое бойцов.

Судя по всему, на другом краю деревеньки тоже были какие-то жилые строения. Во всяком случае, расчищенные дорожки, уходившие в ту сторону, говорили в пользу этой версии.

Талимонов стянул фуражку и вытер пот со лба. Прыжки по сугробам заставили генерала основательно взмокнуть. Солдатики, увидав генерала, вытянулись по стойке «смирно», став похожими на часовых с лопатами.

— Здорово, бойцы!

— Здравья желаю, товарищ генерал-майор! — синхронно гаркнули две глотки, проглатывая половину слогов.

Талимонов поморщился. Чего ж так орать, не на параде же.

— Старший где?

— Капитан Берденко в штабе, — один из бойцов кивнул на кирпичный домик.

Талимонов посмотрел на ступеньки крыльца, отметив отсутствующие перила, крикнул и пошел к штабному домику.

Дверь скрипнула недовольно, словно ее заставляли работать сверхурочно. Генерал обернулся.

— Как звать, боец?

— Соткин, — отчеканил тот, к которому обращался генерал.

— Там в лесу, — Талимонов кивнул в сторону, откуда пришел, — метров через шестьсот-семьсот машина застряла. Толкнуть надо. Ты возьми ещё людей, сбегайте.

И не дожидаясь ответа, генерал зашёл внутрь. В домике было душно. Генерал миновал предбанник и дернул ближнюю дверь, что оказалась приоткрыта. В сумрачной, хорошо протопленной комнате за столом сидел мужик лет тридцати — тридцати пяти. Он уткнулся носом в какие-то бумаги. Рядом стоял стакан с залипшим на доньшке кружком покоричневевшего лимона. В сторонке пыхтел замурзанный электрический чайник.

— Берденко? — спросил генерал с порога.

Капитан поднял на генерала покрасневшие с недосыпа глаза и поспешно поднялся.

— Так точно, товарищ генерал, капитан Берденко.

Талимонов прошел в комнату и прикрыл дверь.

— Чаю сделаете, капитан? — по-домашнему как-то бросил он. — Устал с дороги.

Берденко кивнул, и через полминуты у генерала был стул, чай с лимоном и побелевшая от времени шоколадка.

Талимонов сел и принялся болтать ложкой в стакане, разгоняя сахар и бултыхая лимонную дольку о прозрачные стенки. В этой глуши он почувствовал себя вдруг удивительно уютно. И когда заговорил, хоть и говорил не очень-то ласково, голос звучал мягко.

— Какого чёрта у вас тут происходит, капитан? Что за история с пропавшим десантом?

— Генерал Хворостин со взводом десанта лично произвел высадку в Зону отчуждения, — заученно, словно не первый раз, заговорил Андрей. — Связь с генералом Хворостиным и его группой была потеряна через несколько дней. Из имеющихся данных можно предполагать, что группа Хворостина погибла, столкнувшись с областями аномального воздействия, имеющими место по всей территории Зоны отчуждения.

Берденко споткнулся о взгляд Талимонова и умолк.

Генерал глядел мягко, по-отечески. И заговорил так же по-отечески, с какой-то доверительностью в голосе.

— Андрей, я читал ваш рапорт. Мне нужно понять, что здесь на самом деле произошло. Там, — генерал-майор мотнул головой почему-то в сторону двери, — вокруг этой истории суется на таком уровне и такие люди, что вашим рапортом, боюсь, они не удовлетворятся. Так что мне нужна правда, товарищ капитан.

— Правда? — Андрей крикнул. — Хорошо, товарищ генерал, будет вам правда. Все равно нас здесь никто больше не услышит. А там сами думайте, что с этой правдой делать.

И Берденко начал говорить. Капитан не рассказывал. Он докладывал. Все, что он говорил, звучало безлико, напрочь было лишено эмоций, хотя, если судить по рассказу, эмоций внутри у капитана в свете этой истории бушевало в избытке.

Речь Андрея была бесчувственна и холодна, как рыба. Только факты. Но от этих фактов Талимонова бросило в жар похлеще, чем после беготни по сугробам.

Капитан закончил говорить. Талимонов потянулся за стаканом, но чай остыл и был теперь не холодный, не горячий, а той мерзкой температуры, при помощи которой хорошо промывать желудок.

— М-да, — протянул генерал и добавил еще пару крепких слов от души.
Берденко поглядел на Талимонова не без интереса. Взял генеральский стакан и принялся заваривать чай по-новому на правах радушного хозяина.
— Вы ведь сами правды хотели, товарищ генерал-майор.
— М-да, — мрачно повторил тот. — Что ты там в рапорте-то пишешь?
— Генерал Хворостин с взводом десанта лично произвел высадку в Зону отчуждения, — послушно забубнил легенду капитан. — Связь с генералом Хворостиным и его группой была потеряна...
— Вот так и пиши, — мягко перебил Талимонов. — И если кто спрашивать будет, так и говори. И если кто правду искать вздумает тоже. Про потерянную связь у тебя складно выходит.
— Слушаюсь, — кивнул Берденко, и в его уставших глазах мелькнула радость.

Эпилог

Мысли, память... Иногда мне кажется, что я должен быть лишен всего этого в принципе. Всему этому в моем случае неоткуда взяться. Я бесплотен. А как может работать мозг, которого нет?

И тем не менее я помню. Все. С самого момента моего рождения и до сегодняшнего дня. Эти воспоминания возникают откуда-то, как возникают откуда-то мысли, чувства.

Нет, я не чувствую на тактильном уровне. Когда тот человек, которого мой отец называл смешным словом «Сберкнижка», стрелял в меня, я не почувствовал ничего.

Я не чувствую жары и холода. Не ощущаю электрических или гравитационных воздействий, как говорят ученые. Вот разговоры ученых я слышал, и даже на большом расстоянии сквозь стены. А ветра не чую. И понять, что значит «запах луга», как и любой другой запах, не могу. Не ощущаю.

Зато я чувствую другое.

Например, я почувствовал, как умирал мой отец. Я помню это.

Он просто шел и насвистывал. И, кажется, даже выстрела услышать не успел. Пуля попала в затылок, одним ударом остановила работу мозга и выбила все мысли, воспоминания.

Отец не чувствовал этого. А я чувствовал. Это было больно. Иногда мне кажется, что я сам умер в тот момент. Но время идет. Отец мертв, а я жив. Во всяком случае, я существую. У меня есть мысли, память и ощущения.

Ведь ощущал же я тогда, как сходит с ума человек, убивший моего отца. Это тоже осталось в памяти. Это тоже было ярко.

Я подошел к отцу, наклонился над телом и первый раз с момента своего рождения посмотрел на него так близко. Он был мертв. Его убили выстрелом в голову. А болело у меня в груди. Как так может быть? Я не понимаю этого до сих пор. Только помню.

Помню, как поднялся в рост и пошел к убийце. Убийца видел меня и сходил с ума. Он схватил пистолет, приставил к виску и жал на спуск, слушая сухие щелчки. Но отец не обманул его. Пуля была одна. И убийца жалел, что потратил ее на отца. Знаю, что жалел.

Я не тронул его тогда. Оставил наедине с его страхом и сумасшествием. Не знаю, что с ним стало. Но сомневаюсь, что мать простила ему смерть отца. Мать может сохранить жизнь человеку или даже вывести его в жизнь, но, как мне кажется, это надо заслужить. А без ее одобрения никто здесь ничего не получает.

Но все это только размышления. Я не успел расспросить отца и отправился тогда к матери. Я зашел в самое ее сердце, туда, куда не заходил ни один человек, но не получил ответов. Вероятно, до понимания надо доходить самому. Никто не расскажет тебе истины, а если расскажет, то, вероятнее всего, это будет не истина, а что-то иное.

Я хожу бесплотной тенью уже много лет. Ищу ответы. Ищу понимание.

Я пережил отца, пережил его друзей. Видел много смертей. Наблюдал за самой разной жизнью. Но все, до чего дошел в своих размышлениях, кажется сомнительным.

Нет истины, нет понимания, нет ответов. Только вечный поиск.

Вечность пугает. Надеюсь, я не вечен.

Хотелось бы быть смертным, как отец. Не хотелось бы стать вечным, как мать.

Зона, ты слышишь? Я не хочу вечного скитания. Меня пугает вечный поиск. Мне нужны ответы. Пусть они будут простыми, пусть не совсем правильными. Но я хочу понять хоть что-то. Непонимание, бесконечно растянутое во времени, невыносимо. Слышишь, мама? Ответь мне.

Но мать молчит. Она всегда молчит. Может, разве что, подать какой-то знак. Но его надо увидеть и распознать. А я не уверен, что примечаю их и понимаю правильно. В этом я похож на людей.

Люди ведь тоже застыли в вечном непонимании. Правда?